

Овидий Горчаков

Лебединая песня

Овидий Горчаков

лебединая песня

ПОВЕСТЬ

КАЛИНИНГРАДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ★ 1969

Р2
Г70

Горчаков О. А.

Г70 Лебединая песня. Повесть. Худож. Ю. Колесников. Калининград, Кн. изд., 1969.

192 с. (Чекисты. Кн. 4).

Р2

7-3-2
15-69-М

ЧЕКИСТЫ

Книга IV

Овидий Александрович Горчаков

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Повесть

Редактор В. Терский. Консультант А. Петрикин. Художник Ю. Колесников. Худож. редактор Н. Комаров. Техн. редактор Л. Столбова. Корректор С. Трубина.

Сдано в набор 28/V 1969 г. Подписано в печать 14/VIII 1969 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1, 70 г. Физ. печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,74. Заказ 771. Тираж 65 000.

Цена 52 коп.

Калининградское книжное издательство, Калининград обл., Советский пр., 13. Типография газеты «Калининградская правда», Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «ЛЕБЕДЬ» ЛЕТИТ В ТЫЛ ВРАГА
1. Под крылом — Восточная Пруссия . . . 5
2. «Внимание: парашютисты!» 15
3. Путеводная звезда — Сатурн 19
II. КАК «ЛЕБЕДЬ» СМЕНИЛ «РЕЗЕДУ»
1. «Чтобы немцы не вернулись...» 25
2. В страну псов-рыцарей 38
III. ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА СОВЕТСКОГО СОЛДАТА
1. Первый день на земле врага 46
2. Ночью в сосновом бору 57
3. Прощай, капитан Крылатых! 67
IV. «ДЖЕК» И «ЗУБЫ ДРАКОНА»
1. В укрепрайоне «Ильменхорст» 80
2. Обер-лейтенант «Шахерезада» 94
V. «ЕЖ» ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ
1. «За сутки прошло эшелонов...» 106
2. «Эсэсовец — молодец против овец...» . . 116
3. В двадцати километрах южнее Тильзита . 126
VI. ИХ ОСТАЛОСЬ ПЯТЕРО
«Ти-ти-ти-та-та! Идут радисты!..» 135
VII. ИЗ ПРУССИИ В ПОЛЬШУ
1. «Гладиатор» летит в Роминтенский лес . 155
2. На пороге «Волчьего логова» 165
VIII. ЛЕБЕДИ НЕ ИЗМЕНЯЮТ
1. В Мазовии, где правит Эрих Кровавый . . 173
2. С гранатой, прижатой к сердцу 182
Указатель географических наименований 191

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

За особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг, присвоить звание **Героя Советского Союза:**

МОРОЗОВОЙ Анне Афанасьевне — участнице Сещинской подпольной организации, Брянская область (посмертно).

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР А. МИКОЯН

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 8 мая 1965 г.

ВАРШАВА, 7 июня 1966 г. Сегодня опубликовано сообщение о награждении орденом «Грюнвальдский крест» героически погибших участников движения Сопротивления в тылу гитлеровцев — руководителя подпольной группы советской разведчицы Анны Морозовой и ее боевого товарища Стефана Горкевича.

Высокая награда вручена матери советской патриотки Е. Ф. Морозовой, прибывшей в Варшаву по приглашению министра национальной обороны ПНР маршала Польши М. Спыхальского.

(Из газет)

I. «ЛЕБЕДЬ» ЛЕТИТ В ТЫЛ ВРАГА

1. Под крылом — Восточная Пруссия

За линией фронта двухмоторный «дуглас» попал в перекрестие прожекторных лучей. С черной земли протянулись к нему светящиеся красные и зеленые цепочки пулеметных трасс. Стреляли из крупнокалиберных пулеметов.

Аня хорошо помнила эти счетверенные установки — огненной сетью, бывало, окружали они Сещинскую авиабазу, и немало краснозвездных самолетов, попав в эту сеть, срывалось в последнее пике...

Самолет качнуло. Слева по борту мгновенно расцвел зловещий цветок с огненной сердцевиной: разорвался снаряд самой опасной немецкой зенитки — 88-миллиметровки.

Да, все это знакомо... Только прежде, в Сеще, Аня видела это с земли — в воздух она поднялась впервые.

Самолет уходил от разрывов, пробиваясь сквозь артиллерийскую грозу. Натужно ревели моторы. Скорость — 350 километров. Высота — почти 4000 метров. Стрелка альтиметра, подрагивая, ползет еще выше. Опять

тряхнуло взрывной волной. Аня ухватилась за край металлической скамьи. Холодно, мерзнут пальцы. В висках часто и отчетливо стучит кровь.

Ночь на 27 июля 1944 года. Внизу — Восточная Пруссия.

Десантники сидят друг против друга. Десять разведчиков. Лица, окаймленные темно-серыми подшлемниками, кажутся иссиня-бледными в призрачном морозно-лунном сиянии, вливающемся сквозь иллюминаторы.

Самолет идет на снижение. Заложило уши. Аня поправляет жесткие ножные обхваты подвесной системы парашюта. Скоро прыгать. Щемит под ложечкой. Больше всего волнует не прыжок, а неизвестность, что ждет там, внизу, на немецкой земле.

Преувеличенно спокойный Коля Шпаков, заместитель командира группы, наклоняется к Ане, нечаянно ткнув дулом ППШ в плечо:

— Лунища-то, Анка, какая! Еще малость повыше — и там будем. А что? Там легче будет — там нас не ждут фашисты!..

Аня отвечает ему бледной улыбкой.

Скоро прыгать. А почти полная луна сейчас не союзник, а враг десантников...

Девушка прижимается горячим лбом к ледяному стеклу иллюминатора. Видит: плывут в небе снежно-белые кучевые облака, залитые фосфорическим сиянием, а под ними расстилается что-то похожее на сшитое когда-то мамой одеяло из пестрых ситцевых лоскутков. Только все сейчас, как на черно-белой фотографии,— черные квадраты лесов, изрезанные чересполосицей прямоугольные серые поля и луга, серебристо-белые пятна озер и стрелы каналов. Но вот внизу вспыхивает желтый луч — это ползет крохотный эшелон с фонарем на локомотиве, блестят под луной струны рельсов.

— Майн готт! — ахает второй заместитель командира группы Ваня Мельников. — Дорог-то! «Железки», шоссейки, проселки!.. И кто меня подбил на эту загранкомандировку!.. Эй, Зварика! Ну, думал ли ты когда-нибудь в своем Дзялгине, что будешь разгуливать по Германии?!

Командир группы капитан Крылатых тоже прильнул к круглому иллюминатору. Так вот она какая, Германия! Совсем не похожа эта чужая земля на белорусскую.

Там от горизонта до горизонта тянутся бескрайние леса. Попадутся две-три шоссейки, редкие проселки и просеки, нечастые деревеньки — и опять лес... А здесь — густая россыпь каменных фольварков, бурги и дорфы с мерцающими черепичными крышами и островерхими кирками, разветвленная сеть железных и автомобильных дорог, мелкая клетка лесных просек. Восточная Пруссия! Исходный рубеж второй мировой войны. Спустя четыре года война возвращается на свой нулевой меридиан...

Капитан кладет на колено полевую сумку, раскрыв, освещает карту, маскируя луч трехцветного немецкого фонарика.

Группа вылетела с аэродрома под Сморгонью. Линию фронта пролетели сразу же за широкой лентой Немана, южнее еще не освобожденного Каунаса, на участке, где вели ночную артиллерийскую дуэль артполки нашей 33-й армии с дивизионами 4-й армии вермахта. От линии фронта до места десантировки — 150 километров. Километрах в восьмидесяти за линией фронта, за литовским городком Вилкавишкис, самолет пересек границу Восточной Пруссии.

Перед вылетом капитан тщательно, назубок заучил карту-пятикилометровку. Курс самолета прокладывал вместе со штурманом из специального полка 1-й воздушной армии генерала Хрюкина. Надо быть готовым ко всему. Здесь, за фронтом, в любую минуту может появиться вражеский ночной истребитель-перехватчик... Достаточно одной пулеметной очереди по моторам беззащитного воздушного автобуса, чтобы он рухнул в бездну. Но пока все шло благополучно.

Самолет пересек границу между городами Ширвиндт и Шталлупенен, севернее Роминтенского леса. Вначале командование предполагало забросить группу капитана Крылатых в этот лес, но потом изменило решение — разведчики летят дальше на запад, в глубокий тыл врага. Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи у пруссаков, что и говорить, поставлена крепко — сразу над границей по самолету открыла огонь зенитная артиллерия 6-го воздушного флота люфтваффе... Вот проплывают внизу железная дорога Пилькаллен — Шталлупенен, городок Куссен с блестящими, мокрыми от росы черепичными крышами, стратегическая автома-

гистраль Тильзит—Гумбиннен с мостом — еще целым мостом через реку Инстер... А вот и двухколейная железная дорога Тильзит—Инстербург!

Оторвавшись от карты, капитан вновь приникает к иллюминатору. В пятнадцати километрах западнее пролегает железная дорога Тильзит—Кенигсберг. Наблюдение за перевозками по этой важнейшей магистрали — главная задача группы «Джек»! До места выброски остается километров двадцать пять — тридцать...

Капитану захотелось глотнуть из фляжки водки, но он подавляет в себе это желание — дурной пример заразителен. А вот английским разведчикам, говорят, перед выброской подносят кофе с ромом и сандвичи. Что ж, благодаря русским союзникам они могут позволить себе воевать с комфортом.

Из кабины экипажа выходит штурман в коричневой кожанке на «молниях», говорит что-то «вышибале». «Вышибалой», или «толкачом» десантники называют «выпускающего», инструктора парашютного дела.

— Приготовиться! — зычно командует «вышибала».

Десантники разом встают лицом к люкам — пятеро к левому, пятеро к правому. Крылатых заранее указал каждому его место. Сам капитан стоит третьим к правому люку. Вначале он хотел было прыгать первым, чтобы ободрить своим примером. Но потом раздумал — важнее приземлиться в центре группы, рядом с радистками.

Аню Морозову он поставил рядом с собой, а Зину Бардышеву — впереди, рядом со своим заместителем — Колей Шпаковым. Пока продумано все до мелочей. Но стоит приземлиться, сразу же придется решать уравнение со множеством неизвестных...

«Вышибала» подходит к Ане, достает из парашютной сумки на спине девушки вытяжной фал, цепляет его карабином за стальной трос над ее головой. И вот уже десять вытяжных фалов протянулись к тросу. Прыгнет Аня в черную бездну — вытяжной фал выпростает из сумки многократно сложенный парашют, натянется и оборвется. Был человек — и нет человека, только обрывок фала-веревки, как обрезанная пуповина, останется в самолете. А там, внизу, каждого ждет новая жизнь, совсем не похожая на прежнюю. Быть может, очень короткая жизнь, а может, и смерть...

«Вышибала» распахивает одну за другой дюралевые двери бортовых люков, и в самолет врываются ураганный шум ветра и неистовый рев моторов. Кажется, будто этот рев разбудит всю Восточную Пруссию!..

Крылатых знает: самолет пролетает сейчас севернее местечка Гросс-Скайсгиррен. Местечко ерундовое, жителей и тысчонки не наберется, зато важный узловой пункт на пересечении железной дороги Тильзит—Кенигсберг и автомагистрали Тильзит—Велау; другие дороги связывают его с Инстербургом и Мемелем.

С виду капитан спокоен, но волнуется, пожалуй, больше всех.

Слепой прыжок! Никто в разведгруппе капитана Крылатых, с кодовым названием «Джек», еще не прыгал вслепую в тыл врага. Слепой прыжок — самый опасный. Внизу тебя не ждут верные друзья, никто не разведал обстановку, никто не подготовил приемную площадку с сигнальными кострами. Случалось, десантные группы прыгали прямо на головы врагов, в самую их гущу и умирали еще в воздухе, прошитые очередями пулеметов и автоматов, или в неравном бою в первые же минуты после приземления. Бывало, что и попадали в плен. Или тонули в каком-нибудь озере, в реке или болоте.

Внизу — «белое пятно» на карте. Внизу — неизвестность. Внизу — враг.

Как поведет себя эта группа разведчиков, еще не спаянных совместным боевым опытом?

«Стрелок-парашютист,— мелькают в памяти капитана строки из инструкции для гитлеровских десантников,— начинает свои действия, как правило, в том положении, которое пехотинцу показалось бы отчаянным и безнадежным». Что ж, верно подметили господа фрицы!..

Смогут ли члены группы действовать быстро, инициативно и самостоятельно в незнакомых условиях, мгновенно принимая верные решения, помня о взаимной выручке?

Прыгать надо как можно кучнее. Почти разом, как вылетает дробь из двустволки. Ведь каждая минута промедления при скорости самолета 250 километров в час обернется десятками метров разброса там, на земле.

— «Капитан, капитан, улыбнитесь!..» — ободряюще напевает Ваня Мельников.

Аня старается заглянуть через плечо Коли Шпакова в открытый люк — она ничего не видит, кроме узкой черной щели, которую пересекает стремительная струя раскаленного огненно-голубого газа, с искрами вырывающаяся из выхлопного патрубка.

Сильно качнуло — самолет, наклонив левое крыло, делает резкий вираж. Все ясно. Оставив место выброски позади, пилот долетел до берега залива Куришес Гаф, сориентировался и теперь, описав дугу, возвращается, снижаясь до предельной высоты, чтобы выбросить десант в строго назначенном пункте. Теперь дело за штурманом...

Непослушными руками Аня поправляет сумку с рацией на левом боку, сумку с батареями на правом, вещевой мешок на груди. Ее потряхивает на воздушных ухабах, нелегко удержаться на ногах со всем этим грузом. Она тревожно оглядывается на парашют — все ли в порядке, ведь бывает, и не раскрывается... или купол зацепится за стабилизатор, и тогда...

На переборке у люка мерцает включенная штурманом красная лампочка — сигнал «приготовиться». «Вышибала» стоит с поднятой рукой за люком, у панели с переговорным устройством, по которому он может слышать инструкции штурмана.

Первый Анин прыжок. И сразу — в самое пекло.

Надо согнуть колени, податься правым плечом вперед, сильно оттолкнуться от борта самолета... Вдруг вспоминается: «При свободном падении парашютист летит со скоростью двести километров в час». Она будет лететь быстрее птицы...

Около часа ночи.

У люка вспыхнул зеленый сигнал. Завыла сирена...

— Пошел! — крикнул «вышибала», рубя воздух ребром ладони.

И сразу же обрывается что-то под сердцем. Ребята двинулись вперед, а у Ани ноги наливаются свинцом, прирастают к полу. Кто-то напирает сзади... Ее обходит капитан. Вперед, вперед, Аня! Стискивая зубы, она нагоняет Колю Шпакова у самого края бездны, видит, как он проваливается в гудящую черную пропасть, и сама, собрав всю свою волю, затаив дыхание шагает через кромку в бездонную пустоту.

Встречный поток ветра, усиленный вихрем от винтов, яростно завертел, закрутил, ее швыряет под хвост самолета. Она падает, крутясь волчком, вниз головой. Зашлось сердце. Грохот, рев, свист в ушах. Непроглядная бездна. Аня забывает отсчитывать секунды, забывает о вытяжном кольце. Но тут рывок лямок сотрясает все тело. Словно чья-то гигантская рука хватает Аню за шиворот и крепко встряхивает, враз остановив падение...

И сразу нахлынула тишина. Только слышится рокот самолета. Сбросив десант, «дуглас» описывает петлю, чтобы на втором заходе выбросить груз.

Жива, цела, невредима!..

Внизу, за лунным дымом, смутно темнеет сосновый лес, крест-накрест рассеченный просеками. Тут и там парят над лесом жидкие пряди тумана. Озеро, речка, пустынная шоссейная дорога; жилья, слава богу, не видать... Высота? Сотня метров, не больше. Над головой — туго натянутый перкаль парашютного купола с просвечивающим сквозь него лунным диском.

Чем это пахнет ночной июльский ветер — лесом, соснами, разогретой смолой, йодом? Да, йодом... И еще чем-то неуловимым, незнакомым. Аня догадывается: боже мой, да ведь это же запах моря! Моря, которого она никогда в жизни не видела.

Да, это был запах соленой Балтики. Йодистый запах гниющих морских водорослей, выброшенных прибоем на песчаный восточнопрусский берег, запах сосен и седых дюн. До моря совсем недалеко. За мачтовыми соснами, за прибрежными болотами стыл под луной неслышный и невидимый Куришес Гаф — Куршский залив. В поселках и фольварках на его берегу—во Францроде, Карльсроде и Ной-Хайдендорфе — лаяли собаки. Брехали совсем как на Орловщине, совсем как во дворах Сещи, Трехбратского и Плетневки...

Не чувствуя падения, всего несколько секунд висит Аня между небом и землей. Но земля близко! Неужели она упадет в это озеро? Нет, ее сносит на лес. Ближе, ближе... Вот словно прыгают на нее снизу, вытянув колючие лапы, высокие черные сосны...

Держись, Аня! Ноги полусогнуты, ступни сведены вместе...

Острыми когтями вцепляются в нее сучья и ветви. Они рвут одежду, в кровь царапают лицо и руки. Шум

проносящейся мимо хвои, треск сучьев... Аня крепко зажмурилась, но руками прикрывает не глаза, а сумку с рацией: пуще зеницы ока бережет она радиостанцию.

Земля чугунно бьет в ноги. Аня падает, подавляя крик. Валится боком на сумку с жесткими батареями. Рядом падает здоровенный сосновый сук, придавив к земле парашютный купол. В ушах шумит, ходуном ходит грудь. По расцарапанным щекам течет теплая, липкая кровь. Но глаза целы. Аня шевелит ногами. И ноги целы. Стоило ей подвернуть ногу — и аллес капут. Ребята не могли бы ее взять с собой, выход был бы только один... Но пока все в порядке! Она жива! Жива! И радость горячей волной захлестывает Аню...

Надо спешить!.. Аня приподымается. Болит ушибленный бок, саднит расцарапанное лицо. Путаясь в пряжках и карабинах, Аня лихорадочно отстегивает парашют. Теперь только бы найти ребят.

Девушка действует автоматически, так, как учил капитан Крылатых. Сбрасывает подвесную систему парашюта, перекидывает вещевой мешок с груди за плечи, собирает в охапку порванное перкалевое полотнище, по-женски вздыхая: «Эх, сколько бы папа красивых вещей пошил сестренкам из всей этой материи».

— Аня! Ты? — слышит она за спиной приглушенный голос.— Цела? Наших никого не видела?

Это капитан. И сразу отлегло от сердца. Нет, она не останется одна в этом чужом, враждебном лесу.

Капитан протирает пальцами запотевшие очки — ох уж эти проклятые окуляры! Крепко досаждают они на войне, особенно разведчику. Крылатых забирает у Ани парашют, ловко обматывает его спутанными стропами.

— Куда самолет сбросил груз, не видала? — спрашивает капитан, взводя автомат.

Нет, Аня не видела, как «дуглас» сделал второй заход над местом выброски, не видела парашюта с грузовым тюком, не видела, как самолет улетел на восток, на Большую землю.

— Тут канава рядом. За мной! — часто дыша, шепчет капитан.

Канава в таком лесу — находка. При свете луны видно: лес, по ниточке саженный, чистенький, точно метлами подметенный, без подлеска, с тонким ковром из палой хвои. Где спрятать парашют? Закопать — нет вре-

мени. Капитан быстро озирается. Тревожно гудят сосны. Вот оно, волчье логово. Можно сказать, группа прыгала точно волку в пасть... Но от прежнего сосущего беспокойства и волнения почему-то не остается и следа. Капитан хладнокровен и деловит.

Аня замечает, что он прихрамывает.

— Товарищ капитан! Ушибли ногу? — тихо спрашивает девушка.

— Пустяки! Я везучий! И не называй меня здесь капитаном. Теперь я просто Павел...

Они останавливаются у канавы, вырытой вдоль просеки. Рядом с канавой на краю вырубки темнеет штабель пахучих сосновых бревен, аккуратная куча еще свежих сосновых ветвей.

Оглядев просеку, капитан сует скомканный парашют в неглубокую сухую канаву, приминает ткань руками и ногами, накрывает сосновыми лапами.

Аня понимает: ненадежна такая маскировка, завтра сюда могут приехать лесозаготовители, и парашюты сразу же будут обнаружены. Но лучшего тайника для них в этом лесу нет.

Снова ухает сова. Шуршат под сапогами скользкие сосновые иглы. В стороне остается вырубка с дымными наплывами тумана. В торжественной тиши колоннадой фантастического храма стоят, подпирая звездный небосвод, мачтовые сосны. Вот выглядывает из-за облака луна, и косые снопы лунного света рассекают густой соборный мрак. Качаются кроны сосен, волнуемые балтийским бризом, качаются их тени на мерцающем хвойном ковре, и Ане с ее пылким воображением чудится, будто впереди из седого тумана, из семисотлетнего праха под корнями этого сурового, мрачного бора вырастают, поднимаются ряды бесплотных призраков — тевтонские рыцари в ржавых доспехах и полуистлевших белых плащах с черными крестами... И в дуновении ветра слышатся Ане органные звуки мрачного тевтонского хорала. Вон едет впереди комтур, спесивый, огромный, рыжебородый, с поднятым забралом и павлиньими перьями на рогатом шлеме, в бранных доспехах под орденским плащом с черным крестом, с блестящим панцирем и наплечниками лучшей миланской работы, победитель на многих ристалищах при королевских и княжеских дворах. Под рыцарем — покрытый богатой попоной рос-

лый боевой конь в латах, с железным налобником, увенчанным острым стальным рогом. Рыцарь вооружен громадным двуручным мечом, щитом и мизерикордией — небольшим мечом для добивания раненых и пленных. За комтуром, как за каждым рыцарем, едут десять конных слуг во главе с оруженосцем с длинным копьем и тяжелой секирой. У комтура вьющиеся белокурые волосы до плеч, ровно подрезанные на низком и узком лбу над самыми глазами. У этого рыцаря-монаха, священника-палача, грозно сдвинутые брови и стальные глаза, сумрачное чело и голос, подобный лязгу стали и скрипу сосен...

Думала ли, гадала ли Аня, что придется ей воевать на земле, отнятой у ее далеких предков огнем и мечом во славу первого рейха рыцарями Тевтонского ордена!..

От всей этой чертовщины, померещившейся Ане в чужом, вражеском лесу, ее отвлекает вдруг громкое кваканье лягушки. Почему-то лягушка квакает не на земле, а высоко на дереве. Но это вовсе не немецкая древесная лягушка, а радистка Зина — она висит на стропах зацепившегося за верхушку сосны парашюта и зовет друзей условным сигналом.

— Ква-ква-ква! — раздается и за другими соснами.

Меж соснами скользнула одна тень, другая...

— Натан! — обрадованно шепчет капитан.—Шпаков!

Да, это были Коля Шпаков и переводчик группы Натан Раневский.

— Значит, четверо в сборе! — негромко говорит, подходя, Коля Шпаков.— Остальные еще не приземлились. Плохо дело, командир! Все шестеро висят на соснах!

Капитан задирает голову — колышется черная сосновая крона, а под ней маятником раскачивается чья-то фигура...

Дорога каждая минута. Сколько уйдет времени, прежде чем удастся всех снять? Если на соснах останется хоть один парашют, вся округа утром узнает о выброске десанта! С кого начать? С радистки, с Зины, конечно. Еще не найден грузовой тюк, там боеприпасы, двухнедельный пищевой рацион, запасные комплекты радиопитания. А немцы могут нагрянуть в любую минуту!

— Шпаков! — заторопился капитан. — Скинь сапоги и лезь за Бардышевой. Попробуй подтянуть ее за стропы к стволу. Не выйдет — режь стропы финкой. Раневский! Снимай Мельникова. Морозова, веди наблюде-

ние, чтобы никто не нагрянул со стороны вырубки. Я буду искать груз. За дело!

2. «Внимание: парашютисты!»

На песчаном холме посреди Роминтенского леса вращалась на фоне посеребренных луной облаков сферическая антенна новейшей радиолокационной установки «Вюрцбург». Невидимые в ночной темноте, змеясь, убегали по росистой траве под землю разноцветные телефонные провода. Глубоко под землей, в железобетонном бункере штаба Оберкомандо дер люфтваффе — верховного командования военно-воздушных сил третьего рейха,— на панорамном индикаторе засветилась крохотная точка. Оператор включил стоявший перед ним микрофон.

— Ахтунг! Ахтунг! * — раздался в эфире гортанный голос. — Доносит радиолокационное подразделение «Гольдап»: в полночь в районе между городами Ширвиндт и Шталлупенен появился самолет противника. Следим за отметкой на экране локатора... Самолет держит курс на северо-запад. Азимут 75 градусов...

Радарные установки в Гольдапе контролировали движение самолетов на расстоянии до 120 километров.

— Ахтунг! Ахтунг! — прозвучал через несколько минут другой голос.—Говорит штаб ПВО «Гольдап»! Наша стапятидесятисантиметровая прожекторная батарея засекла транспортный самолет противника, однако он увеличил скорость и поднялся на высоту более четырех тысяч метров. Возможны пробоины от осколков восьмидесятивосьмимиллиметровых зенитных орудий подразделения в Зодаргене. Самолет ушел, держа курс на северо-запад...

— Ахтунг! Ахтунг! Говорит служба ВНОС «Гольдап»! Вниманию аэродрома Инстербург! Самолет противника пересекает железную дорогу Тильзит—Инстербург над станцией Грюнхайде. Выслан ли ночной перехватчик?

С аэродрома под Растенбургом, обслуживавшего ставку верховного главнокомандования вооруженных сил Германии, запросили:

* Внимание! Внимание! — *(нем.)*.

— Вызываем Инстербург! Русский транспортный самолет «дуглас» находится в вашей зоне на трассе ставки Растенбург—Тильзит. Почему не приняты меры по его уничтожению? К Грюнхайде держит курс «шторьх»— самолет ставки!..

— Говорит Инстербург! Все наши перехватчики в воздухе. Над всей Восточной Пруссией наш Шестой воздушный флот ведет бои с превосходящими силами авиации противника. При первой возможности вышлем истребитель на перехват неприятельского самолета.

— Русский самолет сделал два круга в десяти километрах северо-западнее Гросс-Скайсгиррена, в районе деревни Лепинен. Он не сбрасывал бомб, следовательно, сбросил десант, груз или десант с грузом... Самолет лег на обратный курс и приближается к Грюнхайде. Азимут 85 градусов.

— «Гольдап»! Доносит Инстербург: на перехват русского «дугласа» послан наш возвращавшийся на базу ночной перехватчик Ме-110Д... Внимание! Только что получен рапорт пилота — «дуглас» сбит в двух километрах южнее Куссена... Повторяю: «дуглас» сбит и взорвался...

В Гольдапе ожила радиостанция 5-го (разведывательного) отдела главного штаба люфтваффе:

— Внимание: парашютисты! Передаем координаты выброски десанта...

В Тильзите и Инстербурге заговорили радиостанции СД — службы безопасности имперского начальника СС:

— Внимание: парашютисты! По неподтвержденным данным, выброска состоялась десять минут назад. Место выброски — квадрат 3322, район деревни Лепинен-Эльхталь. По приказу шефа СД в Тильзите дежурное подразделение СД выезжает на двух бронетранспортерах и десяти мотоциклах в Гросс-Скайсгиррен. В районе Гросс-Скайсгиррен—Зекенбург объявляется боевая готовность ландштурма... Высылаем патрульных на автомашинах, мотоциклах, велосипедах. Напоминаю приказ ОКВ от четвертого августа тысяча девятьсот сорок второго года: пойманные парашютисты должны быть немедленно переданы СД!..

— Говорит Инстербург! Вниманию шефа СД в Тильзите! В район высадки десанта направляется с рассветом, в четыре тридцать, самолет-разведчик «шторьх»...

Эти донесения и приказы различных гитлеровских штабов — ВВС, гестапо, СС, СД и полиции — перехватила, расшифровала и довела до заинтересованных инстанций советская разведывательная часть. Дислоцируясь глубоко в советском тылу, она днем и ночью вела разведку в эфире.

Тревожные переговоры по радио и телефону продолжались по всему северо-востоку имперской провинции Остпройссен.

— Алло! Господин креслейтер! Говорит старший адъютант гаулейтера. Извините, что разбудил вас: обстоятельства чрезвычайной важности... Вы уже знаете о десанте? Отлично! Необходимо поднять на ноги все население округа Тильзит. Немедленно оповестите всех ортсгруппенлейтеров, бауэрнфюреров, лесников, лесную охрану, организации Гитлерюгенда. Разумеется, Главное имперское управление безопасности уже принимает меры. С утра получите указания группенфюрера СС Шпорренберга. По-видимому, парашютисты — это немцы, разведчики. Они почти наверняка постараются укрыться в городах — в наших лесах русские не прожили бы и до захода солнца. Поэтому обратите особое внимание на ближайшие железнодорожные и автобусные станции. Установите контроль над продажей билетов и посадкой в вагоны, проверяйте всех пассажиров. Не забывайте заявления гаулейтера — в нашем тылу все должно быть спокойно, как на кладбище. Если подтвердятся сообщения о десанте, объявите о нем населению по радио! Желаю успеха.

— СС-оберфюрер Раттенхубер? С вами говорит адъютант рейхсфюрера СС Брандт. Слушайте меня внимательно. Вы отвечаете за охрану ставки. Около Гросс-Скайсгиррена — совсем недалеко от ставки — по-видимому, выброшен русский десант. Численность пока не известна. Не ясна и его цель. Русские вряд ли могли бы удачнее выбрать место для своих шпионов — в треугольнике Кенигсберг—Тильзит—Инстербург, в сердце нашей обороны, вблизи ОКХ, ОКЛ и, главное, на самом пороге ставки фюрера. Опасный камешек брошен в наш огород. Учтите: десант сброшен сразу после покушения двадцатого июля на жизнь фюрера. Нет ли здесь какой-либо связи? Слушаю вас! Да, я сегодня буду докладывать рейхсфюреру СС в его ставке в Пренцлау. Хорошо, я до-

ложу ему, что вы усилили северный сектор обороны ставки фюрера частями дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Хайль фюрер!

С утра зазвонили телефоны и в четырехэтажном берлинском особняке на Курфюрстенштрассе в кабинетах высокопоставленных чиновников имперской службы безопасности. А утром, когда шпили старинных кенигсбергских замков и кирок вспыхнули свечами в первых лучах солнца, заговорило радио:

«Говорит Кенигсберг! Вы прослушали утреннюю сводку ставки фюрера от двадцать седьмого июля тысяча девятьсот сорок четвертого года. Восточная Пруссия! Славная немецкая молодежь! Фюрер объявил нашу родину неприступной крепостью. Восточная Пруссия была и останется немецкой! Доблестные войска непобедимого вермахта надежно охраняют наши сухопутные границы. Наш славный военно-морской флот бдительно сторожит балтийские рубежи. Как заявил гросс-адмирал Дениц: «Фанатическая отвага приведет нас к победе!» Если большевистские орды посмеют вторгнуться на нашу землю, их неминуемо ждет разгром, какой мы нанесли в августе тысяча девятьсот четырнадцатого года русским армиям под Танненбергом, ставшим блистательнейшим символом славы и непобедимости германского оружия!

Советские армии пытались с ходу ворваться на нашу священную землю, но гнев германского солдата, впервые за всю войну сражавшегося на родной земле, был ужасен — большевики отброшены с огромными потерями. Однако они еще не сломлены. Они еще попытаются наступать. В эти дни затишья на фронте враг будет стараться прощупать нашу оборону путем засылки шпионов и диверсантов.

Пусть каждый дом станет неприступной крепостью. Помните правила чрезвычайного положения: не открывайте двери незнакомцам, не подвозите их на автомашинах и конных повозках, не предоставляйте им убежища и питания, доносите в гестапо и полицию о появлении незнакомых людей. Помните: нарушение этих правил карается по законам военного времени. Помощь властям в обнаружении преступников щедро вознаграждается! Хайль Восточная Пруссия!

Смерть каждому, кто окажет помощь советским лазутчикам!

Как сказал гаулейтер и обер-президент Восточной Пруссии господин Эрих Кох: «Мы знаем, что нам предначертано судьбой стоять на страже здесь, на Востоке. Нашему любимому фюреру Адольфу Гитлеру, которому мы принадлежим целиком, вместе со всем, что имеем, первому работнику и солдату нации — троекратное «Зиг хайль»!

А сейчас прослушайте утренний концерт. Рихард Вагнер. Увертюра к опере «Лоэнгрин»...»

3. Путеводная звезда — Сатурн

Целый час ушел у разведчиков на то, чтобы снять товарищей с мачтовых сосен. Шпаков и Раневский оказались, к счастью, отменными «верхолазами». Овчарова и Целикова удалось подтянуть к стволам сосен; отстегнув подвесную систему, они спустились на землю. Мельников, раскачавшись на стропах, ухватился за шершавый ствол сосны. Зварика — он висел ниже других — обрезал стропы и удачно приземлился, по-кошачьи, на четвереньки. Пятнадцатилетний Генка Тышкевич — его парашют повис сразу на четырех соснах — ухитрился самостоятельно расстегнуть карабины наплечных и ножных обхватов и ловко спрыгнуть наземь.

Зину Бардышеву начали снимать первой, а сняли последней. Обвешанная тяжелыми сумками, девушка не могла пошевелиться. Висела она метрах в пяти над землей, и Шпаков не решился перерезать финкой стропы. Отрезав несколько строп от своего парашюта, он взобрался на сосну, подвязал их к стропам парашюта Зины и опустил концы на землю; затем, подтянув девушку к стволу сосны, он снял с нее рацию и батареи и перерезал лишние стропы. Зина, держась за подвязанные стропы, благополучно спустилась на землю.

Капитан, поторапливая товарищей, озабоченно хмурится — как ни старались десантники сдернуть парашюты с сосен, им это не удалось. Можно бы, конечно, подвязать стропы, и по двое, по трое виснуть на них. Но командир понимает: ждать больше нельзя, каждая минута промедления грозит гибелью. Вдали, за лесом, уже слышится собачий перебрех... Грузовой тюк не удалось

найти, но делать нечего. Коротки июльские ночи!.. Хорошо хоть, что все собрались, все живы и целы. Надо скорей идти, надо бежать от места выброски...

— Всем надеть головные уборы. Подшлемники убрать в вещевые мешки! — тихо произносит капитан и сам первый нахлобучивает кепку на голову.

Девушки заменяют подшлемники на темно-серые береты. Даже в эту минуту Аня машинально, чисто женским движением поправляет коротко остриженные волосы. На ней жакет, перешитый из темно-зеленого демисезонного пальто, черные лыжные брюки до щиколоток. Она прячет в мешок сапожки, надевает туфли-«танкетки» на низком каблуке. Теперь все в цивильном. Если посмотреть издали, группа беженцев. Вблизи разглядишь — странные беженцы: парни с автоматами, один с русской винтовкой, у девушек — пистолетные кобуры на боку.

— За мной! — коротко командует капитан и быстро, почти бегом устремляется в глубь леса.

Пройдя два десятка шагов, оборачивается, бросает на ходу:

— Мельников и Раневский! Запоминайте путь — ночью вернетесь искать груз!

И вот они идут гуськом, десять разведчиков, идут по земле, по которой никогда еще не ступал ни один советский человек. Автоматы на боевом взводе, палец на спусковом крючке.

Аня помнит: чтобы идти бесшумно в темноте, надо осторожно ставить ногу с пятки на ступню, прежде чем переносить на нее тяжесть тела.

Капитан внимательно оглядывает лес. Он тут вроде бы совсем как вокруг деревни Выгузы, бывшей Вятской губернии, где двадцать шесть лет назад родился Павел Крылатых. Те же сосняки и ельники, такие же валуны и тот же вереск. Только там, на родине,— дебри, первозданная глухомань, вековые сосны в три обхвата, а тут— эрзац, не лес, а словно бы парк.

Капитана грызет тревога — он еще не смог сориентироваться, ведет группу почти наобум, по компасу. Так можно с ходу попасть к черту в лапы. Хмурится небо— Крылатых поглядывает на светящуюся стрелку компаса на кисти правой руки; развиднеется — ищет планету Сатурн на небе, оглядывается на Полярную звезду.

Под утро усиливается северо-западный морской бриз. Уже сползает рассвет по медным стволам рослых сосен. Капитан прибавляет шагу. Группа по-прежнему идет гуськом в рост, но теперь капитан еще больше заботится о том, чтобы продвигаться скрытно и бесшумно. Шум балтийского ветра в соснах маскирует движение группы, но он же маскирует и противника. И время от времени капитан останавливается, прислушивается к тревожному вою ветра и гудению сосен, приникает ухом к земле — нет ли погони?.. Быстрее, шире шаг!

Проходит час, другой — никаких привалов. Командир ведет теперь группу не по прямой — обходит вырубки, мелколесье и поля, старается пройти не по возвышенным местам, а низинами, в густой тени частых сосняков и ельников, так, чтобы силуэты разведчиков не проецировались на светлеющем фоне неба. Ступает он только по хвойному ковру, обходя вереск и песчаные плешины, чтобы не оставлять следов.

Аня устала. Жарко. По щекам льется пот, разъедая царапины. Сумки с рацией и батареями кажутся многопудовыми. Болят плечи от четырех лямок. Саднят натертые пятки. Еще больше устала маленькая Зина. Она идет, пошатываясь, распахнув демисезонное пальто, и, шумно дыша, сдувает пот с верхней губы.

— Дай-ка мне твой вещмешок! — шепчет ей Аня, заметив, что подруга отстает.— У тебя там одних патронов двести штук!.. Говорила, не бери столько!..

Капитан обернулся.

— Овчаров! Целиков! — приказывает он.—Возьмите у радисток мешки и батареи! Шире шаг!

Аня неохотно снимает с плеча сумку с радиопитанием. К чему эти нежности! Сколько раз ходила она с Люськой Сенчилиной из Сещи на связь к партизанам! В сутки, бывало, пятьдесят километров отмахаешь. И последние пять-шесть километров обратно в Сещу она еще тащила Люську на закорках!..

К утру меркнет янтарный Сатурн. В лесу светлеет с каждой минутой. Но вот внезапно небо хмурится — ветер, свирепея, пригнал с моря большую низкую тучу. Будто напоровшись на верхушки сосен, она окатывает краснолесье щедрым душем. Разведчики веселеют — дождь смоет следы, помешает немецким ищейкам найти их!

В каком-то болотце Аня чуть не теряет туфли. Сев, она снимает их, натягивает сапожки.

Лес теперь хорошо виден вокруг. Как не похож он, этот саженный по ниточке лесок, на могучую и девственную Клетнянскую дубраву, куда год назад ходила Аня с донесениями к партизанам! Этот немецкий культурный лес весь разбит на мелкие кварталы. Северная красная сосна, европейская ель, лесосеки разного возраста и густоты — лесинники, бревенники, жердинники. Ане, дочери лесного края, хорошо знакомы эти названия. Строевые сосны стоят, как солдаты на плацу, безукоризненными рядами. Лесины покрупнее нумерованы. Молодые сухорослые сосняки и ельники регулярно прореживаются. Лесные насаждения чистые и смешанные, простые и многоярусные. Хворост, видать, регулярно собирают и вывозят или сжигают — вон в стороне виднеется черное кострище. Просеки узкие и широкие, прямые как стрела, с межевыми столбами. Во всем чувствуется немецкая аккуратность. Взять мосточки, например. У нас в лесу — где перекладина, где кладки, где мостки в две жерди, а где и так прыгай. А тут всюду, где надо, — добротные деревянные, а то и каменные и бетонные мосты и мостики. Кругом — тропинки, грунтовые дороги, простые и улучшенные, бетонированные шоссе.

Следуя примеру капитана, разведчики пересекают эти дороги и шоссе то задом наперед — так, что следы ложатся в обратном направлении, то ступая боком.

— Эх, нам бы немецкие сапоги надеть! — вздыхает Ваня Мельников.

— Больно ты крепок задним умом,— сердится Коля Шпаков.— Мы с командиром просили — не дали. Сотни тысяч фрицев в плен взяли, а сапог немецких для нас не нашлось!

— Разве это лес? — ворчит на ходу Ваня Мельников.— Не лес, а парк культуры и отдыха!..

Укрываясь за штабелями бревен и фанеры, разведчики проскользнули мимо лесопильни, потом мимо двух лесничевок. Видно, много их тут. И что неприятно — к каждому лесному кордону, к каждому дому лесника или лесного объездчика шеренгой подходят, поблескивая белыми изоляторами, как пуговицами на мундире, столбы телефонной связи. А каждый немец — житель леса — непременно осведомитель гестапо. Долго ли вы-

звать из подлесных гарнизонов моторизованных солдат или жандармов.

Снова лесопильный завод. К штабелям бревен и досок проложена узкоколейка. Группа проходит, тесно прижимаясь к стене склада. Пригнувшись, разведчики быстро пробегают пятидесятиметровую перепаханную и засеянную картофелем просеку. На картофельной ботве блестит роса. Над космами редеющего тумана смутно виднеются деревянные вышки. Это уж совсем неприятно — сторожевые вышки на перекрестках просек и дорог. Днем тут и вовсе не прошмыгнешь незамеченным. Следующую просеку разведчики переползают по-пластунски. Аня отряхивает на ходу испачканный костюм, а у Зины для этого нет уже сил.

Группа продирается сквозь густой молодой ельник, а над лесом рокочет мотор. Бреющим полетом летит самолет-разведчик. На фюзеляже чернеет так хорошо знакомый Ане крест люфтваффе с желтыми обводами, видна даже клепка на бронированном брюхе. «Физелер-шторьх» пролетает на север, к месту выброски разведчиков, и, рокоча, долго кружит там. Сверху пилоту отлично видны парашюты, повисшие на соснах. На фоне темно-зеленой хвои они горят в косых лучах утреннего солнца, словно огромные белые фонари...

— «Викинг-один»! Я «Викинг-два»! Вижу в двух километрах юго-западнее деревни Эльхталь семь парашютов.

Вот такой же «шторьх» — «аист» по-немецки — кружил над Сещей в тот последний день 24 сентября, когда немцы-факельщики жгли поселок, а эсэсовцы минировали покинутую авиабазу...

— Внимание: парашютисты! Данные о выброске десанта подтвердились. В двух километрах юго-западнее деревни Эльхталь самолетом-разведчиком замечено семь парашютов. Дежурное подразделение СД на подходе. Немедленно установите цепь заградительных засад по имеющемуся у вас плану. Пустите по следу служебно-розыскных собак!..

Крылатых оглядывается на разведчиков.

— Шире шаг!..

Чтобы подбодрить радисток, капитан с улыбкой говорит:

— Ти-ти-ти-та-та!.. «Идут радисты!»

Так заучивают будущие радисты цифру три: точка-точка-точка-тире-тире. «И-дут ра-ди-сты!»

Пять часов форсированного марша. Сколько пройдено километров? Двадцать? Тридцать? Устали вконец не только девушки, но и ребята. Зварика и Мельников несут шестикилограммовые авизентовые сумки с радиопитанием. Мельников и Раневский примечают, запоминают ориентиры — ночью придется вернуться на почти безнадежные поиски грузового тюка. Если все будет хорошо... А ориентиров в этом культурном лесу почти нет, такой он весь одинаковый. Хорошо, что Мельников с самого начала марша запоминал номера лесных кварталов, чернеющих на столбах на перекрестках просек.

За частоколом сосен лучисто блещет солнце. Впереди, в полукилометре, взахлеб лают собаки. Спроста или неспроста? Слева и справа гудят автомашины. За сосняком скрипят колеса фурманок, слышится немецкий говор. Обычное утреннее движение или облава?

А у деревни Эльхталь рыщут по лесу эсэсовцы из особой истребительной команды по уничтожению парашютистов. Найдены шесть парашютов русских десантников и один грузовой тюк!..

Группа выходит к опушке. Капитан сигналит рукой: «Ложись!» Крылатых подползает к лесной обочине, минут пять наблюдает; ползком — обратно. Лицо у капитана бледное, со следами усталости, но как будто спокойное.

— Дневать будем вон в том квадрате,— шепчет он.— Мельников и Раневский! Ведите наблюдение на опушке. Сменю вас через два часа. Там деревня, фольварки на шоссе...

Для дневки Крылатых, опытный лесовик, выбрал квартал, засаженный в три яруса соснами.

Разведчики скрываются в густом мелком сосняке. Аня едва ползет. Руки, ноги как ватные. Глаза слипаются от изнеможения, от бессонной ночи. У Зины измученное, осунувшееся лицо.

— Располагайтесь! — хрипловато шепчет капитан.

Он еще раз оглядывает лес, землю. Важно не остановиться в поспелом для рубки лесу, в квадратах, где немцы пасут скот, косят сено, охотятся, собирают ягоды...

Самый «старый» в группе — белорус Юзек Зварика, ему почти тридцать лет,— вытирает ладонью потные, с рыжеватой щетиной щеки, осторожно зажимает нос пальцами, сморкается.

— Ш-ш-ш! — шикает на него капитан.— Разговаривать, шуметь, вставать запрещаю.

Аня и Зина не слышат этих слов. Они спят, обняв друг друга.

II. КАК «ЛЕБЕДЬ» СМЕНИЛ «РЕЗЕДУ»

1. «Чтобы немцы не вернулись...»

Во сне Аня перенеслась домой, в Сещу. Сещу бомбили, и все они — Аня, мать, отец, сестренки — бежали под обстрелом по горящему поселку...

Почти два года наводила Аня Морозова—«Резеда»— советские самолеты на гитлеровскую авиабазу в Сеще, руководя советско-польско-чехословацкой подпольной организацией...

После того солнечного сентябрьского дня, когда «тридцатьчетверки» 50-й армии ворвались в разрушенную, дымящуюся Сещу, Аня, не переводя дыхания, взялась за новую работу. И всякий труд, даже самый черный и, казалось бы, неблагодарный, радовал ее — в Сещу возвращалась жизнь. Надо было устроить семью, прокормить ее: отец ушел в армию, больной матери хватало хлопот с сестрами. Руки у Ани были в мозолях, но она отдыхала душой. Все радовало ее в освобожденной Сеще — и первые краснозвездные «ястребки» новых марок на аэродроме, и книги Гроссмана, и стихи Симонова, открыто лежащие на столе, и то, что мама бросила в печку табличку с надписью «Только для немцев».

Ее не смущали даже те косые взгляды, которые бросали на нее и Люсю Сенчилину иные сещинские старожилы,— не могла же она, в самом деле, показывать каждому свой новенький комсомольский билет, выданный после восстановления ее в комсомоле Дубровским райкомом ВЛКСМ 12 января 1944 года, — билет

№ 2383601. А все-таки жаль было сдавать старый билет, который она с таким трудом сохранила при немцах.

Аня поступила на должность учетчицы в отделе снабжения штаба строительного управления НКВД, руководившего восстановлением авиабазы. Чуть не каждый вечер забегала она ненадолго к Сенчилиным. В середине октября у Люси Сенчилиной родился мертвый ребенок. Сын поляка-подпольщика Яна Маленького. До утра сидела Аня у постели рыдавшей Люси...

Как будто все шло у Ани хорошо, но потом тот покой, о котором она мечтала два страшных года, начал понемногу тяготить ее. Сразу после освобождения ее звал в разведку Иван Петрович Косырев, но Аня не могла тогда уйти из Сещи, оставить больную мать с тремя сестренками... Читая не немецкие, а советские газеты, слушая не берлинское, а московское радио, узнавая об освобождении все новых городов и о жарких боях польских и советских партизан в Липских лесах в Польше, Аня подолгу задумывалась, все чаще вспоминала пережитое. Ее тянуло в поле, где еще валялись дюралевые обломки «юнкерсов», взорванных в небе партизанскими минами; она шла к железнодорожной насыпи — туда, где под откосом лежали, ржавея, остовы вагонов из эшелона, подорванного Яном Маленьким; подходила к взорванной гестаповцами тюрьме. Вспоминала, думала, всей душой тянулась к друзьям. Но дома ее ждали мать и три маленькие сестренки...

Когда высоко над раззолоченными осенью дубовыми уремами Ветьмы и над красавицей Десной пролетали на юг дикие лебеди, Аня глядела с неясной тоской им вслед и чувствовала себя прирученным, с подрезанными крыльями, лебедем, который, слыша трубные клики своих вольных братьев, волнуемый могучим инстинктом предков, тревожно бьет крылами и силится взлететь, чтобы угнаться в синем поднебесье за белой стаей. Впереди у стаи — неведомые опасности, немыслимые расстояния, снеговые тучи и злые вьюги. Но всякому свой путь: лебедь по поднебесью, мотылек над землей. И еще есть русская пословица: сколько утка ни бодрись, а лебедем не быть. И бессильно затихает пленный лебедь в своем тихом пруду с червяками и улитками, и насмешливо квакают вокруг лягушки...

В канун войны порой казалось ей, будто настоящая, кипучая жизнь проходит мимо «делопута» Морозовой. Руководя подпольем, она чувствовала себя в самой гуще настоящей жизни, в самом центре событий. А теперь, когда прошла первая радость освобождения, она призадумалась: так ли, как надо, она живет?

С нарастающим нетерпением ждала Аня писем от боевых друзей; тосковала по Яну Большому, Стефану Горкевичу, Венделину Робличке, Паше Бакутиной, по всем боевым друзьям. Наконец, пришло письмо от Яна Тымы. Он писал, что вступает в ряды 1-й Польской армии, и сообщал, что солдат Стефан Горкевич пал смертью храбрых под Могилевом. Потемнела Аня, стала совсем молчаливой...

В декабре нежданно-негаданно появилась в Сеще Паша Бакутина, пополневшая, красивая, в новенькой военной форме с погонами.

— Приехала погостить у вас тут денька два,— немного важничая, заявила недавняя подпольщица подругам.— Служу в особой воинской части, собираюсь лететь в тыл врага. А больше, девочки, не спрашивайте, ничего не скажу. Военная тайна!

Но как могла таиться Паша от своего прежнего командира — от Ани?

Выведала у нее Аня, что в деревне Ямщина под Смоленском стоит разведывательная часть, в которой служит Паша, и что там же готовится к новому заданию старший лейтенант Косырев, прежний Анин командир.

Это известие очень обрадовало Аню. Она чувствовала себя виноватой перед Люсей Сенчилиной и ее теткой Варварой Киршиной, перед Марией Давыдовной Иванютиной. Им да и многим другим подпольщикам и связным Аня все еще не выхлопотала партизанские справки.

И вот она, взяв с собой Люсю, тетку Варвару и Марию Давыдовну, едет, разыскивает Косырева: давай-ка, Иван Петрович, справки всем сещинским подпольщикам, и никаких гвоздей!

Иван Петрович и сам понимал: виноват, давно, по совести говоря, надо было выписать эти самые справки сещинцам, да руки до этого не доходили. Чтобы как-то загладить вину, он устроил целое пиршество. Пригласили, конечно, и Пашу Бакутину, и недавнего руководите-

ля рославльской подпольной группы — Аню Полякову. Привел Иван Петрович своего начальника — майора Стручкова. На его плечах непривычно поблескивали золотом погоны со звездочкой и двумя просветами. В тот зимний вечер впервые встретилась Аня с этим майором из штаба фронта.

Майор не только принес подпольщикам справки, но и выплатил каждой немалую сумму, в качестве денежного содержания. Аня обрадовалась деньгам — семья Морозовых с четырьмя иждивенцами жила несытно.

Пили «московскую особую», открыли «второй фронт» — банку американской свиной тушенки, закусывали двухвершковым армейским салом и копченой колбасой.

Допоздна пели партизанские песни. Вспоминали, как тайно составляли карту авиабазы, как минировали самолеты, помянули погибших — Костю Поварова, Ваню Алдюхова, Мотю Ерохину, тех, кого считали погибшими, — Вацека Мессьяша и Таню Васенкову, выпили за здоровье живых друзей — поляков и чехов... Косырев по секрету рассказал Ане, что Венделин готовится лететь на свою оккупированную родину.

К Ане подсел майор Стручков. Он, видно, знал, что эта простая и тихая с виду, неразговорчивая девушка и была душой сещинского подполья. Подполья, которое за два года нанесло наибольший урон гитлеровцам в живой силе и технике...

Майор долго говорил о чем-то с Аней. Люся, прыснув, подтолкнула Пашу в бок:

— Глянь-ка, Анька завлекает товарища офицера!

На обратном пути из Смоленска в Сещу Аня все больше молчала, раздумывала над негромкими словами майора...

В Сеще она сказала маме:

— Знаешь, мама, кому я больше всего сейчас завидую? Брату Сергею; мальчишка он — на год моложе меня,— а радист в тылу врага!

Мать вскинула на нее испуганные глаза:

— И не думай, Анька! Смотри у меня!..

В двадцатых числах января в Сещу пришло официальное, напечатанное на машинке письмо: Аню вызывали в Рославль для получения награды и оформления документов. Она поехала в город на попутной полуторке.

В городском военкомате ее снова встретил майор Стручков. Беседа была долгой...

Прежде чем покинуть Рославль, Аня прошла по разрушенному городу. Все вокруг еще напоминало о схлынувшем нашествии — и руины, и воронки от авиабомб, и плохо закрашенная немецкая надпись «концлагерь» на больнице. В Рославле гитлеровцы хозяйничали 782 дня. Вдоль всей Варшавки торчали закопченные коробки каменных зданий, по Бурцевой горе тянулись заснеженные пепелища, чернели остовы печей. Немцы взорвали пятнадцать городских мостов, все заводы и фабрики, электростанцию, школы и больницы, клубы и библиотеки.

В центре города она видела много незнакомых, но близких ей людей — мужчин и девушек в полувоенной форме с партизанскими медалями на груди. Это были партизаны двух прославленных местных бригад — Ворговской имени Лазо и Второй Клетнянской. А знаменитый клетнянский «Батя» — Тимофей Михайлович Коротченков — уже работал в горисполкоме, разместившемся в полуразрушенном здании. Партизаны попадались все пожилые — молодые сразу после освобождения ушли на фронт, дрались под Могилевом и Оршей. Аня видела, как радостно встречали друг друга бойцы клетнянских отрядов. Было горько и обидно, что партизаны-рославльчане не узнавали ее — сещинских подпольщиков глубоко законспирировали, а расконспирировать не успели...

В недавно восстановленном кинотеатре показывали не боевики с участием Марики Рокк или Зары Леандер, а первый после двух лет фашистской оккупации советский фильм «Она защищает Родину». Работали первые столовые, магазины, ларьки, пекарни. Открылись больница, амбулатория, аптека, дом для сирот. Нарасхват раскупалась рославльская газета. Ребятишки снова спешили в школу. Январский ветер трепал на стене плакат: «Добровольческие стройбригады! Возродим наш истерзанный немцами город! Даешь к зиме 3163 кв. метра жилой площади!»

Кончилась смена. Рабочие — старики, женщины, подростки — толпами валили из ворот стекольного и кирпичного заводов, мебельной фабрики «Гнутарь», маслобойки. С вокзала уходили поезда в Москву, которую Аня еще никогда не видела.

У дверей городской читальни молча стояла толпа — новых, написанных за последние два года, книг не хватало, и рославльчане ежедневно устраивали громкие читки самых лучших произведений. В тот день читали книгу Василия Гроссмана «Народ бессмертен».

Аня побывала на Вознесенском кладбище, где среди 137 тысяч расстрелянных и повешенных покоились многие сещинские и дубровские подпольщики; постояла у полусожженной тюрьмы, в которой четыре месяца назад фашисты заживо сожгли ее друга — польского героя Яна Маньковского и еще семьсот арестованных. Постояла и пошла медленно-медленно. На ресницах замерзали слезы...

И все же в Сещу она вернулась, пряча радостный блеск в глазах. И не награда радовала ее.

Крепко обняв мать, она тихо сказала заранее обдуманные слова:

— Мамочка! Ты уже совсем поправилась, Танюше шестнадцать — во всем тебе помощница, крыша над головой имеется, отец скоро вернется, а я вам деньги по аттестату буду присылать!.. Я ухожу в армию. Надо помогать нашим, чтобы немцы не вернулись.

Над головой хрипел репродуктор с продавленной черной тарелкой. Левитан читал по радио сообщение Совинформбюро о прорыве кольца немецкой блокады южнее Ленинграда... Мать тихо вытерла слезы, плечи ее тряслись.

Аня считала дни до своего отъезда. По ее рекомендации майор Стручков вызвал с ней в Смоленск и Люсю Сенчилину. Аня, Паша, Люся — эти сещинские девчата должны были полететь в тыл врага!

Восьмого февраля 1944 года Аня и Люся простились со всеми, кого они близко знали в Сеще.

— Уходим в армию. Ждите писем из Берлина!

— Анюта! — плача, говорила мать. — Осталась бы хоть до шестнадцатого, до пятницы, именины бы твои справили!

В последний раз прошлись девчата по еще покрытым снегом улицам, постояли в Первомайском переулке у сожженного дома, где в мае сорок второго Аня и ее подруги танцевали с поляками, а потом составляли план авиабазы... Над пепелищем пролетел поднявшийся с Се-

щинского аэродрома бомбардировщик с красными звездами.

Стоя в тамбуре рабочего поезда, ухватившись за ледяные поручни, они долго махали провожавшим их родным — Люсиной маме, матери и сестренкам Ани, шестнадцатилетней Тане, четырнадцатилетней Маше, девятилетней Тасе. Сверкал морозный солнечный день. Ветер развевал темно-русые Анины волосы. Глаза девчат сияли...

Поместили Аню в уютной пятистенке в уже знакомой девушкам старинной Ямской слободе под Смоленском — в самом городе немногие уцелевшие дома были полностью забиты военными. Каждую неделю к домику на 4-й Северной улице подкатывал «студер», и богатырского вида, краснолицый с мороза лейтенант-снабженец, в белом нагольном полушубке и огромных валенках, с таинственным видом вносил в комнатку девушек сухой паек по первой норме — формовой хлеб, сахар-рафинад, крупу, толстенный брус сала с фиолетовыми печатями на розоватой кожице, легкий табак «Слава». Табак Аня отдавала лейтенанту, и тот, бодро подмигнув ей, с тем же таинственным видом ехал на своем «студере» дальше.

Вечером при желтом колеблющемся свете керосиновой лампы Аня заполнила анкету, написала автобиографию.

Вот она, собственноручная биография Ани Морозовой.

«Я, Морозова Анна Афанасьевна, родилась 23 мая 1921 года в семье крестьянина, место рождения — Смоленская область, Мосальский район, Стрелевский сельсовет, деревня Поляны. Там я проживала до сентября 1936 года, окончила 6 классов Новоросчистенской неполной средней школы. В 1936 году всей семьей переехали в г. Брянск, здесь я училась в 7-м классе НСШ № 8. Отец работал зав. портняжной мастерской, мать была домохозяйкой. В апреле 1937 года отца перевели на аэродром у станции Сещинская заведующим и закройщиком военной портняжной мастерской.

Окончив семь классов в июле 1937 года, я переехала к родным на станцию Сещинская и училась в 8-м классе Сещинской средней школы. Здесь в апреле 1938 года я вступила в комсомол. В 1938 году два месяца проучи-

лась в 9-м классе и после каникул поступила на работу в Сещинский дом связи телефонисткой. В 1939 году, 21 ноября, была освобождена от работы по сокращению штатов и поступила по рекомендации райкома комсомола в промысловую артель «Стахановский труд» культработником и учетчицей портняжного и сапожного цеха. 10 ноября 1940 года перешла на работу в штаб 47 смешанной авиадивизии Орловского военного округа счетоводом отдела снабжения. В это время окончила девятимесячные курсы бухгалтеров. 1 марта 1941 года, согласно приказу, была переведена в штаб 188-й авиабригады бухгалтером технического отдела, где и проработала до июля 1941 года. 15 июля 1941 года я была переведена по распоряжению командира части в штаб 49-й авиабазы зав. делопроизводством и машинисткой при общей части. 17 июля с этой же частью выехала дальше в тыл. 6 августа 1941 года, попав в окружение, я пришла к родным на станцию Сещинская. 8 августа Сещинская была оккупирована немецкими захватчиками.

Находясь на оккупированной территории, работала по наряду на авиабазе.

В 1942 году, когда начали организовываться партизанские отряды, я стала искать во что бы то ни стало связи с партизанами. С мая 1942 года эта связь была регулярной. Мой псевдоним: «Резеда». Я организовала группу из девяти человек и выполняла специальные задания штаба 10-й армии Западного фронта в тылу врага вплоть до освобождения нашей территории от немецких захватчиков, то есть до 20 сентября 1943 года. Оказывала помощь партизанскому отряду Данченкова. 9 февраля 1944 года приехала в в. ч. 20631-Б, где и нахожусь в настоящее время. Слабо владею немецким языком. Состояние здоровья хорошее. 19.3.44».

Читая эту куцую автобиографию, майор Стручков укоризненно качал головой. Двухлетнюю подпольную работу «Резеда» втиснула в несколько скупых строчек.

Майор Стручков не раз беседовал с Аней, знал о ее работе в сорок первом с чекистом Василием Алисейчиком, с разведчиком Константином Поваровым («Но ведь они мне справок не оставили!» — пожимала плечами Аня). Он многое знал про дела интернационального подполья и досконально изучил роль в них Ани Морозовой.

Майор взял трофейный «паркер» и размашисто написал: *«Вывод: товарищ Морозова имеет в прошлом большой опыт работы в качестве руководителя подпольной организации на оккупированной территории и по своим деловым и политическим качествам может быть использована на работе в агентурной сети в качестве радистки, с подготовкой по радиоделу и по разведывательным вопросам».*

Рядовых Советской Армии Анну Морозову и Людмилу Сенчилину определили в разведывательную часть при штабе Западного фронта. Бывшая подпольщица, связная партизанской бригады, разведчица 10-й армии Аня Морозова и ее подруга. Люся попали в часть, прославленную такими героями, как Леля Колесова и Зоя Космодемьянская, Константин Заслонов и восемь москвичей-комсомольцев, повешенных в Волоколамске.

Пока комплектовались курсы радистов, Аня и Люся читали разведывательную литературу, штудировали теорию того самого искусства разведки, которое они два года постигали на практике. Пожалуй, больше всего им дало живое общение с бывалыми разведчиками, отдыхавшими под Смоленском перед новыми заданиями. К вылету в тыл врага готовились лучшие из лучших, самые опытные и отважные подпольщики и партизанские разведчики, отобранные из числа бойцов невидимого фронта на земле, освобожденной войсками Западного фронта. Этих людей Аня и Люся не знали по их настоящим именам, так же как никто не знал подлинных имен Ани и Люси...

— Какая жалость! — сказала Люся как-то вечером, прихорашиваясь перед зеркалом.— В гражданское одели нас. Надоело мне это коричневое платье, белый воротничок. Как монашки! А представляешь, дали бы нам военную форму, мы бы с тобой сфотографировались и карточки в Сещу послали — все бы наши так и ахнули!

Занятия на курсах радистов начались, когда в палисадниках смолисто запахли набухшие почки берез и зазвенела в гулкой голубизне звонкая мартовская капель, когда радио сообщило об освобождении советскими войсками украинского города Проскурова.

Весна. Смоленская весна.

Вспоминаются родные Поляны, Сеща. Прошлой весной еще жив был Янек — Ян Маленький. Он любил Люську и был счастлив — они ждали ребенка...

Весенними вечерами, когда поют смоленские девчата за околицей, празднуя первую весну без немцев, незаметно подкрадываются неясные чувства, смутные желания. Но Аня гонит прочь девичьи думки о счастье, о любви. Надо закрыть окно, чтобы не мешали песни, надо зубрить этот «дейче шпрехен», надо долбить «морзянку»... Скучать по дому, по отцу с матерью, по сестренкам почти не остается времени...

Начали с «морзянки»: «ти-ти-та-та-та» — «я на горку шла», цифра «3» — «ти-ти-ти-та-та» — «идут радисты»... Сначала работали на зуммере, потом на портативной коротковолновой радиостанции «Север». Изучали основы электротехники и радиотехники. Учились самостоятельно обслуживать радиостанцию.

Эх, ей бы в Сещу эту чудесную рацию!.. Ведь на Сещинской авиабазе у немцев работало столько раций, что фашисты-пеленгаторщики никогда бы не запеленговали Анину рацию! И все разведданные шли бы прямиком в Центр, а не кружным путем, через рации партизан и разведчиков Клетнянского леса!

Около двух месяцев училась Аня. Первого июня занятия кончились. Аня уже умела быстро принимать и передавать, расшифровывать и зашифровывать радиограммы с пятизначным цифровым текстом, выдержала все экзамены.

Улетели в тыл врага Анины подруги — Паша Бакутина и Аня Полякова. Пришел проститься Иван Петрович Косырев. Куда улетели друзья, с каким заданием, надолго ли — такие вопросы не полагалось задавать, но Ане, обняв ее дружески, Иван Петрович сказал: «Лечу в Польшу, в район Серпц — Млава. Может, встретимся...»

Аня и Люся все свободное время читали специальную литературу, до одури зубрили немецкие разговорники, порой целый день напролет говорили друг с другом только по-немецки.

Двадцать третьего мая Аня справила с Люсей свой день рождения. Ей исполнилось двадцать три года. Чуть не до утра пели песни. Наши освободили в апреле Одес-

су, и теперь совсем иначе звучала Анина любимая песня «Вечер на рейде...».

Пал Рим... Шестого июня открылся долгожданный Второй фронт... Одиннадцатого июля Аня и Люся вторично проходили медицинскую комиссию. Аня побаивалась комиссии, волновалась:

— А вдруг скажут, что нервы у меня никуда не годятся?

— Главное, Анечка, не дрейфить! — уговаривала ее Люся.— Уж десять месяцев, как фашистов прогнали! А у тебя и тогда нервы были крепкие.

Аня прошла по всем статьям. А Люсю врачи забраковали из-за каких-то шумов в сердце. Сказались, видно, тяжелые роды.

Люсю демобилизовали из армии и отправили домой. Она уезжала из части домой в Сещу понурая, заплаканная. Аня собрала ее в дорогу, крепко обняла, протянула подруге узелок с кругляшом колбасы, куском сала и сахаром — для сестренок.

— Ну что ж, Люсек,— сказала она на прощание подруге,— зато наверняка жива будешь!

В тот вечер Аня впервые за долгое время всплакнула над русско-немецким словарем. Порвалась еще одна связь с Сещей. Совсем одна осталась Аня. С кем-то сведет ее судьба...

Она перешивала полученное в части темно-зеленое пальто на костюм — в костюме удобнее по лесам бегать. Дочь портного, она понимала толк в кройке и шитье. Бывало, шила своей единственной кукле платья из обрезков «материала заказчика», потом стала шить платья сестренкам и их куклам. Сестренок Морозовы назвали Таня, Маша, Тася, но куклам Аня давала иностранные имена — Эльвира, Мальвина, Жаннета, Изабелла.

Свой костюм она хотела кроить по немецкому журналу мод, но такого журнала не нашла. В Сеще-то их было завались,— немки-связистки выписывали. Пришлось шить по памяти — связистки по воскресеньям часто надевали цивильные платья и костюмы. Тот же лейтенант, который привозил ей паек, привез пистолет ТТ с патронами и экипировку — все, что могло Ане понадобиться в тылу врага из одежды.

Экипировка соответствовала ее «легенде» — работала в штабе авиабазы люфтваффе официанткой казино,

делопроизводителем полевой почты, секретарем-машинисткой. Была невестой власовца — офицера РОА. Опасаясь репрессий со стороны органов НКВД, эвакуировалась с немцами на запад; ищет работу по специальности.

Это лишь общий очерк «легенды», набросок мелом; все шито белыми нитками... Надо продумать каждую деталь. Прическа должна быть немецкой, нужно сделать маникюр, подбить плечи костюма ватой, повесить на шею золотой крестик, заучить «Отче наш», побывать в церкви в Смоленске...

Часто задумывалась Аня над своей будущей работой в тылу врага. Знала одно: что бы там ни было, ей не придется, как прежде, рисковать жизнью всей семьи...

Аня продолжала настойчиво совершенствоваться в своей новой профессии. Работала на рации не только в избе, но и в ближайшем лесу. За месяц до вылета в тыл врага старший лейтенант Сергей Бажин, инструктор, готовивший Аню, дал ей, как радистке, такую характеристику:

«В связь вступает хорошо. Цифровой текст принимает почти без запросов. Передача на ключе четкая. Код и радиожаргон знает хорошо и правильно им пользуется. В работе оперативна. Вывод: к практической работе на связь в тылу противника готова».

Справки, кадровые характеристики... Казалось бы, зачем они — не в «личном деле» Ани Морозовой, а в повести о ней? Однако какая волнующая картина складывается из этих сухих и деловитых строк, написанных **там** и **тогда** теми, кто готовил Аню для смертельно опасного подвига в гитлеровском тылу.

А впереди предстояло самое трудное практическое испытание. Пять дней подряд, с 14 по 18 июля, она должна была связываться с радиоузлом штаба своего 3-го Белорусского фронта (к этому времени Западный фронт разделился на три Белорусских фронта) и в условиях, приближенных к боевой обстановке, принять и передать целую серию радиограмм. А радиоузел штаба находился от нее за триста двадцать пять километров! Вскоре начальник оперативной части радиоузла подписал такой акт:

«Корреспондент № 2165 передает на простом ключе в 1 минуту 100 знаков буквенного текста и 90 знаков цифрового. Качество работы на ключе — хорошее. При-

нимает на слух с эфира при слышимости сигнала 3—4 балла на фоне незначительных помех с аккуратной записью принимаемого текста: цифр — 90 знаков, букв — 85 знаков в минуту... Радиостанцию «Север» знает хорошо. В принципиальной и монтажной схеме разбирается хорошо. Может практически эксплуатировать рацию типа «Север». Простейшие неисправности отыскивает и устраняет быстро. Общий вывод: «Может быть допущена к самостоятельной работе на радиостанции типа «Север» за линией фронта».

Конечно, молодой радистке еще далеко до мастеров, принимающих тексты со скоростью до трехсот знаков в минуту, но начало неплохое.

Одновременно шла подготовка «Лебедя» — такой получила Аня, «Резеда», новый псевдоним в разведке — к работе в тылу врага среди немцев. Вскоре в ее «личном деле» появилась еще одна бумажка:

«А. Морозова имеет большой опыт работы в тылу врага и при наличии документов и легенды может проживать легально на территории, оккупированной немцами...»

«Лебедь»... Так уж повелось, что радистки-разведчицы, улетая во вражий тыл, меняли свои имена чаще всего на названия птиц, русских птиц... Ани, Тани, Маши, Дуни становились «соловьями» и «жаворонками», «ласточками» и «чайками». Так и подписывали они свои радиограммы, так и значились в сводках и списках разведотдела. Днем и ночью на коротких волнах в эфире неумолчно звучал «птичий концерт» — стрекот и писк «морзянки», и не было у самых голосистых певчих птиц русских полей и лесов лучших песен, чем те, что пели в эфире московские, смоленские, брянские девчата,— столько вкладывали они в эту «песнь песней» чувства и страсти, отваги и самопожертвования. Чуть не каждый день войны навсегда умолкали где-нибудь на той стороне «синицы» и «зяблики», «снегири» и «горлинки», но ни на один день не прекращался «птичий концерт» ни на оккупированной нашей земле, ни в самой Неметчине.

«Лебедь»... О чем думала Аня, выбирая этот псевдоним? Случаен ли был ее выбор или вспоминала она свои недавние думы при виде улетавших в дальние страны вольных лебедей?

— Значит, «Лебедь»? — с одобрительной улыбкой переспросил ее майор Стручков.—Так и запишем. Что ж, хороший псевдоним, красивый. Лебеди и орлов не боятся. И никогда не изменяют друг другу. И живут до глубокой старости.

2. В страну псов-рыцарей

Однажды вечером майор Стручков пришел к Ане с незнакомым ей тогда капитаном.

— Знакомьтесь! — сказал майор. — Капитан Крылатых. Твой, Аня, командир.

— Здравствуй, аника-воин! — широко улыбнулся незнакомец в полевых капитанских погонах, с орденом Красной Звезды на груди.

В те дни советские войска освободили Минск и Вильнюс, гнали фашистские армии из Белоруссии и Литвы. Из лесов и деревень в тылу врага возвращались разведывательные группы. Во главе одной из таких групп вернулся из-под Минска в штаб своей части и капитан Павел Крылатых.

Своего будущего командира Аня представляла себе совсем другим. Ну, старше, что ли, и мужественней. А ей улыбался невысокий, сухощавый и очень молодой с виду человек, подстриженный мальчишеским «полубоксом», в простых круглых очках со стальной оправой. Только потом приметила Аня прямой взгляд серых глаз, твердую линию губ и волевой подбородок.

С помощью капитана Аня днем и ночью участвовала в практических занятиях по топографии, училась маскировке, изучала структуру и вооружение вермахта. Капитан Павел Андреевич Крылатых продолжал учить ее стрелять из винтовки, автомата и пистолетов разных систем. А когда стал знакомить девушку с разведкой в легальных условиях, то с изумлением увидел, что в этом деле Аня, окончившая подпольную «академию» в Сеще, разбирается намного лучше его самого, выпускника спецшколы, трижды летавшего на задание в тыл врага. А он-то поначалу звал ее аникой-воином!

Родом капитан был из вятской деревни Выгузы. В комсомол вступил в 37-м. Когда началась война, этот

крестьянин-лесовик учился в Свердловском горном институте. Будущий горный инженер уже в конце июля 41-го стал курсантом Черкасского пехотного училища. Через четыре с половиной месяца он ввинтил в петлицы два лейтенантских «кубаря» и стал командовать минометным взводом в тяжелых боях под Гжатском. В апреле 42-го был ранен осколком немецкого снаряда и попал в госпиталь. Залечив рану, поехал на курсы командного состава. Затем снова учеба — в школе, где его готовили для работы в тылу врага. Спецподготовку он закончил на «отлично» и в конце сентября того же года был заброшен в тыл врага, в Белоруссию. Там он нелегально действовал больше года. На этом задании ему удалось засечь передислокацию штаба танковой армии немцев. Во второй раз он был десантирован весной 44-го в район Орша—Могилев—Горки, работал на базе отряда Ленчикова, в 8—12 километрах от переднего края обороны немцев. В июне—июле 44-го его командировали за линию фронта в район Минска представителем в развед-группу «Чайка», которой командовал Минаков. За это задание командование представило его к ордену Отечественной войны I степени. Теперь Крылатых готовился к своему самому трудному заданию.

— Очень может быть,— однажды вечером сказал Ане капитан Крылатых, пригласив ее в дом, в котором он жил,— что мы легализуем тебя в тылу врага. Поэтому надо как можно лучше знать район, в котором ты будешь работать. Куда мы полетим, знают пока, кроме меня, только мои заместители...

Капитан запер дверь в горенку, достал из кожаной полевой сумки аккуратно свернутую карту. У Ани сильнее забилось сердце — сейчас она увидит будущий район действий группы!

Капитан развернул и расстелил на столе склеенные листы карты-пятикилометровки. Новенькие листы сворачивались в трубку — пришлось положить по краям пистолет «вальтер СС», кобуру, трофейный эсэсовский кинжал с костяной ручкой. В первую минуту Аня от волнения не могла прочесть надписи. Перед глазами прыгали условные знаки, нанесенные оранжевой, зеленой, коричневой краской. Быстро нагнувшись над пятикилометровкой, под грифом «Генеральный Штаб Красной Армии» Аня прочитала: Данциг, Каунас, Торунь, Варша-

ва. В ней теплой волной всколыхнулась надежда: Литва, Польша — это куда ни шло, только бы не Германия, только бы не Восточная Пруссия!..

Но капитан со злостью ткнул пальцем в верхний лист справа и, понизив голос, сказал жестко:

— Нас выбросят сюда. Под Гольдап и Гросс-Роминтен. Восточная Пруссия. Видишь, у границы Роминтенский лес. По нашим масштабам так себе лесишко — пятнадцать на двадцать километров. Но это не простой лес, Аня. Садись и слушай...

Капитан не собирался скрывать от Ани всей сложности и опасности задания; он говорил прямо, рубил сплеча, но где-то в глубине души при виде тревоги и растерянности, мелькнувших в девичьих серых глазах, в нем неудержимо нарастала глухая, щемящая боль. Он лучше Ани понимал, что ждало их в Восточной Пруссии, он сознательно шел на смертельный риск, но Аня... Аня — другое дело. Аня — девушка, представляет ли она, куда ей предстоит лететь? Хорошо, если ее удастся устроить на «легалку». А если нет? Зачем тогда брать ее с собой? Разве нет парней-радистов у самой большой и сильной армии в мире?!

— Этот лес — охотничий заповедник,— сказал он, садясь.— Раньше он принадлежал Гогенцоллернам. Сюда каждый год приезжал кайзер Вильгельм Второй. Его величество ходил в шляпе с перышком и коротких кожаных штанах и постреливал кабанов и оленей, которых ему загоняли егеря. Теперь в этом лесу частенько охотится Герман Геринг...

— Ну вот и отлично!—попробовала пошутить Аня.— Мы возьмем этого толстяка в плен и отправим самолетом в распоряжение майора Стручкова.

Капитан не улыбнулся. Аня еще ниже склонилась над картой. Отвратительно, с точки зрения разведчика, выглядит этот лес! Весь он перечеркнут шоссейками и просеками, весь окольцован железной дорогой со станциями и городами Гольдап, Гросс-Швентишкен, Шитткемен, Дубенингкен... И в самом заповеднике много селений — Роминтен, Миттель, Иодупп, Ижлауджен...

— Глядите, попадаются польские названия! — оживилась Аня — Йеблонскен, Орловен, Плавишкен...

— Семьсот лет назад,— пояснил, закуривая, капитан,— здесь жили славяне и литовцы, но потом пришли тевтонские рыцари...

Тевтонский орден, рассказывал капитан Крылатых, был основан в 1198 году в Иерусалиме. Во главе ордена стоял гохмейстер, при нем действовал совет — капитул. Рыцарями, братьями ордена могли стать только германские дворяне. Орден владел землями в первом рейхе — Священной Римской империи, Германии, Италии, Трансильвании. Двадцатью областями ордена управляли комтуры. В 1226 году орден был призван князем Мазовецким в Пруссию на защиту от воинственного литовского племени пруссов. В 1234 году папа Григорий IX пожаловал завоеванную крестоносцами Пруссию в вечное владение ордену. Тевтонцы вели почти непрерывные войны с Литвой, Польшей и Русью. Огнем и мечом прокладывая путь на восток, орден крестил иноверцев не святой водой, а живой кровью, истреблял или онемечивал славянские племена так, чтобы стерлась память о них, строил сторожевые замки, которые вырастали в города — Кенигсберг, Инстербург, Мариенбург... Братьям-рыцарям служили «полубратья» из горожан и крестьян и крепостные из покоренных славян. Постепенно тевтонские рыцари-монахи переродились в алчных хищников. Этих благочестивых братьев во Христе с золотыми рыцарскими шпорами называли сухопутными пиратами, уверяли, что они продали душу дьяволу. На гордых хоругвях и штандартах разбойничьего ордена было начертано Насилие и Вероломство, «Мит фойер унд шверт!» — «Огнем и мечом!»

Злобные, могучие, отнюдь не трусливые, эти рыцари с чудовищной жестокостью завоевывали Восточную Прибалтику. Вместе со своим дочерним рыцарским орденом — Ливонским орденом меченосцев — крестоносцы сеяли смерть в Польше и на Руси, нападали на Жемайтию — западные земли Литвы. Бронированная рыцарская конница, спаянная религиозным фанатизмом и железной дисциплиной, с черным крестом на белых плащах и благословением папы римского и германского императора, вторглась в чужие земли, якобы для того, чтобы обратить язычников в христианскую веру. Казалось, нет силы, способной противостоять конкистадорам Старого Света. «Готт мит унс!» — «С нами бог!» —

заявляли на весь мир крестоносцы. А также подлинное древо креста господня и коренной зуб Марии Магдалины. Орден Христа дрался якобы за души язычников, а на самом деле присваивал земли и состояния как язычников, так и единоверцев. Как чума проходили по чужим землям дьяволы-монахи.

В 1242 году князь Александр Невский нанес крестоносному войску рыцарей сокрушительное поражение на льду Чудского озера. («Представляешь, Аня, Александру Невскому было всего двадцать два года тогда!..») Но Тевтонский орден все еще казался Европе властительным, непобедимым орденом, а Пруссию на Западе называли северной твердыней креста господня.

В 1511 году великим магистром Тевтонского ордена стал Альбрехт Гогенцоллерн. Он объявил территорию ордена своим герцогством. Так появилось герцогство, а затем и королевство Пруссия. При Фридрихе II, которого немцы зовут не Вероломным, как он того заслуживает, а Великим, прусская армия стала самой большой и вымуштрованной в Западной Европе. Армия сделала Пруссию великой державой того времени. Тевтонский черный одноглавый орел и черный крест перешли по наследству от Тевтонского ордена сначала к герцогству и королевству Пруссии, а потом и к третьему рейху. Восточная Пруссия оставалась оплотом потомков рыцарей-крестоносцев — столь же надменных, спесивых и воинственных юнкеров, тех же «остландрейтеров» — «рыцарей похода на восток». Восточная Пруссия оставалась цитаделью германской военщины, вотчиной Гогенцоллернов. Век за веком зарился черный орел на славянские земли.

Наполеон, явно намекая на черного прусского орла, говорил, что Пруссия вылупилась из пушечного ядра. Тевтонский орден, перестав быть государством, продолжал существовать и поставлял ландскнехтов европейским монархам вплоть до начала прошлого века, когда Наполеон распустил его специальным декретом. После крушения Наполеона орден был восстановлен. Формально, с малым количеством членов, он по сей день существует в Австрии...

— Третий рейх,— говорил капитан, разворачивая карту Германии,— пока продержался всего одиннадцать лет и уже на ладан дышит. А Тевтонский орден как

государство просуществовал около трех столетий. Я потому тебе, Анка, про древнюю историю рассказываю, что эти три сотни лет глубоко повлияли на всю историю Германии. Подвиги тевтонских рыцарей вдохновляли и Бисмарка, и кайзера, и Гитлера...

Бисмарк,— продолжал Крылатых,— утвердил власть Пруссии над всей Германией. При кайзере о нем говорили, что он больше пруссак, чем немец,—Восточная Пруссия была острием германского меча, нацеленным в Россию и Польшу, гнездом воинственного пруссачества, самых агрессивных в мире империалистов. Итак, сначала пушечное ядро, из ядра вылупился хищный черный тевтонский орленок, из орленка вырос прусский орел, из прусского орла — великогерманский орел, уже дважды дерзнувший покуситься на мировое господство. Гитлер создал третий рейх, сильно напоминающий государство Тевтонских рыцарей. В строительстве своей партии, черного ордена СС и всей империи Гитлер и Гиммлер явно вдохновлялись примером Тевтонского ордена, делали все, чтобы возродить средневековую Германию. Черные орлы на знаменах и на груди солдат, черные тевтонские кресты на самолетах и танках, и опять «С нами бог!» на солдатских пряжках и та же политика «Мит фойер унд шверт!» — «Огнем и мечом».

Капитан зажег керосиновую лампу.

— Мы сейчас слишком мало знаем о том, что творится в Восточной Пруссии. Это могила для многих наших разведчиков, потусторонний мир, откуда никто не возвращается. Наше командование скоро поведет войска на штурм этой твердыни, и мы должны как можно больше знать любой ценой об ее укреплениях.

Капитан снова закурил. При этом он сломал две спички и взглянул на Аню — заметила ли она его волнение? Нет, она разглядывала карту. Капитан молча выругал свои нервы. Позади три вылета в тыл врага! Обещали отпуск, да не та обстановка, чтобы дома на Вятке рыбку удить. Впрочем, дома только расклеишься, отвыкнешь от высоковольтного напряжения разведывательной работы. Да, нервы пошаливают, это только в кино да в плохих «шпионских» книжках действуют разведчики с молибденовыми нервами, а то и вовсе без оных.

— Слушай, Анка! — сказал он совсем другим тоном.— В тылу врага, во всем третьем рейхе с завоеван-

ными им землями, нет района труднее и опаснее для разведчика, чем Восточная Пруссия. Это крепость. Там труднее для разведчика, чем даже в голых сальских и калмыцких степях, потому что двухмиллионное население Восточной Пруссии поголовно охотится на врагов рейха. В тыл врага посылают только добровольцев. Не захочешь лететь — тебя не пошлют. Вернешься домой, в свою Сещу. Или будешь работать тут на радиоузле. Ты и так много сделала для победы. Словом, решай! Обещаю — как решишь, так тому и быть. Ручаюсь, что никто тебе худого слова не скажет.

Аня подавила вздох и едва слышно проговорила:

— Я давно все решила.

Так это на самом деле или кажется Ане, что в глазах капитана теплится совсем не командирское выражение?..

— Ты давно все решила,— сказал он тихо,— но тогда ты не знала, куда полетишь. А сейчас знаешь. Ладно! Я тебе все скажу! Смотри! В полусотне километров от Роминтенского леса, вот здесь, под городом Растенбург, находится «Вольфсшанце» — «Волчье логово» — главная ставка Гитлера. Ты работала, Анка, в «мертвой зоне» Сещинской авиабазы. Так я скажу тебе — это был общедоступный курорт по сравнению с «Волчьим логовом»! Ни один объект в третьей империи не охраняется так, как ставка Гитлера. За ее охрану отвечает не какой-то там задрипанный оберштурмфюрер, а сам рейхсфюрерр СС Гиммлер... Там будет жарко, очень жарко. Если тебе Сеща порой казалась адом, то Восточная Пруссия — это сорок градусов выше ада!

Теперь Аня понимала, почему так мрачен и молчалив стал капитан Крылатых, почему с утра до вечера рылся он во всяких секретных книжках и справочниках, почему подолгу одиноко бродил за деревней в лесу. Смутно понимала даже, почему он подверг ее такому испытанию.

Да, Растенбург — это не Сеща, словно могильным холодом повеяло от прежде незаметного кружка на карте, к западу от залитых голубой краской Мазурских озер. Во все стороны от этого кружка, как щупальца спрута, разбегались черные и оранжевые линии железных и шоссейных дорог. И все они, конечно, охраняются отборнейшими частями СС...

Аня Морозова («Лебедь»). Последняя фотография перед вылетом в тыл врага

Прядь волос прилипла к покрытому испариной лбу. Аня поправила волосы и сказала:

— Я понимала, куда и на что иду... и не рассчитывала на легкое задание.

Капитан поглядел на нее долгим взглядом. Неужели она все понимает, эта девушка? Все полностью и целиком? Почему же у нее нет тех сомнений, которые терзают его, командира? Стоит ли вообще лететь, если так мало шансов выполнить задание?! Он прошелся по скрипящим половицам и, резко повернувшись к девушке, быстро проговорил:

— Хорошо, Анка. Будем готовиться. Ты должна знать все, что мне удалось узнать об этом проклятом районе. Начнем сейчас же... Начнем с азов — с материалов первой мировой войны...

— А это что за книжка? — спросила Аня, пододвигая ближе толстую книжку, не похожую на справочник.

— «Крестоносцы», роман Генрика Сенкевича. Разыскал я в Смоленске библиотеку, только что открылась. Немцы уйму книг сожгли, книгами разбитую улицу мостили... Ничего другого я там про Пруссию не на-

шел. А роман интересный, даже актуальный. Мальчишкой, помнится, я совсем другими глазами его читал...

— Дадите почитать?

— Бери, Анка. Там одна польская девушка, Ягенка, на тебя, Анка, похожа, тоже на войну хотела идти...

Аня читала «Крестоносцев» по ночам при свете керосиновой лампы. Ее взволновала история великой любви польского рыцаря Збышка к прекрасной Данусе. И опять не давали спать смутные мечты и желания. И в последний свой день на Большой земле она съездила в Смоленск, завилась в парикмахерской, потом весь вечер сидела одна перед зеркалом, меняла прическу, пудрилась, дешевой губной помадой красила губы бантиком, тщательно вырисовывая лук купидона. Потом («Хватит дурачиться!») вымыла лицо и уложила патроны в вещевой мешок. Она простилась в тот вечер с Аней, которая могла бы быть, но которой никогда не будет...

III. ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА СОВЕТСКОГО СОЛДАТА

1. Первый день на земле врага

Утром Аню разбудил тихий шепот. Не открывая глаз, она прислушалась. Говорил Коля Шпаков:

— Это понятно, но ты скажи мне, Павел, как на духу: какие у нас с тобой шансы выполнить задание и вернуться живыми? Только откровенно! Агитировать меня не нужно.

— Хорошо, скажу как на духу. Мы все сделаем, чтобы выполнить задание. Если повезет, если здорово повезет, мы его выполним. Ты, конечно, понимаешь, что все наши прежние задания, в Белоруссии, были только неплохой подготовкой к Восточной Пруссии. В Белоруссии, считай, у нас было четыре миллиона друзей, здесь примерно столько же врагов — население и армия. Но, может, нам повезет... Кому-то ведь надо... Дай докурю!..

Капитан помолчал, сдавленно кашлянул, потом сказал еще тише:

— Ты слышал про «русскую рулетку»? Была такая игра у царских офицеров в орел или решку со смертью—

заряжали барабан семизарядного нагана одним патроном и пускали по кругу. Каждый вертел барабан, как рулетку, и, приставляя дуло к виску, спускал курок. Окопная деморализация, фатализм, жизнь — копейка. Так вот что я тебе скажу. У нас не один патрон в барабане, а полный барабан без одного патрона. Надежда хоть и маленькая, но есть. Весь расчет на то, что наши придут сюда через две недели, самое большое — месяц. Но и в этом случае мы должны быть готовы ко всему, к самым тяжелым потерям.

— Да, пожалуй, ты прав, Павел. Что ж, волков бояться... Пойду проверю пост...

Измученная Аня не стала раздумывать над услышанным. Она уснула и спала еще часа три... Проснулась около полудня. В рукаве копошился муравей. Вытряхнув его, она огляделась. Жарко светит солнце. Душисто пахнет разогретой сосновой смолой. Капитан лежит, подперев рукой подбородок, изучает карту. Ослепительно блестит целлулоид в раскрытой полевой сумке. Неподалеку шумит электропила и пыхтит локомобиль на лесопильне.

Зина спит, полуоткрыв рот. Она всего на два года моложе Ани — ей идет двадцать первый,— но сейчас она кажется совсем девчонкой. Чем-то похожа она на шестнадцатилетнюю сестренку Танюшку. Ерзают во сне, прилаживаясь к буграм и вмятинам, Ваня Мельников и Натан Раневский. Кто же сменил их на посту? Зварика и Овчаров сидят, жуют сухари. Значит, наблюдение на опушке ведут Целиков и Тышкевич.

Взглянув на «кировские» часы, повернутые циферблатом к внутренней стороне кисти — чтобы не разбились при прыжке, — Аня садится. Болит ушибленный бок, ноют ноги; Аня протирает пальцами глаза. Умыться бы, да негде. Может, взять воды из фляжки?

— Что ты делаешь, Аня? — шепчет капитан. — Отставить! Экономь воду. Мы уже завтракали. Вон в банке вам с Зиной тушенки оставили. Съешь пару сухарей с салом, выпей несколько глотков воды, и все пока. Груз-то мы не нашли!

Вдруг он быстро пододвигается к Зине. Видно по лицу — она вот-вот чихнет во сне. Капитан осторожно зажимает ей рот ладонью. Зина просыпается, широко

открывает глаза, сразу соображает, в чем дело, и садится, улыбаясь.

— Чихнуть не дадут, фрицы проклятые! — говорит она тихо, поблескивая голубыми глазами и поправляя под беретом светлые, мягкие волосы.

Зинины щеки снова пылают румянцем. Усталость как рукой сняло. Подумаешь — пятичасовой марш! Приходилось и тяжелей — бывало, сутками напролет топала в пору всяких немецких блокад и блокировок, прочесов и облав. Летом сорок второго ей посчастливилось работать в Белоруссии у самого Артура Карловича Спрогиса, командира той части, из которой вышли ее боевые подруги Леля Колесова и Зоя Космодемьянская. Она могла часами рассказывать об этом командире разведчиков, старом партизане и чекисте, латышском стрелке, бойце кремлевского караула, охранявшего кабинет Ленина. Леля погибла в бою, Спрогиса ранило. Зина осталась в группе заместителя Спрогиса майора Одинцова, потом выполняла задание с Колей Шпаковым... И все это в двадцать девичьих лет!

Как обрадовалась Аня, когда узнала, что из девчат полетит она не одна. Две девушки — это все-таки здорово, легче переодеться, умыться и мало ли что!.. И в радистской беде Зина выручит...

У Ани горят пятки. Она снимает сапоги, портянки и носки, рассматривает пузыри и ссадины. Зина посыпает ей пятки красным стрептоцидом...

Приведя себя в порядок, они завтракают вместе. Жуют сухари с салом, запивают их белорусской колодезной водицей.

Чувство нереальности всего происходящего охватывает Аню. И это не удивительно. Первый в жизни полет. В одночасье попала она из тихого белорусского городка, на улочке которого, в лучах закатного июльского солнца, танцевали девчата «Лявониху», в чужой, враждебный мир, где уже наверняка идет охота на нее и на ее друзей...

На опушке лежат, поглядывая в бинокль, Целиков и Тышкевич. Тяжело гудят на шоссе «бюссинги», стрелой проносятся «адлеры» и «оппели», дымят грузовики с газогенераторными колонками, спешат трофейные «рено». В каких-нибудь двух километрах от лесной опушки живописно раскинулась небольшая деревенька. Ка-

менные усадьбы бауэров, обнесенные высокими стенами. Протестантская кирка с острым шпилем и увитый плющом пасторский домик с живой изгородью из шиповника и со смешным фарфоровым гномом в садике. Лавка с колокольчиком над входной дверью и заросший хмелем трактир под липами в саду с пустыми столиками, покрытыми красно-белыми клетчатыми скатерками. В бинокль можно даже разглядеть картонные зеленые кружки, которые ставятся под пивные кружки. И невооруженным глазом видно, какие прочные в домах двери и ставни.

Разведчики отмечают знаменательный факт: все фольварки здесь на выгодных для обороны высотах безо всяких скрытых подступов. Каждый чердак может стать наблюдательным пунктом, каждый подвал — убежищем.

В деревне и на фольварках идет мирная жизнь — мычат коровы, визжат поросята, тарахтят легкие тракторы. Попыхивая изогнутой длинной трубкой, задумавшись, проезжает на фурманке седой, старый бауэр. Едва-едва плетется его короткохвостая сытая кобыла местной, тракененской, породы. На пашни, сады и огороды любо-дорого посмотреть, так аккуратно возделаны и ухожены они. Вон выходит из липовой аллеи группа малышей из детского сада. По проселку через пастбище пожилой мужчина с букетиком полевых цветов ведет за руку девчушку в платьице василькового цвета. Совсем мирная, идиллическая картина, если бы... Если бы не коричневая форма и повязка со свастикой на рукаве пожилого штурмовика. Если бы не почти двенадцатилетний «гитлеров» дуб, посаженный бургомистром, как и по всей Германии, на площади этой деревеньки. Если бы не обелиск под вырезанным из дерева Железным крестом на той же площади — обелиск с именами парней этой деревни, солдат 1-й восточнопрусской дивизии, сложивших головы на Восточном фронте. Вот кладет цветы к его подножию пожилой штурмовик, а губы будто шепчут что-то. Не имя ли своего сына, отца этой девочки, видит он на обелиске? «Они умерли геройской смертью за Великую Германию». И дальше — воинское звание, фамилия и имя, дата смерти тех, кто возделывал вот эти поля, ходил вот в эту кирку, сидел за этими столиками в пивной: «Ефрейтор Ремус Эрих 17.8.1941, ефрейтор Гауф Герман 27.9.1941, стрелок Шварц Рей-

нольд 10.7.42...» Трое убито в 41-м, десять в 42-м, двенадцать в 43-м, восемь к концу июля 44-го...

— И чего им не хватало? — шепотом спрашивает у Целикова Генка Тышкевич, оглядывая живописную деревеньку и отлично возделанные поля.— Сидели бы себе тихо! Никто их не трогал!

Возмездие еще только грядет. Вон катит на велосипеде горбатый почтальон с кайзеровскими усами, похожими на руль его велосипеда. Недобрые вести везет он этой деревеньке.

Да, великолепно ухожены эти пашни, огороды, сады. Но чьими руками? Ведь немцы воюют уже пять лет, война давно взяла всех здоровых мужчин, устлала их костями поля и леса под Псковом, Новгородом и Ленинградом.

А вот и разгадка. В поле виднеются белые и синие платки немок, но там же работают длинные вереницы плохо одетых женщин и мужчин. Редко разгибаются они, но когда распрямляются, то в восьмикратный цейсовский бинокль видны у них на груди синие тряпицы с буквой «О» — «Остарбейтер». Это «восточные рабочие», русские и белорусы, работают на своих немецких хозяев. Много каторжников и со знаком «Р» на груди. Это поляки. Еще дальше виднеются военнопленные в линялых, неопоясанных гимнастерках...

Казалось, воздух сперся, похолодел от ненависти.

Генка Тышкевич берет на мушку одну из надсмотрщиц — размахивающую стеком, высокую и худую, как жердь, немку в бриджах, сапогах и шляпе, похожей на колониальный пробковый шлем.

— Не балуй! — шепчет Ваня Целиков.

— Да я понарошку! — вздыхает сквозь зубы Генка.— Эх, так и пальнул бы!

Юный Генка уже бывалый партизан, настоящий мститель, но порой, в более спокойные минуты, жестокая война в тылу врага кажется ему игрой. Но сейчас он не играет...

Теперь деревенька кажется разведчикам совсем не живописной, а больше похожей на тюрьму или концлагерь. Вокруг спелая рожь, голубые цветы льна, ядовито анилиновая зелень озимых, какая-то не наша зелень, словно озимые окрашены химикалиями концерна «ИГ Фарбениндустри». Вспоминается скорбная дорога, выжженная

земля с черными остовами печей от Смоленска до Сморгони...

К одному из фольварков по дороге, обсаженной орешником, натужно ревя, подкатывает тупорылый крытый «бюссинг». Из семитонного грузовика высыпает пестрая стая городских девушек. Многие в сине-белой форме Союза немецких девушек. До разведчиков доносятся крики, веселый визг, беззаботный смех. Эти молоденькие немки — эти белокурые и голубоглазые Гретхен и Клархен, Мартхен и Минхен — явно довольны выездом на природу: в городах бомбят; здесь на лоне природы куда спокойней, хотя и приходится гнуть спину в отряде трудовой повинности. Но что это? Пятеро из них бегут сюда, в лес?.. Нет, пронесло, девушек отзывает начальница; они гурьбой идут в поле, что-то поют звонкими голосами.

Проверив документы у прохожих, проезжает на велосипедах парный жандармский патруль. Следом, отставая, на дамском велосипеде, крутя педаль единственной ногой, катит инвалид в выгоревшем пехотном мундире. В бинокль можно разглядеть черно-бело-красную ленточку Железного креста II класса. Сзади, за плечом, как винтовка, торчит костыль. Крест да костыль — вот и все, что получил этот немец за свою ногу, потерянную то ли под Москвой, то ли под Сталинградом, а может быть, и в партизанском краю...

Да, таков был летом сорок четвертого прусский пейзаж. Солдат-инвалид. Обелиск в честь павших. И в саду бургомистра, хотя этого и не могли знать разведчики, серые мешки с удобрениями — с богатым фосфором и кальцием пеплом из крематориев Освенцима и Майданека.

По шоссе то и дело проносятся штабные и крытые грузовые автомашины с номерами СС. Номера с инициалами WH — сухопутные силы, LW — люфтваффе. А вот номер, какого разведчики еще не видели: начинается он с КМ. На большой скорости мчится транспортер с солдатами морской пехоты в светло-серой форме. Разведчики определяют род войск по цвету формы, погон и окантовки. Красные погоны — артиллерия, ярко-желтые — кавалерия, синие — интендантство... Молча лежат разведчики, терпеливо ощупывая глазами каждый метр от опушки леса до горизонта.

Ровно через три часа наблюдателей сменяет новая пара — Овчаров и Зварика. Целиков и Тышкевич ползком возвращаются в сосняк. Целиков подробно отвечает на дотошные расспросы капитана. Все немцы — старики и подростки — вооружены? Ясно. Машины с номерами СС? Кого они ищут? Капитан задумывается. Может быть, после покушения на Гитлера эсэсовцы почти все силы бросят на подавление заговора, им будет не до десантников...

Ваня Целиков докуривает папиросу московской фабрики «Дукат», вкручивает окурок поглубже в песок под палой хвоей. Потом, поразмыслив, вырывает его и растирает в ладонях, чтобы и следа не осталось...

Все сильнее прижаривает солнце. Все крепче пахнет смолой. На сосновых лапах серебрятся нити клейкой паутины. Из-под палой рыжей хвои выглядывает желтый масленок. Аня находит, ползая в сосняке, десяток клейких маслят, разрезает финкой, сушит на припеке. Она уже чувствует, что с едой здесь будет очень трудно. Два года оккупации научили ее бережливости, привили ей привычку откладывать на черный день.

Попадаются и лисички. Совсем как на лесистых холмах под родными Полянами, где Аня провела первые безоблачно-счастливые пятнадцать лет своей жизни. Только все здесь, даже сосны, даже воздух, — все какое-то чужое, враждебное. Солнце и то светит словно сквозь закопченное стекло, светит — и не греет душу...

За сосняком виднеется зеленая просека. Ну, что в ней немецкого? Самые обыкновенные ромашки, голубые колокольчики, ярко-красные гвоздички, анютины глазки. И все-таки остро чувствует Аня — это не своя земля... И даже эти цветы чужие, и анютины глазки наверняка названы пруссаками не в честь Анюты, а какой-нибудь пруссачки Анхен. И даже спелую, сочную чернику Аня пробует с опаской... Подозрительно тихо в чужом лесу. Не поют в нем птицы. А как пели соловьи в Смоленском лесу под Ямщиной!.. Вовсю стрекочут кузнечики, но Ане не верится, что язык у них международный, свое кузнечиковое эсперанто: ей-богу, есть в этом стрекоте что-то не наше, что-то немецкое... Нет, все здесь от дьявола, и весь пейзаж пропитан чем-то дьявольским — немой угрозой, изготовившимся к прыжку неведомым

злом. Даже удивительна эта обыденность пейзажа — совсем не таким представляешь себе ад...

Ребята разговаривают шепотом, больше молчат, почти не двигаются, часто озираются, чутко, настороженно прислушиваются к шорохам леса.

Капитан, разведя мыло в холодной воде, неторопливо бреется бритвой «Ротбарт».

— «Ротбарт»,— говорит он Шпакову,— значит «Рыжая борода» «Барбаросса» — «Рыжая борода» по-латыни — прозвище императора Фридриха Первого. Именем «Барбароссы» Гитлер назвал план войны против Советского Союза — схватим, мол, красных за бороду!..

— А теперь,— усмехается Шпаков,— сидишь ты, советский офицер, на германской земле и преспокойно бреешь свою рыжую бороду трофейной «барбароссой».

Командир медленным взглядом обводит разведчиков.

Своих разведчиков капитан Крылатых подбирал не только по политическим и деловым признакам, но и по качествам сугубо разведывательным. Он требовал, чтобы каждый член его группы владел несколькими воинскими профессиями и чтобы все вместе дополняли друг друга. Шпаков с его почти трехлетним опытом подпольщика, партизана был такой же или почти такой же разносторонний разведчик, как и сам Крылатых. Мельников — отличный диверсант-минер и мастер по захвату «языков», Ваня Овчаров хорошо знает джиу-джитсу. Все в группе умели обращаться с трофейным оружием. Вот только со знанием языка противника было плоховато: по-немецки говорили, да и то не блестяще, только четверо: Раневский, Крылатых, Шпаков и Аня.

В бору запоздало кукует кукушка.

— Посчитаем, Аня, сколько нам жить осталось? — спрашивает Зина. И тут же замолкает, заметив на себе тяжелый взгляд капитана Крылатых. Неуместный вопрос.

«Ку-ку, ку-ку...»

Шпаков опускает глаза — конечно, вопрос неуместный. И Ваня Мельников вдруг озабоченно склоняется над казенной частью ППШ, сдувает хвоинки с затвора. И все делают вид, будто не слышали нетактичного вопроса.

«Ку-ку, ку-ку...»

А капитан Крылатых, подшивая свежий воротничок из перкалевого лоскута, тихонько, неверным баском напевает:

— «И я знаю, родная, со мной ничего не случится...»

А утром рот Зине зажимал, чтобы не чихнула. Что ж, за день пообвыкли...

«Ку-ку...»

Адски медленно вползает вверх по елкам, с лапы на лапу, закатный пламень. Наконец-то, наконец-то кончается этот длинный день. Пожалуй, самый длинный день в жизни Ани и ее друзей. По календарю этот день длится почти шестнадцать с половиной часов... Пролетает над лесом тройка голубых снизу «юнкерсов». Стихает шум на лесопилке. Стихает за опушкой гулкое тарахтение мотоциклов и автомашин, мычание коров, поросячье хрюканье, непонятные вскрики, от которых стынет кровь в жилах. Умолкает даже стрекот кузнечиков. Шумит только балтийский бриз в верхушках сосен.

Даже тихий шепот царапает по нервам.

— Но почему мы не нашли груз? — спрашивает капитан Ваню Мельникова и Натана Раневского.— Весь день думаю... Я там все ближние кварталы исходил, ведь парашют должен был почти наверняка повиснуть на деревьях.

— По-моему,— говорит Мельников, разжевывая сухарь,— штурман сбился на втором заходе. Без костров это как пить дать...

— Может быть,— еле слышно произносит Натан,— а может, в поле груз упал или в озеро.

— И все-таки,— заявляет капитан,— мы должны сделать все, чтобы отыскать груз. Сами понимаете — там харчи, боеприпасы, запасные батареи. Придумать бы такой радиобуй в тюках — включаешь рацию на определенную волну, а груз твой сигналит: «Я тут, я тут, иди сюда!..»

Десантники невесело переглядываются: да, без груза — хана, в «сидорах» — еды всухомятку на две недели, патронов — на пару хороших боев, батарей — на месяц связи. Увы, не разработали мы еще таких специальных средств, чтобы темной ночью наводить десантника на утонувший в лесном зеленом море грузовой контейнер. Да так, чтобы враг не чуял сигнала, а десантник чуял... Радиобуй — это дело...

— Как только стемнеет, пойдете искать груз,— шепчет капитан.— Но берегитесь засады! Немец наверняка прочесал место нашей выброски...

— И наверняка нашел груз! — вставляет Мельников.

— Может быть, и нашел,— соглашается капитан.— Может быть. Но мы должны пойти на любой риск... Так, Ваня?

— Так,— хмуро соглашается Мельников, роя саперной лопаткой ямку для пустой банки из-под свиной тушенки.

— Так, Коля? — спрашивает командир Шпакова.

— Так,— твердо отвечает Шпаков и, покосившись на Ваню Мельникова, добавляет: — Если кто сомневается, так я готов лично пойти искать груз!

— А никто и не сомневается! — резко отвечает Ваня Мельников, обидчиво выпячивая нижнюю губу.

— Вот и отлично! — говорит командир.— Но самая наша первая задача — узнать точно, где мы находимся, сориентироваться по карте. Я весь день изучал карту и не могу сказать, где точно нас выбросили, что это за фольварки за опушкой. Вот ты, Ваня и Натан, уйдете искать груз; нам надо назначить запасные явки, а как мы это сделаем, если не знаем, где находимся?

И это ясно всем. Сначала надо сориентироваться. И вот в притихший темнеющий лес уходят Мельников и Раневский. Они идут до опушки с капитаном и Шпаковым, а дальше — одни, оставив автоматы, с пистолетами в кармане. Капитан и Шпаков, прикрывая товарищей, видят, как те бесшумно перебираются через увитую плющом высокую каменную ограду ближайшего фольварка, ждут пять минут, десять, пятнадцать. На фольварке гулко, осатанело лает собака...

Мельников и Раневский возвращаются кружным путем, злые, растерянные.

— Не дом, а крепость! — докладывает Мельников.— Двери и окна на запоре. На стук никто не отвечает. Натан их по-немецки просил открыть, а они затаились, в молчанку играют. Видать, порядок такой... Сволочи, сунуть бы им гранату в печную трубу!..

— Скажи спасибо, что они не пальнули по нас из двустволки! — усмехается Натан.— Мы кругаля дали: вдруг, думаем, из окон подсматривают.

— Ладно,— решает капитан.— Идите искать груз. Может, попадется «язык». Мы вас ждем тут. Не застанете тут — ищите в третьем квартале отсюда на восток. Только быстрей — одна нога здесь, другая там. Вернетесь, надо будет отмахать десяток километров. Мы пока перейдем вон в тот сосняк, подальше от опушки. Эти пруссаки могут позвонить в полицию — приходили, мол, стучались двое неизвестных. Ну, ни пуха... Берегитесь засады!

Мельников и Раневский уходят. Гаснет вечерняя заря где-то за лесом, где-то за ближайшим большим городом на западе — за Кенигсбергом. Молча ужинают разведчики — сухари, сало, колбаса, несколько глотков тепловатой, застоявшейся в фляжках воды.

— Сеанса не будет? — спрашивает капитана Зина, кивая на висящую на сосновом сучке зеленую сумку с радиостанцией. — Время подходит.

— Нет,— качает головой Крылатых.

«Хозяину», конечно, не терпится узнать, как прошла десантировка, но капитан не решается выйти на связь. Группа «Джек» должна ждать возвращения товарищей, а выход в эфир будет тотчас запеленгован немцами, и тогда жди гостей...

Томительно тянутся минуты. А ждать надо долго. В полночь зажигается за лесом и тускло мерцает желтоокий Сатурн.

— Говорит шеф СД в Тильзите! Поиски парашютистов продолжаются... Прошел проливной дождь, и наши лучшие собаки не взяли следа. Всего найдено десять парашютов русских парашютистов-десантников и один грузовой парашют с тюком, в котором обнаружен двухнедельный рацион на десять русских солдат — русские и американские консервы, концентраты в пачках с надписями по-русски, боеприпасы для семи-восьми автоматов ППШ и два комплекта анодных и накальных батарей БАС-60 и БАС-80 для рации типа «Север». Мною установлены два кольца засад и ведется круглосуточное патрулирование всего района. Сильная засада оставлена у тюка. Полагаю, что группа будет обезврежена не позже, чем завтра до захода солнца...

2. Ночью в сосновом бору

Глядя в звездное небо, заложив руки под голову, капитан тихо напевает свою любимую песню о верной любви, хранящей его темной ночью от пули:

Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится...

Стихает ветер. Молчат сосны. Тускло поблескивают в темноте затворы хорошо смазанных автоматов.

Крылатых сворачивает самокрутку, закуривает, пряча огонь. Пахнет легким табаком «Слава»...

Мельников и Раневский вернулись около четырех утра без груза, но не с пустыми руками. Они привели «языка» — старшего унтер-офицера люфтваффе — со связанными руками и кляпом во рту.

— Дважды чуть не напоролись на засаду,— коротко докладывает Мельников.— Этого прихватили на обратной дороге.

— Сориентировались? — вставая, быстро спрашивает командир.

— Да. Ближайшая деревня за опушкой — Ауэрвальде, — отвечает Натан. — Выходит, штурман ошибся на семь километров, сбросив нас у деревни Эльхталь. Этот фриц работает техником на Тильзитском аэродроме. Ходил к девочкам. Как поется у партизан: «Ой, не ходы, фрыцю, тай на вечорныци!..»

Переводчик Натан самый высокий и сильный разведчик в группе. Когда он берет «языка», то смотри в оба— как бы «язык», по поговорке разведчиков, не лишился языка, испустив дух.

Итак, пропали патроны, двадцать гранат, двадцать пять килограммов муки, шестнадцать килограммов мясных консервов, сало, три килограмма табака, мыло и два комплекта радиопитания. Чертовски обидно!

— Подъем! — командует капитан. — Подробности расскажете по дороге. Распахни-ка, Коля, полы пальто! Маскируй свет!

Капитан, освещая карту синим светом фонарика, быстро находит Ауэрвальде. Он вздыхает с облегчением. Теперь он знает, куда идти. Этой же ночью группа выйдет в заданный район действий на железной дороге Тильзит—Кенигсберг. А на груз придется махнуть рукой...

— За мной!

Аня на ходу всматривается в освещенное изменчивой лунной светотенью лицо пруссака. Молодой совсем, пожалуй, ей ровесник. Высокий, белокурый, голубоглазый, с узким длинным черепом, нос тонкий, с высокой переносицей, подбородок боксерский — словом, типичный представитель расы Лоэнгрина.

Ведя группу вдоль прямой, как натянутая нитка, опушки, капитан выслушивает рассказ Мельникова:

— Немцы прочесывают лес вокруг места выброски. А на месте выброски — засада. Подползли, я кинул подальше палку в ельник — такая тут поднялась пальба, ракет понавесили. Не меньше взвода их там... Видели на просеке автомашину с пеленгатором. Раз пять обходили патрули в лесу. И вот этот попался... Когда брали, царапался, кусался...

Мельников зло глядит на фрица. Разглядывает немца и капитан. Видит: в петлице — знакомая ленточка. Крылатых знает: это бело-красная ленточка медали «За участие в кампании на Восточном фронте». В солдатском обиходе медаль именуется «Орденом мороженого мяса». Из России этот фриц унес ноги и — надо же! — к русским попал в плен в родной Восточной Пруссии.

— Что фриц рассказал?

— Сначала в молчанку играл,— отвечает Натан,— потом раскололся. Говорит, на аэродроме базируются соединения истребителей и бомбардировщиков Шестого воздушного флота люфтваффе. Сейчас в Восточной Пруссии немногим более тысячи самолетов. Две эскадрильи прилетели с Южного фронта. Район действия — Каунас, Шауляй, Курляндия, линия фронта. Командующий — генерал-фельдмаршал Роберт фон Грейм. Фриц слышал о нашем десанте. Наши головы оценены в десять тысяч рейхсмарок.

— За штуку?

— За штуку.

— Спроси его: он все еще верит в победу, в Гитлера? Только предупреди: заорет, капут ему сделаем.

— Да, мы, как прежде, верим фюреру! — отрывисто, зло отвечает немец, когда Натан Раневский выдернул у него изо рта его же пилотку.— Победа или Сибирь! Вы, русские, передеретесь с англо-американцами. Новое чудо-оружие поможет нам выиграть войну!

— Повторяет брехню Геббельса. Своих мыслишек у него что, видать, совсем нет?

— Мы семьсот пятьдесят лет стоим на этой земле и никуда отсюда не уйдем! — бубнит пруссак. — Ни один русский не ступит на немецкую землю!

— А мы?

Угрюмо молчит правоверный нацист, по-волчьи поблескивая в темноте глазами.

— Скажи ему, что только дураки не видят, что Гитлеру капут!

— Провидение хранит фюрера, оно спасло его двадцатого июля от верной смерти. Да, мы верим в него! Верим в победу! А разве вы, русские, пали духом, когда мы взяли Киев, окружили Ленинград, подошли к Москве! У нас положение сейчас намного лучше, чем было у вас в сорок первом или втором, гораздо лучше, чем в восемнадцатом году, а фюрер и тогда... Вы — это еще не армия. Ни один русский солдат не ступит на немецкую землю!

— Понимает ли этот фашист, что ждет его лично?

— Да, вы убьете меня,— отвечает тот угрюмо.—У вас нет другого выхода.

— Задай ему чисто академический вопрос: выдаст ли он нас, если мы его отпустим?

— Я солдат и выполню свой долг,— зло говорит немец.— Предлагаю вам сдаться в плен. Ваше положение безнадежно! Я сохраню вам жизнь...

— Скажи ему: кто поднял меч, от меча и погибнет!

— Хайль Гитлер!

Пруссак умоклает. Четыре года в Гитлерюгенде, пять лет в гитлеровской армии. С детства этому пруссаку вбивали в голову сказки про германские дружины, про рыцарей и про спаянных товарищеской клятвой ландскнехтов, сказки про победоносные войны расы господ. С малых лет учили прусским добродетелям — безусловному послушанию, духу порядка, чинопочитанию, воинскому долгу, презрению к смерти: «Солдат — навоз истории!»

— Хайль...

— Заткни ему рот!

Ему заткнули рот пропотевшей пилоткой с орлом люфтваффе и свастикой. Это был верный солдат своего фюрера. Настоящий «остландрейтер» — «рыцарь похода

на восток». Совсем не похожий на те карикатуры, которые печатали в газетах. Один из тех солдат Гитлера, что дошли по трупам до Москвы, до Сталинграда, почти до Астрахани. Один из стойких, храбрых — словом, самых опасных наших врагов...

...Сжав зубы, прислушивается Аня к затихающим за соснами в болотце шагам. Внезапно, точно человеческий вопль, проносится над лесом резкий крик филина. Зина прижимается к Ане. Невольно затаив дыхание Аня слушает, слушает...

Разведчики долго идут молча. Молчание нарушает Крылатых.

— Не поверил, что наши придут! — негромко, с усмешкой произносит он, и все сразу догадываются, что он говорит о немце.— Да, нас пока мало, но за нами... Впрочем, вы-то и так все понимаете!..

Капитан Крылатых ведет группу по лесу. Мерцает янтарный Сатурн за черными кронами сосен. Девять спутников у Сатурна. Девять спутников у капитана Крылатых... На дорогах и проселках рычат и завывают дизельные моторы тяжелых бронетранспортеров.

Разведчики перебегают через шоссе, и Аня успевает почувствовать тепло, которым веет от нагретого солнцем за день гудрона.

Разведчики залегают в частом ельнике у просеки — ждут, пока пройдет войсковая автоколонна. Немцы проложили по этой пятидесятиметровой просеке грунтовую дорогу, отрыли вдоль нее, на случай воздушных налетов, щели и окопы. В эти окопы и забрались разведчики.

Дорога не значится на карте. Но Центр узнает об этой новой тайной дороге, как только Аня и Зина передадут первые радиограммы.

В темноте тускло желтеют фары грузных бронетранспортеров, крытых брезентом тупорылых трехосных грузовиков, штабных машин марки «мерседес-200» с командными флажками командиров батальонов и полков. Фары замаскированы, оставлена для света одна лишь поперечная щель под козырьком. Включены они через две машины на третьей. Полевые кухни, самоходки, мотоциклетно-стрелковый батальон... Удушливый запах газойля и солярки.

Как ни стараются разглядеть разведчики дивизионные и полковые эмблемы на бортах автомашин в потем-

ках, им это не удается. Только смутно виднеются на камуфлированных бортах большие черные кресты с белыми обводами. Черный крест на белом поле — эмблема тевтонского рыцарства.

Аня тренирует зрительную память: два тяжелых орудия, шесть легких, двенадцать противотанковых, четыре бронеавтомобиля, еще три противотанковых орудия (итого пятнадцать), самоходные установки со знакомыми по Сеще автоматическими зенитками калибра 20 и 37 миллиметров... Еще четыре противотанковых орудия... Сколько же всего? Кажется, сбилась...

Шпаков и Мельников более опытные наблюдатели. На дневке они точно скажут, сколько орудий прошло, и безошибочно назовут их калибры — они назубок знают, сколько в артиллерийском полку немецкой моторизованной дивизии батарей тяжелых полевых гаубиц калибра 150 миллиметров, сколько батарей легких полевых гаубиц калибра 105 миллиметров, сколько противотанковых орудий калибра 37 и 50 миллиметров... Натренированные глаза сразу узнают пушки, мозг, подобно счетной машине, автоматически регистрирует их число. Много месяцев в тылу врага шлифовали свое мастерство эти многоопытные разведчики.

А капитан Крылатых видит главное — германское командование тайными дорогами перебрасывает моторизованный полк из района Кенигсберга к фронту.

Горючего у немцев сейчас мало, но, опасаясь бомбовых ударов по железным дорогам, они тратят его на ночной марш. Полк вполне боеспособен — марш совершается по всем правилам, безостановочно, без пробок и сумятицы, со строгим соблюдением дисциплины. Небось у каждого унтера записан маршрут движения... Взять бы «языка»! Тогда капитан Крылатых знал бы точно, на какой участок фронта выдвигается этот полк!

Полк? А может быть, дивизия?

Капитан шепотом предупреждает разведчиков:

— Овчаров! Зварика! Ведите наблюдение вдоль дороги!

Да, дорожный комендант вполне может выслать патрули, боковые дозоры!

Но немцы, к счастью разведчиков, не боятся передвигаться по немецкой земле, не позаботились о боковой охране.

Проходит час... Все сильнее запах бензина, солярки и выхлопных газов.

Крылатых отмечает новую важную деталь: почти все автомашины в колонне трофейные, французские. Не из Франции ли перебрасывает Гитлер эту дивизию?

На хорошей для ночного марша скорости — километров пятнадцать в час — проезжает разведывательный батальон. Впереди штаб, взвод связи, рота броневиков, за ней мотоциклетно-стрелковая рота, саперы на бронетранспортерах, рота тяжелого оружия — пехотные и противотанковые пушки. Внушительное зрелище! Огромны темные силуэты машин. Тускло поблескивают в призрачном свете луны, в желтых лучах фар каски, пристегнутые к поясным ремням, дула станкачей, очки мотоциклистов, целлулоидные оконца в грузовиках. Блеснет витой серебряный погон, ветровое стекло, смазанная оружейным маслом вороненая сталь. Все, как на параде, на странном ночном параде при лунном свете... Не слышно ни единого голоса, только ночь дрожит от гула моторов...

Вот так же, с этим же неотвратимым дизельным ревом мчались они на восток в июне сорок первого. Только было их гораздо больше, они ехали по всем прусским дорогам, а нас на границе было совсем мало...

Над лесом с востока на запад, к Кенигсбергу, летят наши самолеты. По сигналу воздушной тревоги автоколонна немедленно тушит фары и, снизив скорость, продолжает марш. А как только пролетают стороной самолеты, включает фары и увеличивает скорость до заданной. Нет, нашим самолетам не заметить сверху ночью эту колонну... Дать бы им сигнал ракетой!.. Нельзя... Да и ракет нет...

Прут и прут, глухо и грозно рыча, темные громады со зло прищуренными желтыми глазами фар. А если посмотреть вслед проезжающим машинам, то смутно видны бамперы, колеса и номера машин, тускло освещенные зловещим темно-алым, как свертывающаяся кровь, светом стоп-сигналов. И кажется, будто обреченная колонна катит по залитой кровью дороге...

Едут лесной дорогой разведчики. Целый разведбатальон — до зубов вооруженные ефрейторы, фенрихи, гаупт-фельдфебели. Кавалеры Железного креста 1-й и 2-й степени. Многие, верно, воюют уже по пять лет. Они

брали польские, бельгийские, французские, русские города. Они совсем позабыли мирную жизнь, стали вышколенными солдатами. Жгли деревни под Минском, Полоцком и Витебском, там, где партизанили в родной Беларуси и Коля Шпаков, и многие другие разведчики группы «Джек». А теперь они мчатся на защиту своих границ — границ фатерланда. Гитлер вдолбил им, что они защищают теперь родину, что большевики страшно отомстят каждому немцу и его семье. И они стали сильнее и опаснее.

Едут к фронту немцы — разведчики, целый батальон. А у дороги лежат другие разведчики — восемь парней и две девушки. И, хотя не слышно ни единого выстрела, уже идет между ними бой. Казалось бы, куда группе «Джек» против этого разведбатальона! Но капитан Крылатых уже мысленно составляет текст радиограммы, которую передадут Аня или Зина. На оперативной карте командующего фронтом будут нанесены новые важные знаки. Генерал армии Черняховский направит на нужный участок побольше «катюш» и пушек, новенькую дивизию или пошлет штурмовиков и бомбардировщиков, и этот гитлеровский разведбатальон будет разгромлен со всем полком, со всей дивизией. Так — одной радиограммой — выигрывают порой разведчики большие сражения.

Но нелегко даются эти радиограммы. Очень скоро группа «Джек» должна будет заплатить за свой первый успех первой невосполнимой потерей.

Как только уносятся по дороге последние мотоциклисты, разведчики выбираются из окопов. Рывок через дорогу, которая еще пахнет бензином и выхлопными газами... А справа уже слышится нарастающий гул моторов, уже режут мрак, словно злые, суженные глаза, огни маскированных фар...

На следующей широкой просеке — та же история: незначащаяся на карте дорога и на ней густой поток машин. Движется, грохоча, истребительно-противотанковый дивизион... Значит, и впрямь не полк, а целая дивизия, рассредоточив войска, скрытно выходит параллельными тайными дорогами к фронту! Не задумал ли Гитлер контрудар из Восточной Пруссии?..

Когда дорога пустеет на пять-шесть минут, разведчики проскакивают и эту просеку, перед носом у какой-то движущейся на восток части.

Налетает с моря свирепый норд-ост, вскипает гулом темный бор. Стонут, гнутся черные сосны, а за спиной не смолкает рокот и лязг, будто в призрачном свете скачущего за тучами полумесяца встают из семисотлетних могил рыжебородые, закованные в железо крестоносцы, встают и мчатся тяжкой рысью на скелетах боевых коней к объятой огнем восточной границе...

Река Парве. Не река, а речушка. Неширокий приток Лаукне, что впадает в залив Куришес Гаф. Лаукне на пятикилометровке можно найти, а Парве не найдешь. Она осталась бы в памяти группы «Джек» безымянной, если бы не километровка. Даже на километровке капитан Крылатых с трудом отыскивает эту речушку.

Как преодолеть водный рубеж? Мельников минут десять ходит по крутому берегу, ищет брод по следам в траве. Нет ни следов, ни брода. И даже самой завалящей лодчонки нет. Лодки наверняка имеются на хуторах и фольварках выше и ниже по течению, но там... там люди. Лодки на цепях, а собаки спущены на ночь с цепей. Мельников измеряет палкой глубину речки у берега — палка не достает до дна. Так как же группе переправиться через эту проклятую Парве с радиостанциями, с оружием и боеприпасами? Вплавь? Кажется, Зина плохо плавает, всю жизнь прожила в Москве... Все перевозы тоже в деревнях. На паромах — замки, возможна охрана...

А на востоке светлеет хмурое небо над черной хребтиной соснового леса.

Раздумывать некогда. Капитан знает — в двух километрах вверх по течению имеется мост. Мост на шоссейной дороге Лаукнен—Гросс-Скайсгиррен... Судя по карте, никакого жилья рядом с мостом нет. До ближайшей деревни — Едрайен — почти четыре километра. Еще на дневке, изучая карту, капитан приметил, что мост окружен леском. Как будто можно рискнуть...

Одно беспокоит капитана — не напороться бы на неприятный сюрприз. Ведь на карте указано, что она выпущена в августе 1941 года, составлена «с учетом всех материалов на март месяц 1936 года» и «отгравирована в картографической части с учетом материалов

на июль месяц 1938 года». Мало ли что могло измениться с той поры!.. Вон немцы, например, постоянно жаловались на своих картографов — на карте советского района, бывало, обозначена деревня, а на месте той деревни раскинулся промышленный город...

Капитан ведет группу вдоль левого берега. Впереди показывается небольшой каменный мост. Чуть мерцает под луной шоссейная гладь. Тихо журчит под каменными сводами черная вода.

От воды тянет холодком. Пахнет сеном и некошеными прибрежными травами. По нервам больно бьет всплеск рыбешки в заводи...

Группа залегает под редкими соснами метрах в пятнадцати от моста. Капитан всматривается. Мостик, пустынное шоссе, никаких фольварков вокруг. Все как на карте. У моста белеет километровый столб. Отсюда вдвое ближе до Берлина, чем до Москвы. Далеко ты прошел по тылам врага, Павка Крылатых!..

Капитану очень хочется этой же ночью уйти подальше на юг, выйти к железной дороге Тильзит—Кенигсберг. Капитан не суеверен, но что-то мешает ему принять окончательное решение. Он привык прислушиваться к своему внутреннему голосу, научился доверять интуиции, шестому чувству разведчика. А внутренний голос подсказывает ему, что этот мост — уж больно хорошее место для засады!

— На дневку остановимся в том квартале, — подавив вздох, шепчет командир разведчикам.— Весь день до темна будем наблюдать за мостом.

Крылатых выбирает место для наблюдателей в частом молодом сосняке. Тут можно хорошо замаскироваться. Оставив первую смену — Овчарова и Зварику,— он отводит группу в глубь леса, подыскивая место для дневки погуще, подальше от вырубок и троп. Не так просто найти в хвойном лесу такое место, чтобы отовсюду оно просматривалось плохо, а подходы к нему были хорошо видны.

Наблюдатели не обнаруживают ничего подозрительного. Когда рассвело, за мостом, за березками, дубами и кленами тепло заалели крутые черепичные крыши деревни Едрайен. Утром со станции проезжает автофургон с гербом имперской почты, за ним катится несколько фурманок в сторону станции. Проносятся цивильные

велосипедисты с ружьями за плечами. В поле унылым строем выходят десятка три восточных рабочих.

А в лесу спят разведчики. Девушки — Аня и Зина— улеглись в серединке. В головах — четыре жесткие сумки с рациями и питанием к ним.

Около полудня капитан будит спящих, приказывает попарно чистить оружие. Всем ясно, почему оружие следует чистить по очереди: вдруг нападут немцы, а все оружие группы не готово к бою. Голыми руками возьмут...

Обедают несытно и всухомятку. Продуктов остается дней на десять.

А что будет через десять дней?

День солнечный, почти безветренный, жаркий. Часа в два — внезапный грибной дождик, сверкающий и холодный. Разведчики прячут автоматы под пальто... После молчаливого скудного ужина капитан разбирает, чистит и смазывает свой трофейный «вальтер СС».

Аня молча следит за каждым движением капитана. С этим автоматическим пистолетом она еще не знакома, простой «вальтер» освоила, а эсэсовский нет. Слышала, что он может стрелять, как и некоторые маузеры, очередями и одиночными.

Патроны у него, видать, того же калибра, что и у простого «вальтера», и у парабеллума, и у самого ходового немецкого автомата марки «38—40».

Капитан вгоняет ладонью обойму, заряжает пистолет, осторожно спускает курок.

— А что это за точка? — спрашивает Аня, показывая пальцем на красную точку у предохранителя.

— Если видна красная точка,— отвечает капитан, поблескивая очками, — значит, пистолет к бою готов. А отведешь вот так рычажок, закроешь красную точку— пистолет на предохранителе.

Томительно тянется время. Хочется есть, но капитан ввел железный рацион. Хочется пить, до речки рукой подать, но пойти по воду нельзя. Капитан разрешает допить воду в фляжках. Ведь ночью группа выйдет к речке. Ребята пьют медленно, врастяжку теплую воду; Аня и Зина смачивают носовые платки, протирают лицо, руки...

Гаснут свечи елок. Садится за лесом багровое солнце.

— ...Так точно, группенфюрер! Шеф СД в Тильзите вас слушает... Я делаю все, что в моих силах, но пока мы не нашли следов этой группы. Поиски идут одновременно во всех населенных пунктах, лесах и полях района. Мне не хватает людей... Так точно, группенфюрер! Я прошу учесть, что эти люди безусловно опытнейшие советские разведчики, получившие всестороннюю специальную подготовку в высшей школе разведуправления Красной Армии или НКВД. Это фанатики-большевики, они работают не ради денег и не ради орденов...

3. Прощай, капитан Крылатых!

Капитан, глянув на трофейные часы, решительно говорит:

— Аня! Скоро твой сеанс. Будешь работать. Зина! Зашифруй радиограмму!

Аня заливается краской. Она считает, что ей здорово повезло. Ведь Зина более опытная радистка, но вышло так, что первый радиосеанс группы «Джек» проведет не Зина — «Сойка», а «Лебедь»!

Первый радиосеанс «Лебедя» в тылу врага!.. Только бы не ударить лицом в грязь!..

Аня оглядывается — место возвышенное, для радиосвязи вполне подходящее.

— И вот что, Анка, — полушутя-полусерьезно говорит Крылатых.— Не бойся, ничего нового под луной нет. Радиотелеграф — штука древняя. В африканских джунглях, например, барабанщики издавна передавали кодом «телеграммы» о приближении врага или о подходе большого корабля по большой воде. Между прочим,— Крылатых лукаво улыбнулся,— если барабанщик, не дай бог, путал текст, то ему в качестве первого предупреждения отрезали уши...

— Постараюсь не остаться без ушей,— отзывается Аня.

Быстро распаковывает она свои сумки. Столом ей служит замшелый срез старого пня. Ну, «северок», не подкачай!.. А вдруг она ударила рацию при приземлении?! Тогда все пропало!..

Батареи вроде не отсырели. Если батареи подмокнут, падает напряжение...

Капитан Павел Крылатых («Джек»)

Аня подключает питание, видит, как прыгает стрелка вольтметра. Анод, накал — все в норме!

Капитан заканчивает радиограмму, вырывает из блокнота листок, передает его Зине. «Сойка» сидит наготове, достав шифровальные рулоны. Аня располагает противовес в полутора-двух метрах от земли, в сторону радиоузла, разматывает длинную и тонкую, как конский волос, нить антенны. Ей помогает Коля Шпаков — ему не раз приходилось помогать Зине. Он старается забросить антенну как можно выше, направив ее к радиоузлу на Большой земле, в обратную сторону от противовеса, под углом в 60—70 градусов, да так, чтобы нить антенны оставалась невидимой в хвое.

Аня проверяет контакты накальных батарей, элементов 3-С и анодных батарей БАС-80. Хорошо, что она будет работать по расписанию, а не по вызову. Одно дело, когда корреспондент, отлично знающий ее по «почерку», ловит в установленный час позывные на условленной волне, другое — когда незнакомый дежурный шарит по эфиру, ожидая в неурочное время сразу на разных волнах чрезвычайные и внеочередные вызовы неведомых корреспондентов в тылу врага...

Аня смотрит на часы. Переводит взгляд на Зину. Та протягивает ей зашифрованную группами цифр радиограмму. Зина отлично понимает, о чем говорит бисер пота на лбу подруги, что говорят ее сдвинутые брови. Давно ли она сама переживала свой первый сеанс в тылу врага! И Зина — мастер радиосвязи, радистка-оператор самого подполковника Спрогиса — одобрительно, с улыбкой в голубых глазах кивает ей. Давай, давай, Анка, давай, «Лебедь»!..

Аня, убрав волосы, надевает прямо на берет наушники. Переключившись на прием, шарит по эфиру, настраивается на условленную короткую волну. Из тысячи сигналов в эфире она должна уловить один — сигнал радиоузла штаба 3-го Белорусского фронта. Потрескивают близкие и дальние грозы. Переговариваются немцы: летчики, метеорологи, танкисты, корабли в Балтийском море.

Гортанные голоса, нерусская «морзянка», фокстроты и блюзы радиомаяков... Вот они, позывные радиоузла! Аня четко отстраивается от мешающих станций. Но слышно неважно, на 3—4 балла,— забивает немецкая «дребезжалка». Удлинить антенну, прибавить анодное напряжение? Или попробовать запасную волну? Здесь лучше, гораздо лучше — слышимость не менее 6 баллов.

Теперь надо правильно настроиться на передачу.

Капитан смотрит, нахмурив лоб. Тут, в Пруссии, совсем другой расчет, чем на партизанской Малой земле в Белоруссии. Прежде чем выходить на связь, нужно определить, сколько километров до ближайшего гитлеровского гарнизона. Запеленгуют, позвонят в гарнизон: «Вышлите солдат на облаву в такой-то квадрат леса!» Если отсюда до Тильзита тридцать километров, то надо полагать, что немцы могут примчаться за час-полтора после получения приказа. Следовательно, необходимо, чтобы на связь после выхода в эфир ушло меньше часа, чтобы было время уйти. На какое уйти расстояние от запеленгованной точки, куда — это тоже надо рассчитать, продумать маршрут перехода. А то столкнешься, словно играя в жмурки, нос к носу с теми, кто ищет тебя...

Точно в назначенное время Аня выходит в эфир. Выходит без опознавательного сигнала — без позывного.

Чтобы не вручить свою «визитную карточку» немцам-пеленгаторщикам.

Сосредоточившись, сдерживая дрожь в пальцах, она четко отстукивает пятизначные группы цифр... Минут через пять спрашивает шифром: «Вы меня слышите? Прием!» — «Слышу четыре балла. Продолжайте! Прием!» Аня весело подмигивает Зине.

Принять первую радиограмму от разведгруппы, выброшенной в тыл врага,— событие не малое на радиоузле штаба фронта. Особенно если группа выброшена в Восточную Пруссию. Немедленно после окончания первого радиосеанса на радиоузле составляется акт о работе корреспондента № 2165. Только в штабе знают, что корреспондент № 2165 — это «Лебедь». Для командующего и военсовета фронта нет ни «Лебедя», ни группы «Джек». Есть разведывательные данные на штабной карте. Немногие в разведотделе знают, что «Лебедь» — это Анна Морозова.

Наутро у майора Стручкова впервые за последние двое суток разгладится хмурое лицо.

«Связь с группой «Джек» установлена»,— сдерживая радость, официально доложит он своему начальнику генералу Алешину.

Передав радиограмму, Аня переключается на прием. Слабо мигает в сгустившейся темноте желтая индикаторная лампочка. Ой как шумит эфир в наушниках, прямо как балтийский прибой! Но все в порядке! Радиоузел передает условными цифрами: радиограмма принята полностью, вопросов нет. Анин корреспондент не просит, чтобы Аня повторила какую-то группу цифр. Но вот новый сигнал — у Центра есть радиограмма для «Джека». Аня, настроившись, строчит карандашом в блокноте. Быстро ложатся на бумагу пятицифровые группы шифрорадиограммы. Ей почти не мешают разряды и писк чужой «морзянки». Слышно по-прежнему хорошо, на 5—6 баллов. Совсем не надо переспрашивать. Нельзя пропустить ни одного знака... Наконец Анин корреспондент, отстучав сигнал конца передачи радиограммы, сообщает: «Связь прошла хорошо, с полным обменом!» Снимая наушники, передавая Зине шифровку Центра, Аня широко улыбается, вытирает пот со лба и висков, переглядывается, счастливая, смущенная, с ребятами, с довольно усмехающимся капитаном.

А что? Бывалые радистки рассказывали ей под Смоленском, что они на долгие дни теряли связь с Большой землей по самым разным причинам! А тут такая удача с первого раза!..

— Выходит, Аня, не зря нас сюда бесплатно самолетом доставили, а? — с улыбкой шепчет капитан.

У капитана Крылатых есть все основания быть довольным.

Что бы ни случилось в будущем, «Джек» уже оправдал свое существование. Ведь каждая радиограмма, отправленная из тыла врага, с разведданными — это скупая сводка одержанной победы, большой или малой. Группе «Джек» крепко повезло: первая же радиограмма — выстрел в «яблочко». Теперь и смерть не так страшна... Готовность отдать свою жизнь ради разведанных, которые спасут жизнь сотням и тысячам братьев,— в этом, а не в головокружительных приключениях, видит капитан Крылатых сокровенный смысл своей опасной, самозабвенной профессии.

Но вдруг светлая улыбка сбегает с лица Ани. Еще не все! Рано радоваться!

Вон Зинка, развернув шифрорулон, осторожно светя фонариком, принялась за расшифровку первой принятой Аней радиограммы, переводит в слова пятицифровые группы. Вдруг Аня напутала!..

Но нет! И тут все в порядке. Капитан зачитывает наспех нацарапанную радиограмму: Центр поздравляет группу с удачным приземлением и предлагает безотлагательно приступить к выполнению задания.

— Зиночка! — шепчет Аня подруге. — Понимаешь, он сказал: «Связь прошла хорошо, с полным обменом!» Понимаешь?..

Так начинается работа радистки Ани Морозовой. Ее позывные звучат далеко от родных мест, в шумном, как балтийский прибой, немецком эфире, где громче всего стучат телеграфные ключи связистов ставки фюрера, где десятки вражеских радистов — под Растенбургом и Гольдапом, в Кенигсберге и Тильзите — обмениваются сведениями о ходе розыска советских парашютистов, сброшенных в ночь на 27 июля под Тильзитом.

Одновременно с актом о первом выходе «Лебедя» в эфир, что составляется в тот поздний вечер на Большой земле, другие акты, на немецком языке, торопливо пи-

шутся сразу в нескольких частях радиоподслушивания и пеленгации, разбросанных в разных концах Восточной Пруссии. «Слухачи» 6-го флота люфтваффе засекают Анину рацию. На пеленгационной карте нити, протянутые из Кенигсберга и Мемеля, Гольдапа и Растенбурга, пересекаются точно в том самом месте, где в ту минуту сияющая, счастливая Аня начинает упаковывать рацию, а Шпаков ловко сматывает антенну. Зина порывисто обнимает Аню, чмокает ее в щеку, капитан Крылатых показывает ей большой палец, а немцы-радисты уже строчат рапорты, подробно отмечая все особенности ее «почерка». И целый хор голосов звучит по телефонам в штабах гестапо, СД и полиции.

С того самого момента, когда в ночь на 27 июля всю Восточную Пруссию облетел сигнал «Внимание: парашютисты!», подразделения роты пеленгации 6-го флота люфтваффе и другие части подслушивания ежеминутно днем и ночью ждали выхода Ани в эфир, чтобы засечь местоположение ускользнувшей от преследования советской разведывательной группы. И вот неизбежное свершилось.

Так Аня возобновляет неравную, отчаянную борьбу с тем самым 6-м флотом люфтваффе, чьи эскадры базировались год назад в Сеще.

Стационарные и подвижные части пеленгации и подслушивания этого флота прикреплены ко всем штабам расположенных в Восточной Пруссии армий, корпусов, дивизий, крупных гарнизонов, а у РСХА — имперской службы безопасности Гиммлера — круглосуточно работают собственные части радиоперехвата. Данные пеленгации немедленно передаются по радио, телефону и фельдпочтой в штабы СС, полевой жандармерии и полицай-президиумам:

«Рация русских шпионов-парашютистов только что засечена в районе деревни Едрайен на шоссе Гросс-Скайсгиррен — Лаукнен, в квадрате 3422, карта 1 : 500 000...»

Наутро об этом узнают гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох, командующий 6-м флотом люфтваффе генерал-полковник фон Грейм, десятки и сотни высоких и низких чинов разных служб и органов.

— Шнеллер! Скорее! Немедленно схватить русских шпионов под деревней Едрайен!..

Аня отключает питание, но капитан говорит, поглядев на часы:

— Постой, послушай-ка Москву!

В Тильзите и Инстербурге поднятые по тревоге эсэсовцы и фельджандармы уже заводят моторы грузовиков и мотоциклов, чтобы выехать на облаву под деревню Едрайен, а Аня настраивается на Москву, слышит знакомый голос Левитана. Глаза ее радостно блестят в темноте, и капитан, Шпаков и все ребята затаив дыхание нетерпеливо смотрят на нее, спрашивают, умоляют глазами:

— Ну что там, Аня? Не томи!

— Наши окружили немцев в Бресте! — скороговоркой выпаливает Аня.— Освободили Белосток!.. И Шяуляй! Шяуляй — это в Литве, за Тильзитом! (Ребята радостно переглядываются, хлопают друг друга по плечам, по спине, тесней обступают Аню). Освобождены Львов, Станислав, Перемышль!.. Форсировали Вислу южнее Варшавы!..

Зина целует Аню в щеку.

— Спасибо, Анка! — громче обычного произносит капитан с такой благодарностью в голосе, словно Аня сама освободила все эти города.— Вроде как накормила и напоила! А теперь сматывай удочки!

Аня упаковывает свой «северок», а к леску у деревни Едрайен со скоростью не меньше ста километров в час мчатся два автофургона с радиопеленгаторными установками. На каждом, кроме водителей, — радисты-пеленгаторщики и автоматчики-охранники. Позади несутся, включив фары, мотоциклисты-эсэсовцы.

Крылатых быстрым шагом уводит группу к мосту. Через час, от силы — два сюда нагрянут немцы!.. Тут не то, что в Белоруссии, где фрицы каждый божий день засекали десятки раций, но не могли и шагу ступить в партизанский край, пока не снимали дивизию-другую с фронта... Тут совсем не то.

— Ну, давай бог ноги! — бормочет Генка, выходя к опушке.

Скорей через мост!.. Надо проскользнуть тихо, без шуму, чтобы и комар носу не подточил,— там, за шоссе, до самой «железки» совсем мало леса. Если что случится — в перелесках не скроешься.

Наблюдатели на опушке — Овчаров и Целиков — докладывают:

— Все тихо. Ни души. Уже час, как проехала последняя фурманка.

Смутно темнеют каменные своды моста. Вода в лунном сиянии что кованое серебро. Аня вспоминает речушку Сещу, Десну-красавицу, дубовые уремы Ветьмы...

— Ложись! — вдруг шепчет капитан и, падая, рубит воздух рукой.

На обсаженном деревьями шоссе, со стороны станции, вынырнули две темные фигуры.

Велосипедисты. Они не спеша катят к мосту. Это солдаты — пилотки, сапоги с широкими низкими голенищами, за плечами карабины. Какой черт их принес сюда? Почему едут так поздно по дороге в Лаукнен? Едут одни, за ними вроде никого нет...

— Шпаков, Мельников! — быстро шепчет капитан.— Овчаров, Целиков! Взять их! Без шума! Мы прикроем вас!

Группа захвата незаметно, стремительно и бесшумно выдвигается на указанную позицию. Четверка бежит вдоль опушки к ельнику у моста. Под ногами стелется мягкий мох.

Аня видит, как солдаты пересекают мост. Они едут совсем рядом.

Капитан, расставив локти, взводит автомат, ставит его на рожок. От черной стены ельника внезапно отделяется темная бесформенная масса. Она без звука перелетает через кювет и накрывает солдат. Аня начинает считать: три, четыре, пять... Капитан любит повторять: «Самый решающий момент при захвате «языка» — первые тридцать секунд». Девятнадцать, двадцать... Напрягшуюся тишину взрывает вдруг надсадный, сверлящий уши крик. Крик ужаса. Он тут же обрывается.

Капитан подползает ближе к опушке. Шаркнули кованые сапоги на шоссе, и все умолкает. Но через минуту слышится тяжелое, прерывистое дыхание, трещат сучья — группа захвата быстро приближается с пленными вдоль опушки. Впереди — Шпаков и Мельников волокут своего немца...

Капитан вскакивает. Приподымается с земли с пистолетом в руке Аня...

Из-за моста, раскалывая ночь, внезапно гремит залп. Стреляют из «шмайссеров» и винтовок. Разрывные визжат и рвутся, ударяясь о стволы и сучья сосен. Зеленые и красные трассеры прошивают черную хвою над головой. Сверху дождем сыплются иглы, ветки, кусочки расщепленной коры. Едко пахнет кордитом...

Первым падает капитан. Разведчики бросаются наземь за сосны, огонь автоматов заставляет немцев залечь. Но почему капитан упал как-то боком, задев сосенку, и лежит ничком, не двигаясь и не стреляя? Что с командиром? Что с тобой, Павел?.. К нему подползает Шпаков. Аня трогает рукой еще теплое лицо.

Шпаков трясет капитана за плечо, поворачивает его на спину, расстегивает пальто — рубашка и пиджак залиты кровью.

Кровь бьет из раны тугими толчками... Пуля пробила грудь над самым сердцем.

У Ани перехватывает горло, когда она видит, как Шпаков быстро снимает с капитана полевую сумку.

— Возьми пистолет! — говорит он.— Отходи, ребята!

Аня подхватывает автомат, выпавший из рук капитана, сцепив зубы, бьет нескончаемой очередью по частым вспышкам выстрелов за мостом...

Последними, отстреливаясь, отползают Раневский, Зварика и Тышкевич.

Эта тройка знала капитана еще по Белоруссии...

Разведчики отходят, оставив на опушке двух убитых гитлеровцев.

Оставив навсегда капитана Крылатых. Хорошего, умного, смелого командира-разведчика, который так любил напевать песенку про темную ночь: «И поэтому, знаю, со мной ничего не случится...»

Зварика несет теперь автомат капитана. В диске было семьдесят два патрона. Диск расстреляла Аня. Ни одной пули не успел выпустить капитан Крылатых по врагу на своем четвертом задании...

Капитан Павел Крылатых... Родился на берегу Вятки, а погиб в двадцать шесть лет на берегу Парве.

Он был одним из первых советских воинов, окропивших своей кровью вражескую прусскую землю.

Дорогую пошлину уплатила группа «Джек» за попытку перейти мост на реке Парве.

Немцы долго бегут по пятам. Немцы налегке, а разведчики с тяжелым грузом. Ребята берут у радисток сумки с батареями.

Аня передает Зварике свой ТТ, оставив себе «вальтер» капитана...

Немцы напирают, стреляя наугад, пуская осветительные ракеты. Их призрачный льдисто-белый свет то и дело настигает разведчиков. Когда гаснут ракеты, предельно сгущается ночная темень, приходится замедлить бег... А смерть — за плечами. Смерть — в трескотне разрывных над головой...

Аня бежит, петляя меж сосен, бежит, уходя от погони, за Шпаковым, бежит, глотая пересохшим ртом горячий воздух, и никак не может поверить, что нет и никогда не будет больше «Джека».

Что же случилось у моста? Нет, решает Шпаков, капитан не сделал ошибки; такие неожиданные стычки в тылу врага — дело обычное. Или «языка» возьмешь, или свою голову отдашь...

Гибель командира — тяжкий удар по группе. Дельный, знающий был разведчик. Но ничего не поделаешь, теперь за командира он, Николай Шпаков, он же «Еж». В такие минуты, когда сваливается на плечи тяжелая ответственность, невольно оглядываешься на всю свою жизнь...

Он вырос в семье сельских учителей в деревне Запрудье на Витебщине, отличником окончил 4-ю среднюю школу в Витебске. Решив стать инженером, поступил в Московский авиационный технологический институт. Война застала его на третьем курсе. В самом начале июля сорок первого он добровольно ушел в армию, храбро дрался, стал кандидатом в члены ВКП(б). В двадцать лет командовал взводом 444 стрелкового полка 108 стрелковой дивизии, в ноябре сорок первого попал в плен, бежал, скрывался на родине от немцев. С весны сорок второго стал подпольщиком в группе Рудакова. Его называли героем витебского подполья. Будучи ближайшим помощником руководителя этого подполья Морудова, Шпаков устраивал дерзкие диверсии на железных дорогах Витебск—Орша и Витебск—Полоцк, выкрадывал оружие со складов вермахта, снабжал разведданными партизанскую бригаду Бирюлина, потом сам возглавил в Витебске подпольную группу, ко-

мандовал разведгруппой под Минском... Только в июне сорок четвертого вышел он из вражеского тыла вместе с Зиной Бардышевой.

На отдыхе и переподготовке пробыл неполных два месяца... А теперь вот снова командир группы.

Эх, Павка, Павка! Ушел Павка, не попрощавшись ни словом, ни взглядом, не успев даже понять, что умирает, что убит.

Сгинул, оставив ему восемь разведчиков-десантников и немыслимо трудное задание, за которое теперь он, Николай Шпаков, в ответе.

В квадрате, засаженном в два яруса елками, группа, круто повернув вправо и назад, отрывается от преследователей. Немцы, освещая лес ракетами, уходят все дальше на север. Мельников, орудуя саперной лопатой, минирует след группы миной-противопехоткой, потом посыпает след табаком. Поразмыслив, Шпаков принимает дерзкое решение — свое первое на этом задании командирское решение: снова выйти к Парве, в то время как немцы наверняка будут думать, что разведчики ушли на север, глубже в лес.

По пути к реке Шпаков вновь и вновь повторяет про себя в эту черную, грохочущую, вспыхивающую ракетами ночь задачу группы «Джек». Он помнит наизусть этот длинный приказ: 1) установить контроль за железнодорожными и шоссейными перевозками; 2) определить состояние и пропускную способность железнодорожного транспорта и состояние линий связи; 3) организовать систематический захват «языков»; 4) освещать наличие и состояние оборонительных рубежей; 5) освещать сосредоточение войск на этих рубежах; 6) освещать сосредоточение техники, вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и других видов снабжения; 7) своевременно вскрыть мероприятия противника по подготовке к химической войне; 8) осветить намерения противника по дальнейшему ведению операций.

Для того чтобы установить контроль за перевозками, надо выйти ближе к железнодорожной и шоссейной магистралям. В этой Пруссии, как видно, придется полагаться на визуальное наблюдение, а не на показания местных жителей. И ясно, что с первоначальным планом легализации «Лебедя» под видом русской беженки в каком-нибудь здешнем городе — об этом мечтал Павел

Крылатых, к этому поначалу готовили Аню — ничего не выйдет без документов. Этих документов нет, а чтобы изготовить их, потребуется уйма времени. Надо захватить образцы, переслать на Большую землю... Нет, «Лебедь», видно, так и останется лесным диким «Лебедем». Что-то ждет впереди группу «Джек»? Собственно, группы с таким названием больше нет, как нет Павки. Есть группа «Еж». Но Шпаков хочет, чтобы в честь погибшего командира группа по-прежнему называлась псевдонимом ее первого командира.

Аня хорошо понимает, что творится в Колиной душе. На ходу, в темноте, она берет его за руку, выпаливает первое, что пришло в голову:

— Ничего, Коля! Александру Невскому было двадцать два года, когда он разгромил немцев на Чудском озере. А тебе двадцать три!..

Коля с благодарностью отвечает Ане пожатием руки. Уверенно находит он на небосклоне тускло-желтый огонек путеводной звезды «Джека» — Сатурна.

А ракеты над лесом вспыхивают все ближе, все ярче. Немцы сигналят зелеными и красными ракетами. Похоже на то, что они опять напали на след группы...

Аня лежит в кустах. Глухо колотится сердце. Ко лбу липнут потные волосы. Она снимает с головы берет.

Остыть бы немного. Так и кинулась бы сейчас в эту Парве.

Все в Ане онемело. Как в тот день, когда Сещу облетела весть: «Полицай Поваров подорвался на партизанской мине!» По улице поселка медленно тащилась подвода. Из-под рогожи, из-под драного, в бурых пятнах тряпья торчал разодранный взрывом сапог, другого не было. Ни сапога, ни ноги. Под колесами шуршали в грязи желтые листья, и сещинцы, глядя вслед, ворчали вполголоса: «Собаке — собачья смерть!»

Как горевала тогда Аня, как страшно было ей встать на место Кости Поварова — руководителя сещинского подполья.

А Павла Крылатых они даже не похоронили...

Второй раз теряет Аня командира. И сейчас, в Восточной Пруссии, не легче, а куда труднее, чем в Сеще. Уже столько погибло на войне замечательных парней, таких, как «полицай» Поваров, таких, как «Джек». И никто, кроме Центра, их не знает...

Погибнуть суждено миллионам парней, ровесников Ани, но немногие уйдут с таким боевым счетом, как у Кости и Павла...

Аня достает пистолет капитана и крепко сжимает его в руке. Меняя при лунном свете обойму, она не видит красной точки предохранителя,— из глаз льются теплые, соленые слезы.

Так ни разу на своем последнем задании и не выстрелил из «вальтера СС» капитан Павка Крылатых...

Рядом, ведя наблюдение, шепотом переговариваются ребята.

— Не пойму,— говорит Генка,— искали нас те немцы или ненароком там оказались?

— Может, Аню запеленговала какая-нибудь ближняя часть? — гадает Зварика, срезая финкой прутья ивняка.— Эх, зря капитан велел последние известия слушать!

— Зря или не зря — этого мы никогда не узнаем,— со вздохом заключает Раневский.— Задним умом-то мы все крепки...

Во фляжках тихо булькает вода из этой распроклятой немецкой реки Парве... Вода на вкус чуть отдает бензином и соляркой. Для разведчика ясно — вверх по течению реки стоит моторизованная, а то и танковая часть. Остается посмотреть по карте, мимо каких населенных пунктов протекает Парве...

Разведчики уходят в глубь сосновой чащи, а за рекой гудят, тарахтят моторы — это мчится из Тильзита моторизованный отряд эсэсовцев к городку Гросс-Скайсгиррен. Через считанные минуты они будут стоять над недвижным телом «Джека» и рассматривать при свете мотоциклетных фар его застывшее лицо...

Павел Крылатых. Он учился, как добывать стране уголь, но главным делом его жизни стала добыча разведданных о враге...

А в далекой вятской деревне Выгузы старая, седая женщина пойдет утром с коромыслом по воду. Ей встретится у колодца почтальонша на велосипеде, и она тихо, со страхом и надеждой спросит, нет ли весточки от сыновей.

У Евдокии Яковлевны пятеро сыновей на фронте, двое младших и дочка — дома.

«От сынов-то ваших? — скажет почтальонша. — Нет, ничего нет, а газета веселая! Кучу городов наши взяли — Брест, Белосток, Львов...»

А Павка в тот день будет лежать на каменной плите в морге тильзитского гестапо.

А генерал армии Черняховский и его помощники будут думать, как поскорее и с наименьшей кровью разгромить дивизию, чью скрытую передислокацию раскрыла группа «Джек».

К утру девушки совсем выбиваются из сил.

— Ти-ти-ти-та-та! — подбадривает их Шпаков. — «Идут радисты!»

В сером свете утра Аня видит на своих ладонях запекшуюся кровь командира.

Аня переводит взгляд на Шпакова, внимательно приглядывается к нему. Широкий, чистый лоб под шапкой густых русых волос, раздвоенный сильный подбородок с ямочкой, в задумчивых серо-голубых глазах затаилась тревога. Еще неизвестно, кому труднее поставили немцы задачу — Александру Невскому или Коле Шпакову...

В неуютное место попадают к утру разведчики. За южной, чересчур редкой опушкой — чистое поле и фольварки до самой «железки» Тильзит—Кенигсберг. Кругом дороги, снуют машины; в лесу полно рабочих, заготавливающих древесину; неподалеку — палаточный лагерь Гитлерюгенда. Шум и гам, как на воскресной массовке. Дотемна лежат разведчики, лежат тише воды, ниже травы. Нечего и думать вести разведку, базируясь в этом парке.

IV. «ДЖЕК» И «ЗУБЫ ДРАКОНА»

1. В укрепрайоне «Ильменхорст»

Где короткими перебежками, а где ползком, по-пластунски, пробирается, держа путь на юг, группа «Джек». В стороне остаются освещенные луной крутые черепичные крыши деревни Минхенвальде. В первую же ночь разведчики переходят через железную дорогу Тильзит—Кенигсберг. Вот она, узкая среднеевропейская колея. ее ширина — 1435 миллиметров.

Советская железнодорожная колея заметно, почти на девять сантиметров, шире. Всем в группе памятна эта «среднеевропейская» колея — было время, немцы перешили на свой манер чуть не все железные дороги от Бреста до Брянска и за Брянском почти до Москвы...

Справа раздается заунывный паровозный гудок — от Меляукена, стуча колесами на стыках, поезд идет на станцию Лабиау.

Вот бы, по доброму партизанскому обычаю, оставить под шпалой на этом безлюдном лесном перегоне «визитную карточку» группы «Джек» — килограммчиков этак пять тола с верной ПМС — противопоездной миной Старинова! Но разведчики проходят мимо — всякие диверсии «Джеку» строго-настрого запрещены. Да и нет у них тола, если не считать семидесятиграммовых кругляшек в противопехотках, предназначенных для преследователей.

— Выходит, иди воевать, да не смей стрелять! — сокрушенно вздыхает Ваня Мельников.

С полотна за лесом доносится пыхтенье паровоза, стук поршней. Может быть, здесь, на той стороне «железки», найдут разведчики надежное укрытие?

Километрах в трех-четырех за «железкой» группа ползком перебирается через широкое бетонное шоссе. Аня ползет, стараясь не испачкаться в полупросохших лужицах черного масла.

Шоссе переползают около большого рекламного щита, на котором огромными буквами чернеет надпись:

ЛОЙНА

лучший немецкий бензин

МОТАНОЛЬ

первейшее немецкое
автомобильное масло

Бензоколонка в Скайсгиррене.

На той стороне тоже тянутся культурные, рассеченные частыми просеками леса. Шпаков решает идти дальше, на юго-восток, под Инстербург.

Сухо хрустит под ногами седой лишайник. Загадочно тихи просеки. Молчат сосны.

Дневка проходит в заросшем можжевельником овражке, недалеко от деревни Ежернинкен, что лежит на магистральном шоссе Тильзит—Велау. Пополудни ка-

кие-то жители этой деревни проезжают по давно не езженной дороге краем оврага. Разведчики, замерев, видят трех стариков бауэров на фурманке. Один из них сидит с раскрытой газетой «Остдейче Цейтунг» в руках. Если заметят, надо будет догонять их и... Но старики, увлеченные неторопливой беседой, не глядят в овраг; только породистый тракененский конь косит туда равнодушным глазом да наплывают, редея, облачка табачного дыма из трубок...

Шпаков оказывается еще более строгим командиром, чем капитан Крылатых. Он берет на учет все наличные продукты, распекает Юзека Зварику за неумеренный партизанский аппетит и устанавливает «блокадную» норму — в сутки по одной банке американской свиной тушенки на девять человек.

На следующее утро Аню подташнивает, у нее кружится голова, противно сосет под ложечкой, но Аня не падает духом. Правда, она уже чувствует, что тут придется голодать куда сильнее, чем в Сеще.

Первого августа дневка проходит недалеко от просеки, на которой посажен картофель. Пышная зеленая ботва усыпана белыми и фиолетовыми цветами.

От голода все сильнее, нестерпимее жжет в пересохшем рту, гложет в желудке.

— Давайте, ребята, накопаем картошки, когда стемнеет, — предлагает Аня.

— Эх, рубануть бы сейчас молодой картошечки со сметанкой и укропчиком! — мечтательно произносит Ваня Овчаров, глотая слюну.

— От сырой бульбы пузо лопнет! — мрачно изрекает Зварика.

— Конечно, накопаем! — поддерживает Аню Шпаков. — Может, когда и удастся развести костер.

— К тому времени,— угрюмо усмехается Ваня Мельников, — ваша молодая картошка здорово постареет!

— Есть у немцев такая поговорка про покойников,— добавляет Раневский.— Мы говорим — землю парить, а они — смотреть снизу, как растет картошка...

— Не смешно! — сухо обрывает его Шпаков.

Сумрачен бор. Ни единого птичьего голоса. Только, курлыча, высоко в небе пролетают на юг журавли. Не за горами осень... А если вдруг война затянется? Что

будет с группой «Джек» осенью? А зимой? Нет, зимой тут «Лебедю» не прожить...

В ночь на четвертое августа группа наталкивается на оборонительную полосу. Надолбы, эскарпы, «зубы дракона». Все подготовлено для обороны. И кругом — ни души. Жутко видеть черные проемы дверей, черные амбразуры железобетонных дотов, ходы сообщений. А вдруг там притаился враг! Разведчики прислушиваются. Ни звука. Только перешептываются о чем-то сосны...

— Осторожно! — шепчет Шпаков. — Могут быть мины!

Вдруг и впрямь тут мины — поди разгляди их в эту безлунную ночь.

Впрочем, разве не словно на минах ходят они с первого дня в Восточной Пруссии!..

— Соблюдай дистанцию,— добавляет Шпаков, — три метра.

Добрую половину ночи тратит Шпаков на то, чтобы при свете звезд нанести на карту хотя бы часть оборонительной полосы. Он посылает в одну сторону Овчарова и Целикова, в другую — Мельникова и Тышкевича. Целый час идут обе пары вдоль оборонительной полосы, и не видать ей ни конца, ни края.

Разведчики идут, подсчитывая, сколько заготовлено на каждый километр бетонированных площадок для тяжелых орудий. Три ряда траншей, колючая проволока, противотанковый ров, бронированные колпаки. И — загадочное дело: почти все амбразуры нацелены на северо-запад, а не на юго-восток.

Описывая эту оборонительную полосу, Шпаков высказывает в радиограмме предположение, что она тянется, по крайней мере, от Тильзита до Велау и является как бы северо-западной стеной огромной крепости. Так разгадывает он тайну нацеленных на северо-запад амбразур. И оказывается прав: обнаруженная «Джеком» оборонительная полоса — лишь часть обширного укрепленного района «Ильменхорст» — основного укрепрайона северо-восточного угла провинции Восточная Пруссия, центром которого является город Инстербург.

«Ильменхорст» — крепкий замок на северо-восточных воротах Берлина.

Именно в этот укрепленный район и вошла группа «Джек».

Из отчета штаба 3-го Белорусского фронта:

«...В Восточной Пруссии мы не имели ни одной разведывательной точки. О рубежах обороны да и вообще обо всем тыле противника в этой области Германии у нас было слабое представление. В такой обстановке для раздумий времени не оставалось — надо было действовать решительно, быстро, идя на вынужденный риск и повышенные потери. Иного пути не было...»

К утру зарядил моросящий дождь. Шпаков бросает взгляд на часы: половина пятого, через десяток минут взойдет солнце, пора подыскивать место для дневки. Он останавливает группу в лесу под деревней Гросс-Бершкаллен, что связана узкоколейкой с Инстербургом.

Разведчики устраиваются неподалеку от большого пустого дота на перекрестке просек. День проходит без происшествий.

За полчаса до захода солнца, по приказу Шпакова, Зина связывается с Центром. Теперь Аня помогает Зине. «Хозяин» узнает об укрепленной полосе, о гибели командира. Потом Зина принимает известия из Москвы. Разведчиков ожидает сюрприз.

Оказывается, войска 3-го Белорусского, того самого фронта, на который работает, чьими глазами и ушами является группа «Джек», еще 1 августа освободили Каунас. А от Каунаса до Инстербурга всего сто сорок километров.

Рассудительный Зварика сразу же начинает высчитывать:

— Если наши хлопцы будут наступать по четырнадцать километров в день, то через десять дней они придут сюда!

— Теперь все ясно,— задумывается Мельников.— Та немецкая дивизия, с которой мы повстречались ночью, спешила на помощь Третьей танковой армии под Каунас!

— Каунас! — шепчет Раневский.— Он чуть не стал для меня могилой...

— Послушай-ка Берлин,— просит Шпаков Раневского.— Что там Геббельс заливает?

Зина настраивается на берлинскую «Дейчландзендер». Прошли те времена, когда эта мощная радиостанция, громыхая на весь мир, почти каждое сообщение

ставки фюрера начинала громоподобным трубным кличем сотни фанфаристов. Не до фанфаронства Берлину теперь, в августе сорок четвертого...

Давно отзвонили колокола рейха по Шестой армии, погибшей в Сталинграде, отзвонили и замолкли. Их перелили на пушки, и потому не плакали колокола после прошлогоднего Курского побоища, после гибели группы армий «Центр» этим летом в Белоруссии. Не объявлял Геббельс и официального траура...

Высокий светловолосый Раневский присаживается на корточки, надевает наушники. Лицо его суровеет. При звуках немецкой речи ему вспоминается лагерь «Б» в Каунасе, где он пять долгих месяцев жил как в аду.

Раневскому двадцать четыре. Родился он в деревне Мякоты под Минском, в семье поляка-крестьянина. Учился в минской школе, там вступил в комсомол. Война застала его в ленинградском комвузе имени Крупской. В августе сорок первого будущий историк ушел с третьего курса в 1-ю Ленинградскую авиабригаду, отважно дрался против тех самых гитлеровских дивизий, которые обороняли теперь Восточную Пруссию. В конце сентября попал в плен под станцией Мга. Третий смелый побег в марте сорок второго оказался удачным. Чуть живой добрался до отцовского дома; там его выходили сестры. Как только встал на ноги — связался с подпольщиками, а после провала бежал к партизанам. Сначала воевал в отряде «Буревестник», оттуда перешел в отряд имени Фурманова партизанской бригады имени Рокоссовского, а затем, в начале августа 43-го, стал одним из главных помощников командира разведывательной группы штаба Западного фронта Михаила Минакова. В этой группе он и встретил капитана Крылатых.

Заслуга Раневского — широкая сеть связных в Минске, Столбцах, Дзержинске. Ему удалось завербовать и немцев в погонах вермахта.

С помощью одного из своих агентов он похитил в генерал-комиссариате Белоруссии план военных объектов и укреплений Минска.

И вот Натан Раневский, недавний узник лагеря «Б» в Каунасе, узнает, что Каунас стал советским! Для него, Раневского, это особенно большой праздник. А что говорят немцы? Он плотнее прижимает к ушам наушники... О, это интересно! Ставка фюрера признает, что 1 ав-

густа русские войска перерезали сухопутные коммуникации, связывающие группу армий «Север» с Восточной Пруссией! Сильные бои в районе Чудского озера... Русские рвутся к фатерланду — к Восточной Пруссии... Исключительно тяжелые бои под Вилкавишкисом...

Раневский с улыбкой кивает друзьям — потерпите, есть что послушать! Глаза его вдруг загораются. В них радость и тревога.

— Друзья! — не выдерживает он.— Восстание в Варшаве! Немцы отрезаны!.. Повстанцы захватили вокзалы! Но немцы удерживают мосты через Вислу!

Восстала Варшава! Вновь радостно обнимают друг друга разведчики. Они не могут предвидеть трагический исход борьбы героев-варшавян...

Безлунной ночью группа подходит ближе к Инстербургу, почти к самым окраинам этого построенного тевтонскими рыцарями города.

В почти беспросветных потемках с трудом продираются они ельником, разводя руками густые ветви. В час после пополуночи они слышат гул бомбежки, так хорошо знакомый Ане, видят повисшие над станцией осветительные авиабомбы, бегущие лучи прожекторов — наши бомбят Инстербург, этот крупнейший после Кенигсберга железнодорожный узел Восточной Пруссии.

Бешено тявкают зенитки, глухо ухают фугаски. Но вскоре все стихает, тревожно перекликаются лишь паровозы на стратегической железной магистрали Тильзит—Инстербург—Бромберг—Берлин. В эту ночь воют надсадным сиренным воем многие восточнопрусские города.

Сегодня новолуние. Только к шести утра восходит молодой месяц и повисает на небе запоздалой бледной ракетой.

Так и не находит Шпаков мало-мальски сносного места для базы под Инстербургом. Слишком много кругом населенных пунктов и дорог, везде войска, весь день тарахтят тракторы и бульдозеры — вывозят из лесу древесину для постройки новых укреплений, прокладывают дорогу по просеке.

Дорогу на юг преграждает полноводная Прегель. Значит, не удастся обосноваться и в запасном районе действий. Пожалуй, там за «железкой» даже потише было. И леса погуще, и фольварков меньше. Просто удивительно, что в этом гитлеровском муравейнике под

Инстербургом группа еще не столкнулась в лоб с немцами...

— Из огня да в полымя! — ворчит Мельников.

На дневке Шпаков и Мельников долго обсуждают дальнейшие планы «Джека». Наконец решают: попробовать запастись продуктами и, если ребята наделают шуму, жарить обратно через «железку», пока укрепления в лесу не заняты войсками. Третий Белорусский наступает, фрицы откатываются. Того и гляди, займут они свои укрепления и группа окажется в стальном капкане.

Поход из-под Эльхталь был вовсе не напрасным, коль удалось обнаружить передвижение к фронту неизвестной дивизии и новый укрепрайон. Но нельзя забывать, что «Хозяин» определил главным объектом группы «Джек» железную дорогу Тильзит—Кенигсберг.

Об этом решении Коля Шпаков шепотом рассказывает всей группе.

— Ну как? Согласны, друзья?

— Согласны. Конечно. Факт,— отвечают двое, трое. Остальные молча кивают.

Никто не удивляется, что командир советуется с каждым. Иначе нельзя.

Шпаков достает тонкую пачку курительной бумаги, расшитый какой-то белорусской девушкой кисет с легким табаком. Друзья закуривают.

Не сказано ни одного громкого слова, но для всех в группе ясно, что общее решение означает: «Выполним задание командования или погибнем, выполняя его».

Всем, а особенно Шпакову памятны толковые слова, сказанные майором Стручковым капитану Крылатых перед самым вылетом на аэродроме:

«В армии мы делаем главный упор на дисциплину, которая опирается на сознательность. У нас же, разведчиков, — на сознательность, которая обусловливает дисциплину. Над вами там не будет начальства, там вы сами по себе. Когда можно — посоветуйтесь, но последнее слово остается за командиром...»

— Раз эти пруссаки не открывают дверей после темна,— говорит под вечер Шпаков,— попробуем зайти к ним засветло, часиков так в полдевятого.

...В тихий час заката пожилой бауэр отдыхает, покуривая трубку, на крыльце дома. Рядом с ним си-

дит, уткнув подбородок в ладошки, его белокурая внучка.

— Какой красивый сегодня закат! Правда, дедушка?

— Это ангелы пекут хлеб, внучка,—отвечает бауэр.— А тебе уже спать пора, моя красавица. Уже полдевятого!

Из раскрытых окон плывут задумчиво-печальные звуки серенады Шуберта.

Девочка уходит в дом, на ходу качая на руках большую фарфоровую куклу, такую же белокурую, как она сама.

Обрывается музыка. Меркнет розовый закат. Обманчива буколическая идиллия...

На опушке в густеющих тенях притаились трое — Мельников, Раневский и Зварика.

— Тряхнем этот фольварк, — шепотом спрашивает Зварика.

Взгляд Мельникова скользит по каменной стене, крепким воротам, телефонным столбам...

А на крыльцо, переодевшись в коричневую форму СА, выходит пожилой гроссбауэр. Закинув за плечо винтовку, он затягивает туже широкий кожаный пояс с кинжалом, на лезвии которого выгравирован девиз штурмовиков: «Аллес фюр Дейчланд!»

— Заприте за мной ворота! — кричит он, садясь на велосипед.— Вернусь, когда поймаем этих проклятых парашютистов!

В сумерках разведчики подкрадываются к каменной ограде. Но там бегает взад-вперед, заливаясь густым злобным лаем, спущенная с цепи эльзасская овчарка. Ей вторят собаки на соседних фольварках...

Разведчики переглядываются. Фольварк надо выбирать поменьше, победнее, чтобы не оказалось в нем разной прислуги, сторожей, «восточных рабочих»... Хуже всего, если нарвешься на стоящих на постое солдат.

...Через полчаса разведчики тщательно изучают следы на проселке, ведущем к уединенному фольварку. Часто попадается на пыльной обочине хорошо видный при свете месяца характерный след вермахтовского сапога, подбитого гвоздями с широкими шляпками и подковкой. Ведут эти следы и к дому и от дома... Нет, в такой дом лучше не заглядывать.

...В полдесятого заходит молодой месяц, но еще довольно светло... У этого дома нет солдатских следов. Казалось бы, все в порядке. Но видны другие следы на проезжей части дороги...

Зварика принюхивается к дороге — пахнет бензином. Мельников заглядывает за ограду — так и есть, во дворе стоят пять мотоциклов и грузовик, все с номерами сухопутных сил вермахта. Сюда тоже лучше не казать носу.

...Из-за ставен доносятся звуки томного аргентинского танго. Радиола играет «Кумпарситу». Приглушенный смех, голоса; много, слишком много мужских голосов. За стеной — враг.

Бывших партизан так и подмывает швырнуть гранату в окно...

Нельзя. Дальше, дальше, этот дом тоже не подходит для ночного визита.

— Вер да?

— Откройте, пожалуйста!

— Я спрашиваю — кто там?

— Беженцы-фольксдейче из Каунаса. Не могли бы вы...

— Проваливайте отсюда по-хорошему. Разве вы не знаете про полицейский час — с десяти вечера до шести утра? Не знаете, что всем строжайше запрещено открывать ночью дверь и вообще пускать к себе незнакомцев? Это карается смертью! Слышите вы — смертью!

...Мельников, Зварика и Раневский стучат в обитую железом массивную дверь. Сначала вежливо — костяшками пальцев. Потом кулаком. Стучат в ставни. Звуки ударов разносятся далеко окрест. За дверью, за ставнями — ни звука. Но на дверях нет замка — значит, хозяева дома. Зато тяжелые железные замки висят на дверях каменной конюшни, свинарника, амбара.

Заперты все окна на втором этаже. Взорвать дверной замок противопехоткой? Нет, шуметь нельзя...

...Еще один фольварк. Этот побогаче, но, кажется, пуст!

В брошенном господском доме разведчики шуруют на кухне, в пустых кладовых. Раневский проходит с электрофонариком в гостиную. Над камином — бюст Гитлера. Гостиная обставлена в стиле старогерманского ба-

рокко, много и тевтонской готики. На столе — коробка с бразильскими сигарами. У застекленного бара — разбитая бутылка из-под малиновой шварцвальдской водки.

Сбоку красуется консольный радиоприемник марки «телефункен» с диапазоном коротких волн,— не то что у бауэров, которым разрешено иметь только маломощные «народные приемники». Видать, хозяева поместья — юнкера, важные птицы, они не побоялись смотать удочки, несмотря на запрет гаулейтера Коха.

А здешний хозяин забыл даже впопыхах — подумать только! — рядом с бюстом родоначальника «тысячелетнего рейха» — «Майн кампф»! Раневский освещает фонариком раскрытые страницы: «Если речь идет о получении новых территорий в Европе, то их следует приобрести главным образом за счет России. Новая германская империя должна будет в таком случае снова выступить в поход по дороге, давно уже проложенной тевтонскими рыцарями, чтобы германским мечом добыть нации насущный хлеб, а германскому плугу — землю».

Разведчиков, впрочем, больше интересует находка на кухне — пачка эрзац-кофе, десяток пакетиков с сахарином, банка яблочного мармелада.

— Вот и все! — жалуется Зварика.— Хоть шаром покати. Все вывезли, кулаки проклятые!..

...Разведчики останавливаются в лесу перед большим, темным зданием.

— Что за дом? — шепчет Овчаров.

Мельников с минуту изучает контуры здания, подсобных построек, поводит носом — пахнет скипидаром.

— Подождите меня тут! — С этими словами Мельников исчезает.

Вернувшись минут через пять, спрашивает Овчарова:

— Ты, тезка, случайно, на скрипке не играешь?

— Нет,— отвечает ошарашенный Овчаров,— а что?

— А то, что тут хватит канифоли всем Бусям Гольдштейнам. Смолокурня. Лесохимический завод. Смола, формалин, уксус к пельменям. Но жрать нечего.

— Кто там?

— Полиция!

— Это вы, фельдфебель Краузе?

— Яволь! Откройте!

— Одну минуточку... Извините, я что-то не узнаю вашего голоса... Марта! Соедини меня с полицейским участком!.. Алло! Дежурный?..

Разведчики убегают, чертыхаясь. Телефон — это куда ни шло. По дороге идет патруль «ландшутц» — сельской стражи.

...Разведчики ищут и не находят фольварка, около которого не было бы телефонных столбов. Мельников взбирается на столб, перерезает финкой провода.

— Кто там?

— Эсэс!

— Нам запрещено открывать...

— Не разговаривать, старая перечница! Именем закона... Открывай, а то плохо будет!

— Минутку!..

Шаги удаляются. Мельников, Раневский и Зварика ждут по всем правилам — сбоку от дверей и окон... Со скрипом открывается окно на втором этаже. Высовывается черное рыльце двустволки. Грохочет выстрел. Крупная свинцовая дробь бьет градом по каменным плитам, с визгом рикошетирует, поднимает пыль. Резко пахнет порохом, звенит в ушах.

— Вот гад! Ну и гад! — шепотом ругается, отползая, Зварика.— Патрончики небось с медвежьим зарядом!

— Шире шаг, ребята! — подбадривает Шпаков уставших, голодных разведчиков. — Мы обнаружили себя. Быть облаве! Надо уйти как можно дальше.

Хозяйственная операция сорвалась, а разведчики так надеялись разговеться. Шпаков видит — и девчата и парни едва плетутся, бредут слепо, не глядя по сторонам. Зина грызет молодую еловую шишку.

Около трех часов ночи Шпаков решается:

— Будем жечь костер! Запасайтесь дровишками!

Нарубить дров в этих культурных немецких лесах невозможно. Все деревья на учете. Нельзя даже прихватить охапку валежника на вырубках. И там учет. Нет сухостоя, нет бурелома — все это вывозится из леса. Вот и приходится разведчикам собирать дрова не с бору по сосенке, а буквально с лесного квартала по щепочке. Тут из поленницы прихватишь чурку, там сунешь в карман горсть шишек.

Бетонный мостик через ручей. Выставив в обе стороны дозорных, разведчики наполняют фляжки водой. Шпаков подбирает место для костра в лощинке поглубже, обнесенной со всех сторон колючим частоколом сосен и елок. Затем рассылает дозорных — надо убедиться, что поблизости, в радиусе, по крайней мере, одного километра, нет никаких лесничевок, фольварков, военных лагерей.

Тышкевич мастерски — с одной спички — разводит огонь, а Зварика и Овчаров маскируют его плащ-палатками со всех сторон. Наверное, и во времена доисторической борьбы за огонь не принимали наши волосатые предки столько предосторожностей, разводя костер...

Мельникову и Раневскому Шпаков дельно советует отойти от костра подальше:

— Вам опять к немцам в гости идти, так чтобы от вас, «беженцев», костром за версту не пахло.

Огонь разгорается. Девчата сливают в четыре новеньких, еще не закопченных алюминиевых котелка воду из фляжек, достают из вещевых мешков концентраты пшенной каши, засыпают в два котелка. Картошка молодая, чистить ее не надо, достаточно обтереть платком — сойдет и так. Когда над лесом с воющим металлическим звоном пролетает «мессер», Зварика и Овчаров надежно прикрывают костер плащ-палатками.

Через полчаса разведчики закатывают пир. Каша удалась на славу, хотя и попахивает почему-то хозяйственным мылом. Картошка не доварилась, но от одного ее запаха слюнки так и текут. Выходит почти по четверти котелка каши и столько же картошки на брата! Уже не осталось ни хлеба, ни сухарей, зато имеется еще соль... Впервые за столько дней — даже глотку жжет с отвычки — наелись ребята горячего. Правда, не до отвала, не хватает телу блаженной теплой сытости, но все-таки...

Оставшимся после картошки кипятком Аня заваривает трофейный эрзац-кофе, хотя весь сахар и мармелад, увы, уже съедены. Всем достается по нескольку глотков кофе с сахарином.

Шпаков не дает ребятам засиживаться. На дневку группа остановится в другом месте. Уничтожить все следы костра и бивака — и скорее в путь! Группа не может быть уверена, что никто не видел костра в лесу, не по-

чуял запаха дыма. Запах дыма далеко разносится... Может быть, немцы уже звонят по телефону — спешат донести, что в таком-то лесном квадрате кто-то ночью развел костер...

— Алло! Штандартенфюрер! Говорит группенфюрер Шпорренберг. Чем вы там, черт возьми, занимаетесь в Инстербурге? Гаулейтер Кох, начальник эсэсовской охраны ставки фюрера СС-оберфюрер Раттенхубер и сам рейхсфюрер СС Гиммлер хотят знать, почему вот уже десять дней силы СС и полиции безопасности не могут выловить русских парашютистов?

— Разрешите доложить, группенфюрер! Обнаружено десять русских парашютов ПД и один грузовой парашют с тюком. Значит, их было десять человек. Один убит под деревней Едрайен при прорыве внешнего кольца окружения. Их осталось девять. К ним никто не примкнул — это видно по количеству стреляных гильз ППШ, собранных на месте стычки у моста. Из разных фольварков доносят о ночных визитах... Но это могут быть и беглые военнопленные и восточные рабочие. Их становится все больше по мере подхода к границам провинции русских войск. Точно известен маршрут группы парашютистов по выходу в эфир ее радиста — вчера группа неожиданно оказалась под Инстербургом. Записаны тексты радиограмм. Нет, их никак не удается расшифровать...

— Послушайте! Я говорил с генералом Геленом. Генерал — знаток Восточной Пруссии и говорит, что не понимает, как эти русские разведчики ухитрились прожить неделю в здешних лесопарках. Однако их поимкой генерал Гелен не может заняться — он руководит разведкой ОКВ, а не контрразведкой. Долг чести СС — справиться с этой задачей без помощи армии!

— Мы консультировались со специалистом из дивизии «Бранденбург» полковником Хейнцем. У него богатый опыт заброса разведывательных групп в Россию. Он убежден, что советские разведчики не протянут и недели в Восточной Пруссии... Да, да, тот самый Хейнц, люди которого захватили мост через Западную Двину,— мы тогда смогли прорваться с Манштейном к Ленинграду... Простите, поймать их сейчас не так легко...

Хейнц считает, что это особая большевистская команда смертников — «химмельфарскомандо»...

— Так помогите же им, черт возьми, скорее вознестись на небо! * Рейсхфюрер не желает слышать о каких-то объективных трудностях, он требует, чтобы парашютисты-шпионы были немедленно выловлены.

— Группенфюрер! Вы же знаете, что эта группа еще действует только потому, что по приказу рейсхфюрера все наши силы заняты сейчас борьбой против участников покушения на фюрера двадцатого июля.

— Бросьте эти отговорки! Эта группа действует в районе ставки фюрера! Понимаете вы это или нет? Ее ликвидация — ваша первейшая задача! Хайль Гитлер!

2. Обер-лейтенант «Шахерезада»

Лай собак на фольварках. Окрики часовых из лесного мрака: «Хальт! Пароль?» Девять силуэтов среди черных сосен, девять теней на освещенном луной лесном ковре. «Это лесные призраки!» — в страхе перешептываются немцы. В тихое гудение сосен на ветру то и дело врывается натужный гул моторов, за лесом стучат на стыках колеса ночных эшелонов. «Хальт! Пароль?»

Позади взмывают осветительные ракеты, дрожит неземное, призрачное сияние, незнакомо белеют сосны, кружатся хороводом их черные тени. Когда ракета взвивается, шипя и рассыпаясь, слишком близко, «лесные призраки» падают плашмя, замирают, считая секунды... Вдогонку гремят автоматные очереди, выводит басовитую трель пулемет МГ-34, верещит МГ-42, выстреливая в мрак, по мелькнувшему силуэту «лесного призрака», по сорок трассирующих пуль в секунду...

У разведчиков шесть автоматов и одна винтовка... Но они не отвечают. Патроны на исходе. В заплечных мешках ни крохи — ребята на ходу подтягивают ремни. Трое суток во рту ни росинки не было. Нет воды, и «лесные призраки», проглотив таблетку дисульфана, пьют

* Игра слов: «Химмельфарскомандо» — «команда вознесения на небо» — так назывались в вермахте группы или отряды, созданные для выполнения особых, смертельно опасных заданий.

из копытного следа желтую дождевую воду, густо настоянную на палой хвое.

Ночью, в дождь, выбираются «призраки» из лесу, копают руками картошку, брюкву, свеклу, набивают мешки ржаными колосьями.

Жуют немолотое жито, едят сырыми брюкву и свеклу, картошку варят в те редкие ночи, когда можно без крайнего риска разложить костер.

— Вер да?

— Полиция! Откройте именем закона!

Дверь открывает высокая седая немка в траурно-черном платье, худая и прямая, как шомпол. В руках у нее моргают на сквозняке свечи в тройном серебряном подсвечнике.

Мельников и Раневский решительно оттесняют ее от дверей, быстро и бесшумно входят, прикрывая, но не запирая за собой тяжелую, обитую железом дверь. Овчаров стоит на стреме за дверью. Автомат на боевом взводе, палец на спусковом крючке...

Немка окидывает тревожным взглядом незнакомцев, закрывает рот рукой, чтобы не закричать, но мигом овладевает собой.

— Если вы сейчас же не уйдете,— шепчет она,— вы погубите и себя и нас! Herr Jesus! У меня десять эсэсовцев на постое!.. Пожалейте моих внуков!..

Раневский негромкой скороговоркой переводит слова старой немки.

— Пардон, гроссмуттер! — недоверчиво усмехается Ваня Мельников, но все же приоткрывает дверь.

Кажется, старуха не врет. В глазах — мольба, тревога. В ней при свечах есть что-то рембрандтовское...

— Кто там стучал, фрау Хейдт? — доносится из комнат чей-то раздраженный баритон. Слышатся приглушенные ковром грузные шаги...

Немка тихо запирает за разведчиками дверь.

...На одной из дневок разведчики просыпаются в семь утра от яростного тевтонского рыка. Все хватаются за оружие,— немец ревет совсем неподалеку. Раневский предостерегающе поднимает руку:

— Спокойно. Это фельдфебель гоняет солдат. Строевая подготовка.

На просеке, метрах в двухстах от разведчиков, раздается резкая, как удар кнута, прусская команда:

— Нидер — ауф! Нидер — ауф!

— Боже мой! Чего этот леший так орет? — удивляется Зина.

— Манера такая, — отвечает Шпаков, напряженно вслушиваясь. — Пруссия...

Соседство, что и говорить, не из приятных, но деваться некуда. По всем четырем просекам вокруг лесного квадрата, где укрылась на день группа, ходят, ездят на велосипедах, мотоциклах и машинах солдаты. Особенно опасны те, кто ходит,— что стоит ходоку свернуть в лесок, срезать угол, пойти напрямик!

Все ближе грузный топот.

— Занять круговую оборону! — шепчет Шпаков.

Западня? Нет, обычное дело. «Джек» постоянно воюет в полном окружении, только сегодня окружение теснее обычного.

Все ложатся нешироким кругом. Группа «Джек» ощетинивается дулами автоматов.

Шпаков высылает дополнительный пост в сторону просеки, по которой марширует, бегает, ползает, приседает прусская солдатня. Мало ей места на казарменных плацах! Вся Пруссия стала казармой...

— Нидер — ауф! Нидер — ауф!

Того и гляди, этот горластый прусский леший объявит перекур, и солдатня потянется в лес по малой и большой нужде...

Но фельдфебель («Слава те господи!» — шепчет Зина) уводит солдат, рев его звучит глуше: «И-и-и, а-у-у! И-и-и, а-у-у!..» Он объявляет перекур в соседнем квадрате. Ветер доносит до разведчиков запах немецких сигарет...

Потом он («Черт бы его драл!») возвращается со своим взводом. А над лесом появляется тройка «ЯКов». Ревя моторами, серебристо поблескивая, несутся они в поднебесье со скоростью почти семьсот километров в час. Внезапно — крутой вираж вправо, к морю. Там, за сосновыми лесами, за песчаными дюнами, над свинцово-голубым заливом и зеленой Куршской косой, разыгрывается скоротечный воздушный бой. И снова разведчики переводят дыхание — стоило бы «ястребкам» ударить по немцам в лесу, их бы с просек

как ветром сдуло. Вот бы выдался денек дружеских встреч!..

Много их в тот день во вражеском небе — новеньких истребителей ЯК-3 и ЛА-7, штурмовиков ИЛ-10, грозных фронтовых бомбардировщиков ТУ-2. Присмирели «мессеры» и «фокке-вульфы» — их видно редко. Совсем не то, что в сорок первом... и даже в сорок втором.

Но не радуется, как обычно, душа у Ани и Коли Шпакова, у Зварики и Генки Тышкевича. Осторожней, милые, сторонкой пролетайте, сторонкой, не трогайте «наших» немцев! Пусть себе строевой занимаются!..

— Нидер — ауф! Нидер — ауф!

Весь день в круговой обороне, весь день без еды. А с немецкой полевой кухни доносится ни с чем не сравнимый издевательски дразнящий запах — запах горохового супа со свининой.

Сегодня «Джеку» везет. Немцы не обнаружили случайно разведчиков.

Вот так, день за днем, ночь за ночью ходит «Джек» на острие ножа. Жизнь каждого разведчика ежеминутно висит на волоске. Опыта и отваги им не занимать. Но сколько подстерегает их непредвиденных случайностей, когда приходится уповать только на удачу.

Всю ночь в ушах Ани звучит это «Нидер — ауф». Ночью группа проползает мимо больших армейских палаток, в которых спят солдаты, идет нелюдимым бором, а в лесных урочищах будто эхом отзывается: «Нидер — ауф! Нидер — ауф!»

«Джек» проходит опушкой, а за лесом, под луной, как на старинном гобелене, раскинулся средневекового вида городок с за́мком, облицованным светло-серой штукатуркой, с крепостью и кирпичными казармами, с островерхой киркой и старинной ратушей. Сколько столетий подряд не умолкал на казарменном брусчатом плацу железокаменный топот кованых сапог, рев фанфар и этот тевтонский рык фельдфебелей: «Нидер — ауф! Нидер — ауф!» Под треск барабанов и вой «тевтонских» дудок, под прусскую «Глорию» фельдфебели штамповали на этой брусчатке солдат, учили поколение за поколением умирать во славу сначала прусского, а потом великогерманского оружия. Под прусский военный марш «Фредерикус Рекс» разучивала солдатня прусский гу-

синый шаг, разводила караул у надменных памятников прусским завоевателям.

Здесь родился великодержавный прусский дух, родилась прусская дисциплина, утвердились прусские представления о присяге, долге и чести. Здесь выковывалось духовное оружие германского солдата, солдата-завоевателя, солдата-человеконенавистника.

В глухом болотистом лесу, в непроглядном мраке, как леший, кричит филин. А голодной, измученной Ане мерещится, что это оборотень-фельдфебель, нахохлившись сычом, пяля пуговицы-глаза, выкрикивает свое «Нидер — ауф!»

...По тильзитскому шоссе движутся моторизованные войска. На этот раз они передвигаются не на северо-восток, к фронту, а на юго-запад.

Странное дело — это магистральное шоссе имеет сейчас огромное значение для германского командования, оно летит, прямое как стрела, к фронтовому району за Тильзитом и Таураге, западнее Шауляя, где 3-я танковая армия из последних сил пытается устоять под напором советских войск. Какого же рожна «дер фюрер» снимает с фронта войска, куда гонит их?

Есть только один способ ответить на этот вопрос — задать его одному из офицеров, что сидят сейчас, подремывая, в проносящихся мимо бронетранспортерах. Знают наверняка ответ на этот вопрос и трое офицеров, что стоят у остановившейся неподалеку на обочине машины. Это камуфлированный штабной «мерседес-220», похожий на «виллис». Водитель поднял капот и наклонился над мотором. Офицеры закуривают.

Под луной светится серебристая вязь офицерских гербов на фуражках с высокой тульей...

Шпаков видит, что близок уже хвост колонны.

— Мельников! Овчаров! Целиков! — хрипло командует он.— Взять «языка»! Ждем вас на той стороне шоссе. В случае чего, окажем первую помощь!

Всем в группе памятна присказка Коли Шпакова: «Первая помощь в тылу врага — это помощь друга, помощь огоньком; последняя помощь — это граната к сердцу или пуля в висок!»

Насвистывая «Лили Марлен» — «шлягер» вермахта № 1,— разведчики не спеша, вплотную подходят к немцам. Те даже не окликают их, не спрашивают па-

роль — кого им бояться в своем тылу, на германской земле? Идут себе трое каких-то штафирок...

Луна над черным лесом и светлой шоссейной лентой блестит совсем по-неприятельски, как монокль в левом глазу пруссака.

Колонна прощально моргает красными глазами стоп-сигналов. Поскрипывает под ногами гравий.

Три Ивана без слов понимают друг друга. Надо брать вот этого — с погонами обера.

Без единого выстрела группа захвата берет в плен очкастого обер-лейтенанта. Обезоружить, забить в рот кляп, скрутить руки парашютной стропой — дело одной минуты.

Хромой ефрейтор-водитель и долговязый лейтенант — оказали отчаянное сопротивление — лежат в кустах за кюветом. Утром ими займутся судебно-медицинские эксперты СД или ГФП — тайной полевой полиции. Разведчики даже не успели разглядеть их лица...

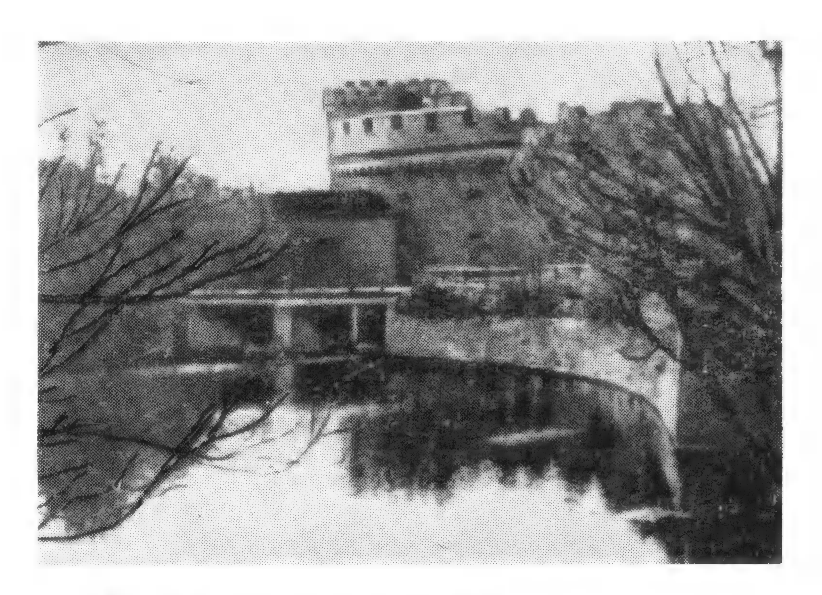
В короткой схватке на шоссе хрустнули под каблуком Мельникова роговые очки обер-лейтенанта, и теперь он почти ничего не видит в темноте, его приходится вести под руки.

— Говорил, не бей по башке,— выговаривает Мельников Овчарову.— Память отобьешь!..

Оглушенный обер отчаянно трусит. Нет, он не потерял память. Он охотно и многословно, стуча зубами, отвечает на вопросы Шпакова, пялит глаза на Аню и Зину...

— Что вы, господа, какой из меня вояка?! Железный крест? Да я его получил в девятнадцатом... Пожалуйста, документы в кармане... Надеюсь, вы возвратите... Я только почтовый работник, господа! Магистр искусств, беспартийный интеллигент! Но я много знаю и отвечу на любые вопросы... Я, видите ли, дивизионный цензор военно-полевой почты парашютно-танкового корпуса «Герман Геринг»... Куда вы меня ведете? У меня больная печень... Танковый корпус? Он входит в Третью танковую... Если русские ворвутся в Пруссию, то вместе с Девятым и Двадцать шестым армейскими корпусами наш корпус будет оборонять укрепленный район «Ильменхорст»...

А группа как раз пробирается через не занятую пока войсками оборонительную полосу укрепленного района

Старые форты Восточной Пруссии модернизированы и подготовлены к обороне

«Ильменхорст», и пруссак из Кенигсберга больше всех боится подорваться на мине.

Призрачно мерцают «зубы дракона», чернеют проемы входов в подземные казематы и мощные железобетонные доты...

— Тут, кажется, еще не ми... минировали, — заикаясь от страха, сообщает обер Шпакову.

Если так, то первую мину в укрепрайоне «Ильменхорст» устанавливает советский разведчик Иван Мельников — он минирует след группы противопехоткой, посыпает траву, песок и палую хвою табаком. В группе «Джек» это называется «дать фрицу прикурить».

Обер-лейтенант спешит заверить разведчиков в своей осведомленности:

— Границы укрепленного района? Грубо говоря, Тильзит — Рагнит — Гумбиннен — Гольдап — Ангербург — Норденбург — Алленбург — Велау — Тильзит. Куда ехали войска? Сначала дивизия направлялась после переформировки за Таураге, на фронт, но вдруг приказ: одному моторизованному полку срочно следовать

в Варшаву в распоряжение СС-обергруппенфюрера фон дем Баха. О, я хорошо знаю фон дем Баха, я работал у него, когда он был шефом СС всей Восточной Пруссии. Но он поскандалил с нашим гаулейтером. Бах обвинил Коха в казнокрадстве. Коха поддерживали Гесс, Розенберг и Борман, а Баха — Гиммлер и Геринг. Дело кончилось ничьей — и Кох и Бах равно пользуются доверием Гитлера. Баха перевели из Кенигсберга в Бреслау. Ну, а Кох... У нас говорят так: нет в рейхе бога, кроме Гитлера, и Кох — пророк его в Восточной Пруссии! Потом Бах стал шефом всех антипартизанских сил в Белоруссии, на Украине и в Польше, Бах создал Освенцим. Гиммлер обещал ему должность высшего руководителя СС и полиции от Москвы до Урала... Как видите, я многое знаю и могу вам быть весьма полезен... Я уже после Сталинграда понял, что Гитлер проиграл войну, я согласен с фельдмаршалом Паулюсом... Мы, немцы, всегда выигрываем все сражения, кроме последнего... Наша задача в Варшаве? Участвовать в подавлении восстания. Второго августа в Познань из своей ставки в Пренцлау вылетел Гиммлер. В Варшаву стянуты бригада СС Дирлевангера и штурмовая бригада, простите, «Русской освободительной народной армии». Бригадой командует бригаденфюрер СС Каминский...

— Знаем, — не выдерживает Шпаков. — Такой же предатель и каратель, как генерал Власов!

— Я не строевой, я контуженный,— бубнит обер, пугаясь ненависти, прозвучавшей в голосе Шпакова. — Я получил назначение — я только цензор в штабе корпусной группы фон дем Баха в Варшаве...

Варшава! Так вот куда мчится этот полк парашютно-танкового корпуса «Герман Геринг». Верховное командование германской армии надеялось скрытно перебросить войска в Варшаву на подавление восстания, но завтра же Центр узнает об уходе этого полка с фронта, и наши войска ударят по ослабленной обороне.

Полк так и не дойдет до Варшавы. Гитлер опять скомандует ему: «Кругом!» Вот это реальная помощь повстанцам Варшавы!

На юге замирает рокочущий гул моторов. Моторизованная колонна мчится к германо-польской границе. Как в такую же темную ночь по той же дороге почти ровно

пять лет назад — в канун польского похода, канун второй мировой войны.

Шпаков, взяв за руку цензора, аккуратно обходит островки хрусткого, пружинящего под ногами седого лишайника, чтобы не оставить на нем следы — вмятины.

— Что делать будем? — спрашивает Мельников, кивая на гитлеровца. — Наследит нам эта «Шахерезада»...

— Пусть выговорится, — отвечает Шпаков. — Чем дальше отведем его от шоссе, тем лучше.

Цензор, призванный свято беречь военную тайну, официально стоящий на страже ее, спешит выложить все, что знает, говорит, говорит, не переставая, боясь той тишины, что нахлынет после его последнего монолога.

Может быть, он втайне рассчитывает, что кто-то услышит в лесу его речь, придет на помощь. Ведь это же его родная страна, охраняемая всей мощью германского оружия...

Пересекая дороги и просеки, Мельников повторяет все одну и ту же процедуру — вежливым нажимом на челюсть заставляет цензора разжать зубы, затем вежливо забивает ему кляп в раскрытый рот. Теперь «язык», так сказать, «законсервирован».

Миновав опасное место, Мельников вежливо вынимает кляп.

У обер-лейтенанта типично прусская биография. Выясняется, что скромный «почтовый работник» еще в 1919 году ходил походом из Восточной Пруссии в Латвию. Тогда он служил офицером связи в штабе генерала Георга фон Кюхлера. В предвоенные годы работал у фон дем Баха, но уверял, что не имел ничего общего с искоренением евреев и коммунистов. Он мечтал стать писателем, даже поэтом, а работал литературным цензором СД.

В 1939-м цензор наступал с 3-й армией того же фон Кюхлера из Восточной Пруссии на Варшаву. В сороковом с 18-й армией Кюхлера ворвался через Голландию во Францию и с триумфом вошел в Париж. В сорок первом двинулся все с тем же Кюхлером путем тевтонских крестоносцев из Восточной Пруссии, из Тильзита, на Ригу и Псков; Кюхлер и вся группа армий «Север» оказались удачливее своих тевтонских предков, — прусса-

ки по собственной охоте купались в Чудском озере, захватили Новгород, обложили Ленинград и рассматривали в бинокли шпиль Адмиралтейства. Но потом «дранг нах остен» застопорился. В сорок первом 3-я танковая группа генерала Гепппера наступала на Москву, но чем это окончилось, русские господа-товарищи, конечно, хорошо помнят.

Вместо наград за взятие Москвы Кюхлер и Гепппер получили отставку от фюрера, а обер — контузию от русского снаряда.

Потом 18-я армия попала в Курляндский котел, но оберу повезло — он стал цензором в 3-й танковой армии, откатившейся назад, на восточно-прусскую землю. Типично прусская судьба...

— Болтай, болтай! — поощрительно посмеивается Ваня Мельников.— Как говорится, болтун — находка для шпиона!

До самого рассвета, не умолкая, тараторит этот пруссак-«остландрейтер».

Он готов на все, чтобы спасти шкуру: хотите — даст подписку, станет осведомителем, не пожалеет сил, будет верой и правдой служить русской разведке...

— Но наступило утро, — сухо прерывает его Ваня Мельников, — и Шахерезада прекратила дозволенные речи.

— Пора идти,— говорит Шпаков Ване Мельникову и в сером свете раннего утра поводит усталыми глазами в сторону затянутого туманом ручья.

Цензор что-то лепечет, плачет, падает на колени, обхватывает Анины ноги.

Аня и Зина смотрят на него с презрением — тоже мне мужчина, этот кавалер Железного креста, этот завоеватель, этот участник стольких войн и кампаний! Трус несчастный!..

— Пошли, «Шахерезада»! — говорит Мельников, отрывая его от Аниных ног.

...На дневке Шпаков долго сидит, прислонившись к стволу елки, словно в шатре под ее густыми и низкими лапами, вспоминает сказки «Шахерезады». Материала на несколько радиограмм.

Достав блокнот и карандаш, он записывает сведения, чтобы затем, отсеяв все лишнее, систематизировать их и изложить телеграфным языком.

Когда Гитлер перевел сюда ставку? Семнадцатого июня сорок первого.

Нет, цензору не приходилось бывать в «Вольфсшанце», для этого он слишком мелко плавал, зато он не раз бывал в штабе главного командования сухопутных войск — оно помещается в подземных бункерах неподалеку от Ангербурга, а главное командование люфтваффе зарылось в землю около Гольдапа.

Какие органы в Восточной Пруссии занимаются контрразведкой и борьбой с парашютистами? Органы СС. На базе местных охотничьих союзов СС созданы специальные отряды по истреблению парашютных десантов. Высший командир СС и полиции в Восточной Пруссии — СС-группенфюрер Якоб Шпорренберг. Он подчиняется непосредственно Гиммлеру и Коху. В его аппарате — много специалистов из знаменитой эйнзатцгруппы «А» при группе армий «Норд». Она ведала казнями и репрессиями на всем северном фронте, в Прибалтике и под Ленинградом.

В Мариенбурге, в прежней столице Тевтонского ордена, в старинном гнезде великих магистров, помещается замок ордена крови СС — он с довоенных лет готовит кадры разведчиков против Советского Союза. Давно действует в Кенигсберге отделение абвера — его третий, контрразведывательный отдел специально занимается борьбой против советской разведки в Восточной Пруссии. Но недавно — 1 мая — Гиммлер добился, чтобы все функции абвера были переданы указом фюрера новому управлению в системе гиммлеровского главного имперского управления безопасности — РСХА, а шефа абвера, адмирала Канариса, отставили от дел. Во главе нового управления военной разведки и контрразведки СС встал бригаденфюрер Вальтер Шелленберг. Уверяют, что Гиммлер арестовал Канариса как участника путча Штауффенберга... Все это говорит о крушении германской разведки в самый критический час войны...

Скорпион кончает самоубийством... Нет, теперь уже ничто не спасет Германию.

Где сейчас фюрер? Здесь, в главной ставке. Он не любит Берлин, к тому же там сейчас сильно бомбят. Он всегда хотел перевести столицу в Мюнхен. Недавно в штабе говорили, что фюрер наотрез отказался покинуть «Волчье логово».

«Я остаюсь здесь, под Растенбургом,— заявил он.— Если я оставлю Восточную Пруссию, Восточная Пруссия падет. Пока я здесь, она будет удержана!» Говорят, здоровье фюрера подорвано.

Кто руководит обороной Восточной Пруссии? Лично Гитлер, гаулейтер Кох, новый начальник генерального штаба Гудериан, а непосредственно — генерал-полковник Ганс Рейнгардт, командующий группой армии «Центр», и командующие тремя армиями, обороняющими Восточную Пруссию,— 3-й танковой, 4-й и 2-й полевыми армиями. В высшем руководстве рейха много уроженцев Восточной Пруссии, владельцев замков и имений — Геринг, Гудериан, Кох, фельдмаршалы фон Клюге, фон Манштейн, фон Буш, Кессельринг... Семья покойного канцлера и фельдмаршала Гинденбурга владеет поместьем в Нейдеке.

Восточная Пруссия дала вермахту около пяти тысяч офицеров.

Провинция начала тайно готовиться к обороне сразу после Сталинграда.

Среди штабных офицеров ходит слух, что генерал-полковник Гейнц Гудериан, назначенный фюрером 20 июля на пост начальника генерального штаба вместо Цейтцлера, многое делает для укрепления обороны Восточной Пруссии; он учитывает опыт кампании 1914 года, когда Гинденбург разгромил русские войска, но фюрер мешает ему в этом, недооценивая силу русских армий и переоценивая силу восточнопрусской обороны. Хотя последняя на многих участках и превосходит по мощи линию Зигфрида, но противостоит она не французской, а русской армии!.. Гитлер никого не желает слушать.

Шпаков более чем доволен полученными сведениями. Многие его друзья-разведчики поплатились головой за куда менее ценные сведения о враге. За два с лишним года разведывательной работы под Витебском и Минском ни ему, ни его знакомым разведчикам не удавалось добыть столь важные для нашего командования сведения. Везет «Джеку»! Павка — капитан Крылатых— сказал бы: «Выходит, не зря нас сюда бесплатно самолетом доставили, а?»

— «Говорит Кенигсберг! Продолжаем передачу статьи доктора Геббельса, напечатанной сегодня, 6 ав-

густа, в газете «Дас Рейх». Имперский комиссар по тотальной мобилизации пишет: «Каждый, кто попытается уклониться от своих обязанностей и труда, будет рассматриваться как изменник родины. Тот же, кто окажет таким людям содействие, будет рассматриваться как пособник и «соучастник преступного дезертирства. Отныне объявлен новый курс...»

Восьмого августа, передав радиограмму, Аня настраивается на Берлин. Какой-то важный фашист гневно, с металлом в гортанном барском баритоне, рассказывает о закрытом процессе, только что состоявшемся над восемью военными руководителями покушения 20 июля.

Суд приговорил всех восьмерых к смертной казни через повешение. По приказу Гитлера через два часа гестаповцы привели приговор в исполнение.

В те дни в замках и особняках Восточной Пруссии, да и во всей Германии и оккупированной Европе шли повальные аресты. Гиммлер приказал арестовать всех родственников руководителей заговора. Арестованных свозили в главные концентрационные лагеря — в Штутткофе, Мариенбурге, Мемеле, Тильзите, Инстербурге.

Гиммлер заявил, что весь род Штауффенбергов будет по седому тевтонскому обычаю кровной мести истреблен до последнего колена. Он потребовал, чтобы все однофамильцы Штауффенберга срочно изменили свою фамилию.

...Аня настраивается на Москву:

«Сегодня по радиостанции «Свободная Германия» выступил фельдмаршал Фридрих Паулюс. «Война для Германии проиграна,— заявил он,— Германия должна освободиться от Адольфа Гитлера, создать новое правительство, которое прекратит войну...»

V. «ЕЖ» ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ

1. «За сутки прошло эшелонов...»

Из радиограммы № 8 Центру от группы «Джек», 15 августа 1944 года:

«Окончание разведсводки передадим в ночной сеанс, если сможем. Вчера весь день была облава. Группа маневрировала по лесу с 8.00 до 14.00. Облаву проводили регулярные части, до двух батальонов пехоты. Немцы прочесывали лес трижды. Каратели шли несплошными цепями, поэтому нам удалось незаметно проскальзывать сквозь цепи. От собак спасли проливной дождь, мины и табак. Продукты кончились. Просим подготовить груз с продуктами, табаком и минами. Место выброски сообщим при первой возможности. Идем в основной район действий. «Джек» — «Еж».

В пять утра, когда восходит солнце, группа располагается на дневку в непролазном ельнике, в трех километрах севернее железной дороги Кенигсберг—Тильзит, почти рядом с деревней Линденгорст, недалеко от берега реки Швентойте.

— Этой ночью,— объявляет Шпаков после тщательной разведки района дневки в километровом радиусе,— начинаем наблюдение за «железкой». Не надейтесь, ребята, на отдых после похода и облавы. Кровь из носа, а будем вести наблюдение днем и ночью. Мне не надо рассказывать вам, как важно это для нашего командования, для солдат нашего фронта.

Ночь на 18 августа. Первыми на знакомый перегон Лабиау — Меляукен выходят Мельников, Раневский и Тышкевич. Они в пятнистых желто-зеленых маскировочных костюмах, извлеченных из вещевых мешков. Они знают — эта дорога связана с железной магистралью, ведущей из Штеттина через Мариенбург в Кенигсберг, одной из двух важнейших стратегических железных дорог Восточной Пруссии. Вторая магистраль— сквозная железная дорога Берлин—Бромберг—Инстербург—Тильзит.

Именно по этим и еще четырем германским железным магистралям стягивались гитлеровские войска для нападения на Советский Союз.

В половине первого гаснет серп полумесяца. До полнолуния еще двое суток...

Мельников подбирает такое место в двадцати — двадцати пяти метрах от железной дороги, в заросшем сосняком овражке, что силуэт проносящегося эшелона четко проецируется на фоне неба. Если же смотреть на черный эшелон на фоне черной стены леса, ничего не увидишь. Дальше отойдешь — не разглядишь техники на платформах, ближе — не успеешь сосчитать танки и орудия.

Вот появляется приземистый и длинный шестиосный немецкий локомотив серии «54». Он тащит войсковой эшелон — сорок два вагона живой силы, две платформы с полевыми кухнями.

Часто и почти все в одну сторону — в Тильзит — проносятся, дымя, грохоча и сотрясая землю, тысячетонные войсковые и грузовые эшелоны. Из Тильзита — четыре пути. В Мемель, Таураге, Шталлупенен и Инстербург.

Поезда идут так часто, что порой машинист, высовываясь из окна кабины локомотива, видит красные хвостовые огни эшелона, идущего впереди.

Мельников целиком поглощен наблюдением. Раневский и Тышкевич лежат в тридцати метрах слева и справа от него, в боковом охранении.

Пять, десять, пятнадцать эшелонов проносятся, сотрясая землю, к Тильзиту. У немцев уже давно не хватает горючего для автомобильного транспорта, поэтому они стараются перебрасывать войска и воинские грузы не столько шоссейными, сколько железными дорогами. Танки, орудия... Тип танков Мельников легко узнает по силуэтам, калибр орудий определяет по стволу.

Девяносто два пассажирских вагона, тысяча триста двадцать два крытых товарных вагона, триста одиннадцать платформ... Особо подсчитывает Мельников крытые вагоны с охраной, если ему удается разглядеть часового в тамбуре... На платформах — тридцать четыре средних танка типа IV, восемнадцать сорокатонных «пантер», одиннадцать «тигров», двадцать четыре самоходных орудия, шестнадцать самоходных противотанковых установок «Веспе» и «Хуммель», тридцать восемь 150-миллиметровых и 170-миллиметровых пушек, шесть 88-миллиметровых зениток...

Такие мощные силы бросает Гитлер за одну ночь по одной только железной дороге на восточную границу

Пруссии, на фронт, в одну лишь 3-ю танковую армию. А это — не единственная дорога к фронту. Их четыре или пять подходит к восточной границе, на участки 2-й и 4-й армий вермахта. Пожалуй, около трехсот эшелонов с войсками и техникой ежесуточно швыряет Гитлер на Восточный фронт. Позади Сталинград, Курск, позади разгром в Белоруссии, но именно сейчас, в июле и августе сорок четвертого, производство военной продукции в Германии достигло наивысшего уровня...

Мельников знает, что на нашей стороне фронта и железных дорог меньше, и пропускная способность совсем не та — ведь немцы, отступая, разрушили все станции и пути,— скоро ли их приведешь в порядок? Какие же богатырские силы надо иметь нашей армии, нашим солдатам, чтобы по всем мыслимым и немыслимым дорогам пройти самим и на своем горбу притащить сотни тысяч тонн военных грузов, чтобы перемолоть в бою всю эту гитлеровскую технику и погнать все дальше на запад избитый, израненный, но все еще бешено огрызающийся великогерманский вермахт!

Проходит два часа, четыре, шесть. Можно не смотреть на часы — через каждые два часа по «железке» проходит парный патруль. До конца смены осталось еще столько же. Двенадцать часов! На голодный желудок...

Брезжит рассвет. Разведчики отползают на полтораста метров в глубь сосняка. Отсюда ведут наблюдение днем. Стучат и стучат колеса...

Во всех городах Германии, на всех станциях расклеен военно-патриотический плакат с надписью: «Все колеса катятся к победе!..»

Утром на запад проходит вереница санитарных эшелонов с ранеными, каждый по восемьдесят — девяносто вагонов. Как видно, Гитлер меньше бережет меченные красным крестом эшелоны, чем эшелоны с черным крестом вермахта и люфтваффе. У этих эшелонов, составленных не столько из пассажирских, сколько из желтых товарных вагонов, совсем не воинственный вид. В классных вагонах окна тщательно зашторены, в товарных — наглухо закрыты. «Все колеса катятся к победе!..» Это едут изувеченные и искалеченные, умершие в пути... И перестук колес — словно стук костей...

Смена производится в специально подобранном месте в лесу, в двухстах метрах от места наблюдения.

Две смены по три человека—это вся группа «Джек», кроме двух радисток и командира, которым наблюдение вести никак не положено.

Наблюдатели соревнуются друг с другом. Через несколько дней выясняется, что точнее всех засекает войсковые и грузовые перевозки не прежний «чемпион» Ваня Мельников, а Натан Раневский.

Но вести наблюдение день за днем, ночь за ночью на голодный желудок невозможно. Значит, отдежурил смену, поспал шесть часов, вставай и топай на хозоперацию, за продуктами. А идти надо не ближе чем за двадцать километров от лагеря.

Стоянку же нужно менять ежедневно. На старые места возвращаться не рекомендуется — раз сунулись, а там жандармская засада.

— Работка не пыльная,— посмеивается, придя с дежурства у «железки», Ваня Мельников.— Весь день лежишь себе на травке под кустиком. Озон, дача, заграничный курорт!

После недели такого «курорта» у разведчиков подкашиваются от голода и усталости ноги, неудержимо слипаются воспаленные от напряжения глаза. Белки глаз покрываются сплошной сеткой красных жилок.

Самое тяжелое — это ходить каждый раз в новое место, в незнакомый фольварк, за продуктами. В оба конца — полсотни километров за одну августовскую ночь...

Двадцатого августа Аня и Зина передают первую разведсводку о движении эшелонов по железной дороге Кенигсберг—Тильзит. Первую часть — сводку за 18 августа — передает Зина, уйдя с Ваней Белым за пять-шесть километров от лагеря. Вторую часть отстукивает Аня, отойдя под охраной Вани Черного на такое же расстояние в другую сторону. Пусть у фрицев печенка лопнет, когда они узнают, что уже две рации работают под Меляукеном, пусть чихают немецкие овчарки, нюхая табак там, где радисток и след простыл!.. Чтобы еще больше досадить фашистским радиошпионам, Аня и Зина постоянно меняют свой «почерк» в эфире — пусть фрицы думают, что их леса кишмя кишат советскими радистами-разведчиками!

...В тот день ели последние куски испорченного мяса.

— Ну прямо как на броненосце «Потемкин»! — мрачно шутит Ваня Мельников.

Зато наблюдать теперь стало легче. Над «железкой» чуть не всю ночь светит полная луна.

Из радиограммы Центру № 13 от «Джека», 21 августа 1944 года:

«Мельников, Овчаров и Тышкевич, выйдя на хозоперацию, по ошибке зашли прямо в казарму к немцам. Обошлось без потерь, но продуктов не достали. В другой деревне тоже обстреляли. Голодаем. Просим подготовить груз. Завтра сообщим координаты...»

...— Только вот что, старый герр, и вы, фрау! Никому о нашем посещении ни слова! Если донесете, пеняйте на себя! Нас не поймают, а вы будете наказаны по всей строгости военного времени, понятно? Клянитесь богом и фюрером, что будете держать язык за зубами. Переведи им, Натан!

Раневский переводит, и немцы — старик и его дочь — клянутся, трясясь от страха, что никогда и никому, видит бог, не расскажут они о ночном визите.

— Это чья фотокарточка? Кто этот унтер-танкист? Муж? Клянитесь мужем, что не донесете на нас!

— Клянусь мужем и детьми! Да отсохнет у меня язык!..

— Чтобы вы не стреляли нам в спину, старик, я вынужден забрать вашу охотничью винтовку!

— Пожалейте старика! Винтовка зарегистрирована в гестапо!

— Вы найдете ее на опушке леса!

Раневский и Целиков осторожно выходят за дверь, где их поджидает, прячась в тени от лунного света, Юзек Зварика. Юзек, отличный плотник, золотые руки, проводит рукой по двери, со вздохом говорит:

— Хорошо строят, паразиты!

Не успевают они перемахнуть через железную ограду с тремя тяжеленными мешками за спиной, как позади раскрываются окна и немцы начинают истошно звать на помощь:

— Хильфе! Хильфе!.. Помогите!.. На помощь!..

И уже вспыхивают тревожные огоньки в окнах соседнего фольварка за дорогой.

Раневский в сердцах разбивает винтовку старика о придорожное дерево, швыряет в кусты.

Зварика останавливается:

— Сволочи! Я пойду шницель из них сделаю!..

— С ума ты, старик, сошел! — возражает Ваня Целиков.— Они уже закрылись на все замки...

— Дом спалю! — кипятится Зварика, отлично сознавая, что ничего такого он не сделает.

А в полукилометре, за речкой, уже сверлит ночную тишину свисток патрульного ландшутцмана.

— Все равно уж... Просто они больше боятся гестапо, чем нас! Пошли! Скорей! Ребята который день не ели!

По дороге в лагерь Ваня Целиков запускает руку в мешок, отламывает кусок копченой колбасы.

— Не смей! — строго говорит Зварика.— В доме лопай сколько влезет, а из мешков не смей — это общее!

Какой будет в лагере пир! Свежий хлеб, двухвершковое копченое сало, домашняя колбаса, вареное мясо, масло, сыр, бутылка сидра и специально для Ани с Зиной банка мармелада!

Но Шпаков немедленно накладывает свою железную руку на все эти трофейные яства и пития, дает отведать только малую их часть. И никто не просит добавки, никто не жалуется. Все знают, как трудно достаются продукты. Их надо растянуть как можно дольше.

Усталость валит с ног. Все чаще ходят наблюдатели на «железку» не по трое, а по двое. Ходит, вопреки правилу, и Шпаков, командир. Аня сама напрашивается на дежурство, на хозоперацию, ей кажется, что она, как радистка, отстранена от боевых дел, но Шпаков и слышать ничего не хочет.

— Пойми, Анка-атаман,— ласково говорит он девушке,— если меня убьют, на мое место встанет Мельников. А кто заменит тебя?

— А меня заменит Зина!

— Нет, так нельзя. У меня, можно сказать, шесть заместителей, а вас с Зиной — двое. Без связи с Большой землей «Джеку» нечего делать в тылу врага!

Порой Шпаков относится к Ане совсем не по-командирски. Но Аня давно отбросила всякие посторонние мысли. Еще успеется — там, на Большой земле. К тому же Коля давно нравится Зине...

— Вот, передай-ка лучше разведсводку Центру! У тебя ведь и так забот хватает. Ты и радист, и врач, и повар, и интендант, и стрелок, и пехотинец... Эх, Анка, Анка! А все-таки я, убей, не пойму, зачем надо было вас-то, девчат, в такое пекло посылать. Да что у нас, парней, что ли, не хватает!

— А нас никто не посылал — мы сами сюда полетели!

Шпаков окидывает Аню восхищенным взглядом. Он поражается не внешней ее красоте, нет, Аню не назовешь писаной красавицей. Девичья красота — позолота. А всякая позолота легко сходит. Особенно в таком пекле. Командира радует красота души этой девушки, твердость и глубина ее взгляда, яркость улыбки — сто свечей, не меньше!

Час за часом, в дождь и под палящим солнцем, в ночи лунные и безлунные, лежат у железнодорожного полотна разведчики. Смотрят днем в бинокль, считают вагоны с белым клеймом «ДР» — «Дейче Рейхсбан», серо-черные вагоны, камуфлированные желто-зеленой краской, считают платформы с шестиствольными минометами и огнеметными танками. Кое-какие грузы на платформах укутаны желто-зеленым брезентом, прикрыты пожелтевшими деревцами, срубленными где-то в Германии, рядом охрана с зенитным счетверенным пулеметом.

В бинокль можно разглядеть на вагонах названия немецких городов — место рождения всех этих разномастных вагонов и одновременно солдат: Кенигсберг, Кельн, Дюссельдорф, Гамбург... Изредка попадаются советские вагоны, переоборудованные для движения по среднеевропейской колее. У каждого разведчика щемит сердце, когда он читает знакомые надписи на этих «пленниках» — Москва, Орел, Ленинград... Сколько лет они мирно колесили по бессчетным российским городам и станциям, по полям и лесам родины!

Платформы с бочками — это горючее из австрийской и румынской нефти. Черные гондолы — это рурский уголь из Дуйсбурга, из Эссена и Дортмунда. Идут тут

эшелоны не то что в Белоруссии — безо всяких предосторожностей, ни тебе платформ с песком перед локомотивом, ни патрулей с миноискателями, ни бронированной охраны.

Железные дороги — важнейшие артерии армии. Днем это видно наглядно, хотя днем движение реже,— в вагонах для скота едут войска. Три-четыре года назад эти солдаты ехали на восток, играя на аккордеонах и губных гармошках, распевая:

Мы идем на восток, на восток!
За землей на восток, на восток!

«На восток, на восток...» — выстукивали колеса. На вагонах — надписи мелом: «Берлин — Москва». Теперь едут в гробовой тишине... Там много немцев 1926—1927 года рождения. Гадают, наверное, куда занесет их военная фортуна и чем наградит — Железным крестом или березовым, или бесплатным билетом в Сибирь, в лагерь для военнопленных... Вот уж который год везут немцев в телячьих вагонах, как скот на бойню. Непрерывно движется этот конвейер смерти. Гудит паровоз. Семафор поднят. Вот она, зеленая улица смерти. Потому и звучит перестук колес, словно стук костей...

И снова — голод. У Зины пухнут ноги, хотя ребята при дележе скудного харча пытаются незаметно подсунуть девчатам побольше. В мясе завелись черви, но ничего другого нет. Лица у всех осунувшиеся, в глазах — голодный блеск. Зварика строит планы охоты на уток в болоте. Генка забрался на дерево, но птичье гнездо оказалось пустым. Давно уже вывели птицы своих птенцов.

— Смотри, Аня! — грустно говорит Зина. — Она ущипнула кожу на костяшках пальцев, и кожа, прежде эластичная, так и осталась торчать, сухая и серая, точно пергаментная.— Верный признак истощения.

Аня и Зина сушат на солнцепеке чернику. Полным-полно в лесу и черно-красной куманики, и матово-синей голубики. А однажды у болота Аня за полчаса набрала полный, с верхом, берет буро-красной мамуры и совсем кислой желтовато-оранжевой морошки, угостила ребят. Но одними ягодами сыт не будешь.

Около трех недель прожили и проработали разведчики на килограмме сухарей и банке свиной тушенки, на подножном корму и с редким доппайком, добытым у пруссаков.

Днем у наблюдателей на «железке» ЧП.

Тихо, тепло, солнечно. Пахнет смолой и вереском. За елкой слышится негромкий говор:

— Катя, милая Катенька! Люба ты моя!..

— Петя! Я так ждала, так ждала этой минуточки!..

Ведь, поди, целое лето не виделись!

— И я считал денечки, все вспоминал... А хорошо я придумал, верно? Вот мы и встретились! Хозяйка тебя безо всяких-всяких отпустила?

— Еще бы! Дозвольте, фрау, говорю, уйти в гестапо отметиться — приказано, мол, отмечаться по вторникам... Моя рыжая стерва и не пикнула! Вот видишь, теперь мы сможем встречаться каждую неделю!.. Смотри, санитарный идет...

— Класть бы им не перекласть, гадам! Я вот решил: как ударят наши — в лес тикать! И ты со мной, чтоб не угнали дальше, на запад!

— Дурачок ты, Петенька. Ну какой это лес! У нас, поди, в Рославле парк железнодорожников и то больше на лес похож! Разве тут спрячешься где?

За елкой сует обратно в черные резиновые ножны обнаженную финку Ваня Мельников. Жужжит шмель над цветущим вереском, лениво вздыхает ветерок, вдали гулко стучат колеса. «На восток, на восток, на восток...»

— Не надо, Петя! Какой ты!.. Немцы хвастают, что не пустят сюда наших... А у меня все хозяева на чемоданах сидят, все готово к эвакуации, вот-вот драпанут, разрешения ждут.

— Возьми, Катенька! Я для тебя пастилку достал!

Мельников, облизнувшись, срывает спелую клюквину с моховой кочки. Кричит сойка за «железкой».

— Катя, Катенька! Ведь целое лето не виделись... Ну, что ты, дурочка, плачешь? Всего-то полчасика у нас осталось!..

— А вдруг мы так и не дождемся?.. И как они к нам отнесутся — к «восточным рабочим»?..

«На восток, на восток, на восток...» Разносится над лесом заунывный гудок локомотива серии «54».

Девушка и парень медленно уходят, обнявшись. Мельников, выглянув из-за елки, видит закинутую через плечо парня куртку со знаком «ОСТ», видит, как тоненькая девчонка из Рославля поправляет таким женственно-милым движением русую косу...

— Ну вот! — грустно произносит Мельников, глядя вслед удаляющейся парочке.— Кончается антракт, начинается контракт...

— Ты чего такой? — спрашивает неразговорчивый Зварика.

— Да так. Я вроде родился счастливым. Семерка всегда считалась самым счастливым числом. Мне было семнадцать, когда началась война. Я окончил семь классов. Пошел в армию в июле — седьмом месяце сорок первого. Сюда спрыгнул двадцать седьмого июля... А какой же я счастливый, если никого еще не любил... И вряд ли придется теперь любить!..

— Ну, это ты брось! Мы еще свое наверстаем. Считай вагоны!..

«На восток, на восток, на восток...»

2. «Эсэсовец — молодец против овец...»

— Так точно, группенфюрер, нам удалось установить, где скрывается группа парашютистов. Приступаем к их ликвидации.

— Доложите подробнее, штурмбанфюрер!

— Первые сигналы поступили от лесников в районе населенных пунктов Линденгорст—Вайдлякен, по обе стороны железной дороги Кенигсберг—Тильзит. Вскоре последовали сигналы из уединенных фольварков, расположенных в радиусе пятнадцати — двадцати километров от указанного района,— в этих фольварках русские пытались отобрать у крестьян продукты. Каждый сигнал отмечался нами на особой карте, передавался соседним округам и вам, в Кенигсберг. Убедившись, что шпионская группа обосновалась в указанном районе, мы направили девятнадцатого августа в этот район нашу специальную ягдкоманду по истреблению парашютных

десантов, приказав ей прибыть туда незаметно, ночью, в пешем строю и сразу же блокировать район действия группы путем устройства засад и ловушек, с тем чтобы не выпустить группу из этого района и скрытно вести разведку и наблюдение до проведения операции по ликвидации группы. Ягдкоманде удалось не обнаружить своего присутствия...

— Каковы состав и вооружение ягдкоманды?

— Ягдкоманда обычного типа, четыре отделения, у каждого на вооружении по радиопередатчику, два пулемета МГ-34 или МГ-42, две русские полуавтоматические винтовки с оптическими прицелами, три автоматических карабина, две ракетницы, по четыре гранаты на каждого солдата. Большинство офицеров и солдат имеют опыт борьбы с партизанами в Белоруссии и Литве. Кроме обычных маскировочных костюмов, разведывательным дозорам выдано гражданское платье. Всему личному составу выдан также сухой паек на четырнадцать суток: консервированное мясо, колбаса, кофе, шоколад, табак, хлеб.

Тем временем возглавляемый мною оперативный штаб при шефе СД в Тильзите, в который, кроме меня, входят мой заместитель и офицер связи, занимался планированием и координированием операции, сбором и обработкой информации и выработкой рекомендаций. Штаб третьей танковой армии выделил нам гренадерский полк для прочесывания леса во взаимодействии с ягдкомандой. Обеспечение операции боеприпасами, горючим и продовольствием будет осуществляться непосредственно через службу тыла. Кроме того, нами привлечены к операции отряды охотничьего союза СС, жандармерии и ландшутца, куда входят люди, хорошо знакомые с местностью.

— Каков план операции?

— Тщательно изучив наставление «Боевые действия против партизан», утвержденное ставкой фюрера от шестого мая сего года, мы отказались от варианта концентрического наступления, поскольку шпионская группа каждую ночь меняет стоянку. Детально изучен рельеф местности, учтены метеорологические условия. Вчера я подписал приказ, копия которого вам уже выслана.

— Как вы определили цель операции?

— Уничтожение шпионской группы или, по возможности, захват в плен ее членов. Пусть эти бандиты с виселицы наблюдают за продвижением наших войск...

— Вам придется изменить ваш приказ, штурмбанфюрер. Брать шпионов надо живьем! Особенно радистов!

— Это значительно осложнит всю операцию...

— Это приказ, штурмбанфюрер! Всех захваченных в плен доставите ко мне в Кенигсберг. Примите меры к тому, чтобы радисты не успели уничтожить шифровальные рулоны! Нас особенно интересуют эти два музыканта в «Красном оркестре» советской разведки на территории старого рейха.

— Яволь, группенфюрер!

— Итак, как вы планируете операцию? Прошу помнить, что эти сталинские волки обладают особым инстинктом, который давно утратил культурный, цивилизованный человек.

— Яволь, группенфюрер! В основу плана операции положен «метод охоты на куропаток». Все части занимают исходные позиции ночью, а прочесывание начинают на заре. Чтобы оказать постоянное влияние на ход операции, я намерен осуществлять руководство ею по радио с борта вертолета «Физелер». Впереди пойдут лесники и лесные объездчики. Ягдкоманда и гренадерский полк прочешут лес широким фронтом, развернувшись в три цепи так, чтобы солдаты видели друг друга и поддерживали связь с соседями. Одну восьмую личного состава я выделяю в подвижной резерв, чтобы использовать его в решающую минуту при обнаружении шпионской группы. Специальные подразделения следуют за цепями, располагаясь не дальше друг от друга, чем это нужно для быстрого оказания взаимной поддержки огнем. Их задача — не допустить просачивания отдельных парашютистов. Цепи постепенно оттесняют парашютистов, как куропаток, к шоссе, которое оседлано частью войск. Если группа рассеется, организуем погоню за каждым шпионом. Полагаю, что к заходу солнца парашютисты окажутся в наших руках...

— И не живыми или мертвыми, штурмбанфюрер, а только живыми! Когда начало операции?

— Завтра, группенфюрер, в пять тридцать утра двадцать шестого августа.

...Раннее утро. Тает туман. Гулко стучит дятел.

По сосновому бору сразу по многим кварталам идут группами рабочие-лесозаготовители: темно-синие комбинезоны, топоры и пилы на плечах. Но — странное дело!— рабочие эти не рубят и не пилят, и смотрят они пристально не на деревья, а на землю, прочесывая квартал за кварталом.

Посмотришь со стороны — ни за что не скажешь, что это идут следопыты из ягдкоманты, члены охотничьего союза СС, первые в рейхе мастера по истреблению парашютных десантов. Цепким охотничьим глазом замечают они каждый след в песке, в примятом вереске, в покрытой матовой росой траве. Вот задерживаются на минуту два «лесоруба» — молодой и пожилой — над каким-то следом в опавшей хвое. Верхний слой выцвел, поблек под дождем и солнцем. Нижний слой — темноржавого цвета, сыроватый... Нет, это не след человека, тут прошли кабаны... Вот на тропке кто-то раздавил под ногами сушняк. Кто? Когда? По окурку сигареты, по характеру следа нетрудно определить — до последнего дождя тут прошли свои, немцы...

Стой! А это что? На первый взгляд через старую грунтовую дорогу вдоль просеки прошел один человек с юга на север. Но отчего у этого человека такой большой, широкий, расплющенный след? Нет, этих немцев-следопытов трудно обмануть! Здесь прошла, ступая след в след, группа из восьми-девяти человек, потому их общий след и получился деформированным, глубже нормального. Это замечает молодой охотник-эсэсовец. Другой охотник — пожилой эсэсовец — видит и кое-что другое: каждый след отпечатался «наоборот», не каблук, а носок получился глубже и четче... И прошла эта группа через дорогу часа два-три назад, еще до росы...

«Лесорубы» идут дальше, отыскивая след разведчиков. В оттопыренных карманах рабочих комбинезонов — гранаты и пистолеты...

Под утро 26 августа группа «Джек», вновь благополучно перемахнув через «железку», располагается около деревни Вайдлякен. Все устали и мгновенно засыпают, но на рассвете часовой — это Ваня Мельников — будит разведчиков.

— Что такое? — спрашивает Шпаков, хватаясь за автомат.

В лесу слышится какой-то свист, трели.

— Соловьи, — отвечает с бледной улыбкой Ваня Мельников.— Прусские соловьи!

По лесу идут густые цепи, офицеры и унтера сверляще и заливчато свистят в командирские свистки. Идет не одна цепь, как в прошлый раз. Идут три разноцветные цепи — впереди черномундирные эсэсовцы и местная жандармерия в рыже-зеленых мундирах, за ней — солдаты-гренадеры в сизо-зеленой форме, третья цепь — снова эсэсовцы в черном. Собачьего лая не слышно. Только свистки да команды, передаваемые по уставу слева направо.

В лесу под Инстербургом снова идет охота на людей. Самая азартная и опасная охота. Азарт — для эсэсовцев. Солдаты и жандармы больше думают об опасности. Охота на человека намного опасней охоты на медведя или даже тигра. Ведь ни у медведя, ни у тигра нет ни автомата, ни гранат, ни мин. И потому гренадеры, узнавшие на русском фронте, почем фунт лиха, и пожилые жандармы жмутся друг к другу, обтекая густые ельники и сосняки, разрывая цепь.

Шесть утра.

— Сколько часов до захода солнца? — тихо спрашивает Зина.

— Четырнадцать с половиной,—отвечает Шпаков.— Не робей! — подбадривает ребят Шпаков. — Эсэсовец — молодец против овец...

Над лесом низко парит небольшой вертолет.

Судя по свисткам и результатам визуального наблюдения, лес прочесывают до полутора тысяч солдат и жандармов. Их ведут местные немолодые эсэсовцы — члены охотничьего союза СС. Эти идут молча. Ни криков, ни свистков. Они готовы к рукопашной — чуть выдвинуты из ножен кинжалы с костяными ручками, расстегнуты кобуры «вальтеров» и парабеллумов. На боевом взводе автоматы «шмайссер-18» и новенькие автоматические карабины образца 1944 года. Этот карабин весит немногим больше четырех килограммов, а стреляет одиночными выстрелами, как самозарядная винтовка, и автоматически, как пистолет-пулемет, со скоростью восемь выстрелов в секунду.

И все же огневая мощь у «Джека» в месте прорыва выше. На этом и строит Шпаков свой расчет, применяя испытанную тактику белорусских партизан. Первым делом он подбирает наиболее выгодное место для прорыва — неглубокий овраг, почти перпендикулярный наступающим цепям, засаженный частыми рядами молодых елок и высокими соснами. Затем ждет, пока парный разведывательный дозор — Мельников и Овчаров — приползает, высмотрев самое слабое звено в растянутой поперек оврага цепи, и сообщает:

— Лучше всего прорываться левым краем! Разрыв в десять метров!

— Приготовиться! — шепчет Шпаков бескровными от волнения губами.

Все ближе и ближе немцы. Вот уже мелькнула за елками черная фигура с черным, как кочерга, автоматом в оголенных до бицепсов руках... Разведчики лежат клином: впереди Шпаков, за ним Зина, Аня. Слева и справа, прикрывая радисток, по трое разведчиков. Группа похожа сейчас на предельно сжатую стальную пружину.

Аня — бывшая подпольщица, а не партизанка, у нее нет опыта лесных боев. Ее так и подмывает вскочить и бежать сломя голову от смертельной опасности. Но такое бегство — верная смерть, перестреляют, как куропаток. Главное — не терять голову, а то потеряешь ее навсегда...

«Ти-ти-ти-та-та!» — тихо выстукивает Шпаков ногтем по диску автомата.

Все ближе и ближе... Все тоньше и ненадежнее стена хвойного лапника, отделяющая разведчиков от эсэсовцев. Аня обменивается с друзьями последним перед прорывом, прощальным взглядом. Ведь шансов на удачу не так уж много. И потому в этом быстром взгляде и дружеское подбадривание, и неизъяснимая тоска. Может, убьют, а может, ранят. Только бы не плен... Аню бросает то в жар, то в холод, ее всю трясет от нервного возбуждения.

— Вперед! — негромко командует Шпаков.

Нет, на этот раз им не удастся незаметно проскользнуть сквозь поредевшие зубья стального гребня. Вон дернулся автомат в руках у эсэсовца, блеснули белки округлившихся под кромкой каски злых глаз... Он валится, срезанный очередью Шпакова...

В неистовую минуту прорыва все решает быстрота и натиск, верный глазомер, стрельба навскидку, без промаха, по мгновенно появляющейся и исчезающей цели и, конечно, удача. Девятка клином таранит цепь, ведя огонь на бегу сразу из семи автоматов и двух пистолетов. Растянутая цепь эсэсовцев не успевает сомкнуться. Смолкает враз стрельба, исчезают «лесные призраки», корчатся под елками трое-четверо почти в упор расстрелянных охотников с черепами на касках.

Еще не смолкло гулкое эхо в лесу, как потревоженную тишину вновь раскалывает взрыв стрельбы. Это эсэсовцы, замыкая цепь, открыли огонь друг по другу...

Всего несколько минут уходит у немцев на то, чтобы навести порядок в своих цепях, а девятка уже скрытно проскользнула в две большие бреши в залегших цепях жандармов и гренадеров. В лесу раздаются крики, свистки, парит над кронами сосен вертолет, а Шпаков, перемахнув с группой в другой квадрат леса, петляя, заметая следы, подбирает для «Джека» новое «лежбище». Аня падает боком на землю, глотая ртом воздух, прижимая руку с пистолетом к груди, в которой бешено колотится сердце.

Мельников лежа меняет диск в автомате. По распаленному лицу струится пот. В глазах гаснет огонь боевой горячки.

— А против молодца эсэсовец и сам овца! — шепчет он, и на мокрых от пота губах неожиданно вспыхивает улыбка, ликующая улыбка воина, только что обманувшего смерть.

Разъяренные эсэсовцы поворачиваются кругом и снова прут цепью. Час уходит у них на то, чтобы прочесать два соседних квадрата. Затем черная цепь снова слепо надвигается на «Джека». Эсэсовцы прижимают разведчиков к шоссе. К счастью, это не то шоссе, вдоль которого занял оборону главный заслон. План «охоты на куропаток» уже сорван, но и эта дорога оцеплена и простреливается пулеметным огнем. Разведчики, однако, и не думают о прорыве через шоссе. Когда начинают щелкать разрывные в хвое над головой, «Джек» вторично и вновь без потерь таранит наступающую черномундирную цепь и снова исчезает в лесу.

К восьми вечера, перед самым заходом солнца, эсэсовцы тесным кольцом окружают измотанных разведчи-

ков. За ними — гренадеры и жандармы. Но сжать кольцо им не удается. Теперь все решают минуты. «Джек», заняв круговую оборону в яме, на месте вывороченной бурей сосны, с мужеством отчаяния дотемна отбивается гранатами, отстреливается, экономя каждый патрон, а затем, собрав последние силы, в третий раз, ведя разящий огонь, с разбегу прорывает оцепление и бесследно пропадает в ночи.

На первом привале Ваня Мельников, вслепую перезаряжая в темноте автоматный рожок, объявляет, тяжело дыша:

— Жаркий выдался денек! Здорово поиграли с фрицами в кошки-мышки. Зато уж отоспимся всласть...

— Пойдешь на «железку»! — жестко говорит Шпаков, ощупывая разодранную острым суком руку.

— Что?! — удивляется Мельников.— Да убей — не пойду! Нема дурных!..

Если бы Шпаков пригрозил Мельникову, стал хвататься за оружие, Мельников уперся бы, стал на своем. Но Шпаков только сказал тихо:

— Спи. Тогда пойду я!

— Возьмите меня с собой! — подает голос Аня.

Но ей никто не отвечает.

Мельников молчит, сердито посапывая, остывая под холодным дождичком.

Из-за туч ненадолго выглядывает полная луна.

— Ладно, Коля! Извини!.. Нервы... Когда идти?..

— Пойдешь после радиосеанса, когда подберем место для лагеря.

Аня отстукивает радиограмму. Передав разведсводку, Шпаков вновь просит подготовить для группы груз, но теперь он в первую очередь требует боеприпасы, хотя все в группе голодны, полураздеты и полуразуты. За день «Джек» расстрелял почти треть патронов.

Во время радиосеанса Шпаков выставляет дозорных — не исключено, что у карателей имеются радиопеленгаторы.

В ответной радиограмме Центра сообщается: «Благодарим за ценную информацию. Продолжайте разведку на железной дороге. В ближайшие дни ожидается нелетная погода. «Хозяин».

Аня слушает Москву: восставший Париж выкинул нацистов, наши освободили Кишинев, Румыния повернула штыки против Германии.

Но по радиостанции «Дейчланд-зендер» главный радиоподпевала Геббельса — Ганс Фриче с восторгом вещает о контрударе немецких войск в Курляндии, о восстановлении 20 августа в районе Тукума связи Восточной Пруссии с группой армий «Север». До чего сильны еще эти проклятые фрицы!..

С 26 августа в районе действий группы «Джек» начинаются почти ежедневные прочесы. «Джек» умело маневрирует, маскируется, отрывается от врага, кочует по лесному лабиринту.

Зина так ослабла, что разведчики уже давно поочередно несут шестикилограммовую сумку с батареями и все ее вещи, кроме рации. У запасливой Ани осталась горсть мятых ржаных колосков в кармане. Она делит их, и разведчики медленно жуют спелые зерна, выплевывая колючие ости, от которых саднит и пухнет язык. Два дня проходят совсем без еды. У Зины — сильный жар. Аня лечит ее стрептоцидом из походной аптечки. Аня тоже выбилась из сил. Долгие часы живет она в мучительной полуяви-полусне. У двух-трех ребят основательно расстроен желудок — они глотают последние таблетки дисульфана, запивая их болотной водой... В мешках становится почти совсем пусто. Аня обматывает бельем патроны и котелок, чтобы не бренчали в походе... Снова погоня. И снова идет «Джек», идет наперегонки со смертью...

Хмуро поглядывают разведчики на небо, затянутое низкими, разорванными балтийским бризом серыми тучами: когда же, наконец, настанет летная погода?

Шпаков вновь и вновь подбирает место для приема груза, радирует Центру координаты. Но только в ночь на 30 августа над лесом за Меляукеном выплывает полумесяц, а за ним, через полтора часа, появляется двухмоторный «дуглас».

Один круг над лесом, второй... Батарейки в фонариках сели. Приходится идти на дополнительный риск. Разведчики разжигают на полянке три небольших костра, расположенные треугольником. Они сильно волнуются — заметит ли штурман? Скорей бы, а то увидят жители фольварков и тут же донесут по телефону в по-

лицию... Хорошо бы нашим прилететь на трофейном самолете! Или уж сбросить для близиру несколько бомб,— сбился, мол, с курса, не возвращаться же домой с бомбами. Пусть фрицы что угодно думают, лишь бы не о разведгруппе, принимающей груз...

Заметил, заметил! Еще один круг. От фюзеляжа отделяется один тюк, второй... Эх, высоковато кинул! Скорее гасить костры. Уничтожить все следы! Набирая скорость, тюки исчезают из виду, но вот, уже позади самолета и ниже его, с резким, как пистолетный выстрел, хлопком, приглушенным гулом моторов, почти мгновенно раскрывается один белый купол, второй...

Ветер несет парашюты прямо на сосны. Еще рано радоваться — еще надо найти эти тюки во мраке, надо успеть забрать боеприпасы и продукты...

Вот один парашют! В полукилометре от потушенных костров висит он, угасая на сосне, большой, белый, издалека видать. Скорей! Скорей! Расшнуровывать некогда — вспороть финкой авизент, быстрей переложить в заплечные мешки цинки с полутора тысячью патронов, гранаты, противопехотки, полсотни килограммов сухарей, копченую колбасу, мясные консервы, пять килограммов соли, мыло, махорку, спички и батареи...

Разведчики ищут второй тюк — его отнесло на два километра от сигналов,— а в темном бору тут и там уже мелькают огни фонариков. Пока это только ландшутцманы — сельская стража, но за опушкой уже тарахтят, приближаясь, мотоциклы.

Стражники палят вслепую из винтовок, стремясь отпугнуть разведчиков, чтобы те первыми не нашли парашюты с грузом. Кто-то завизжал во мраке — никак, ландшутцманы подстрелили своего!..

Через час немцы находят оба тюка. Тюки изрезаны ножами, внутри пусто, на траве белеют клочья ваты, обрывки русских газет...

Ландшутцманы и подоспевшие фельджандармы топчутся вокруг. И вдруг словно огненный кинжал с грохотом вспарывает землю. Теряя сознание, кулем валится на обрубок ноги один из фельджандармов...

В трех километрах от взрыва быстрым шагом идет, сгибаясь под тяжестью мешков, обливаясь пóтом, цепочка разведчиков.

— Сработала моя противопехотка,— удовлетворенно пыхтит Ваня Мельников.— Мертвый пес зайца не нагонит.

Продуктов из двух тюков группе «Джек» в обрез хватает на десять дней.

3. В двадцати километрах южнее Тильзита

Наблюдение на железной дороге продолжается круглосуточно. Аня и Зина регулярно передают разведсводки Центру. Через час-два после сеанса место, где работала рация, окружают немцы. Почти ежедневно с шахматной точностью прочесывают они лесные квадраты. Потерь пока нет.

На фронтах дела идут неплохо — в самом конце августа наши берут нефтяной район Плоешти и Бухарест, а в середине августа войска 3-го Белорусского выходят к границе Восточной Пруссии. В главной ставке Гитлера около Растенбурга отчетливо слышна фронтовая канонада.

— Ну, мальчики и девочки! — торжественно объявляет Коля Шпаков.— Ждать остается совсем недолго! До границы за Тильзитом отсюда всего шестьдесят километров, до границы за Шталлупененом — девяносто!

Разве мог Шпаков знать, что в эти самые дни Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была дать командующему 3-м Белорусским фронтом генералу армии Черняховскому секретную директиву о переходе к обороне?

Не знают этого и пруссаки.

Встревоженный выходом советских войск к восточнопрусской границе, Гитлер разрешил гаулейтеру Коху скрытно провести эвакуацию населения из некоторых угрожаемых районов провинции. Когда разведчики вышли из леса в ночь на 8 сентября, они обнаружили, что одни из фольварков заперты и заколочены, другие заняты солдатами и фольксштурмистами.

— А может, это и лучше? — задумчиво произносит Ваня Мельников, глядя на запертые ворота фольвар-

ка. — «Кормильцы» наши дали тягу, но неужели эти богатеи ничего тут не оставили? Проверим!

На всех дверях висят тяжелые стальные замки разных замысловатых немецких, английских, французских систем.

— Чудаки! Они еще рассчитывают вернуться!

Мельников орудует железным ломом, срывая замки.

Угнан весь скот, увезена домашняя птица. На полке в кухне красуются пузатые братины с крышками — из таких кружек пили пиво тевтонские рыцари.

Но пиво все вывезено. Зато в амбаре много необмолоченных снопов ржи, в погребе можно нагрести пару мешков картошки, в кладовой строем стоят банки с разными соленьями и вареньями.

Зварика, причмокивая, отправляет в рот горсть за горстью кислую капусту.

— Осторожно, Юзек! — спохватывается Мельников.— А вдруг она отравлена? Хотя кто смел, тот и съел, без отваги нет и браги...

Всю ночь после этого Юзеку Зварике уделяют повышенное внимание, чуть не поминутно справляются о его здоровье. Зварика добродушно отругивается, посмеивается, поглаживая живот, и снова тянется к банке с капустой.

В гостиной Мельников светит фонариком — со стены на незваных гостей из-под черной челки хмуро смотрит фюрер и рейхсканцлер третьей империи.

Много добра не смогли захватить с собой эти восточнопрусские гроссбауэры.

Ваня Мельников сует за пазуху пару чистого белья— поди, семь недель не мылся в бане, примеривает теплое полупальто-реглан.

— На что тебе это барахло? — удивляется Целиков.— Наши вот-вот придут!

— А ну как не придут? А ну задержатся?

— Завтра опять облава, опять дралапута-дра-ла-ла, семь потов с тебя сойдет!

И Ваня оставляет полупальто, берет только белье.

Зварика тоже прихватывает пару белья. Он как будто вовсе не собирается умирать после кислой капусты.

— На долю девчат тоже прихвати! И всем ребятам.

На стене хмурится Адольф Гитлер.

...Тепло, солнечно в лесу. Стоит бабье лето.

Расшифровав очередную радиограмму Центра, Зина шепотом сообщает Ане:

— Плохо дело, Анек! Нам прислали новые указания — будем работать на новых частотах: не для летнего, а для зимнего времени... Ясно?

— Не говори ребятам! — помолчав, тихо просит Аня.

Из радиограммы № 29 Центру от «Джека», 11 сентября 1944 года:

«Ночью до полка пехоты окружило лес. Весь день шла облава. Вдоль железной дороги и шоссе залегли цепи автоматчиков. Прорвать кольцо не удалось. Группа по моему приказу рассеялась по лесу. Рации оставили, подвесив и тщательно замаскировав, в густом ельнике. Во время прочески немцы обнаружили «Моржа». Хотели взять живьем, но он дрался храбро, отвлек на себя немцев. «Морж» убит».

Из личного дела «Моржа».

Зварика Иосиф Иванович, рождения 1915 года, белорус, родился и жил в деревне Дзялгино, Минской области, работал плотником, десятником, образование — 4 класса. Война застала в Ломже, Белостокской области. С 10 декабря 1942 года — партизан отряда имени Котовского, бригады имени Ворошилова, с 3 мая 1943 года до 15 июля 1944 года — разведчик разведгруппы «Чайка». С 27 июля — в разведгруппе «Джек»...

Радиограмма № 35 Центру от «Джека», 17 сентября:

«Вчера эсэсовцы, полиция и регулярные войска прочесывали лес в районе базирования южнее деревни Эльхталь. Немецкая разведка из трех человек, идя впереди цепи, наткнулась на часового — «Орла» *, который двоих убил, а третьего ранил. Группу преследовали по пятам. Наблюдение на железной дороге вынуждены прекратить. Идем под Инстербург.

* «Орел» — Геннадий Тышкевич.

Иосиф Зварика («Морж»)

Оборонительный рубеж укрепрайона «Ильменхорст» еще не занят войсками...»

Из радиограммы № 38 Центру от «Джека», 21 сентября:

«Днем скрывались в кустарнике, в поле, среди фольварков. Кругом немцы...»

Из радиограммы № 39 Центру от «Джека», 23 сентября:

«Обошли Инстербург с запада. Дневали в районе Инстербурга, в 65 километрах от ставки Гитлера. Уходя от преследования, повернули на север и вышли в лес севернее Инстербурга в районе Ауловенен...»

Радиограмма № 40 Центру от «Джека», 24 сентября:

«Сегодня на рассвете на лагерь напали эсэсовцы. Прочесывали лес весь день, преследуя нас по пятам. Прижали группу к просеке, на которой немцы заняли оборону. «Крот»* и «Орел» уничтожили

* «Крот» — Иван Мельников.

пулеметный расчет на просеке, позволили группе прорваться. Шли на север. Эсэсовцы преследовали нас до шоссе Ауловенен — Жиллен, где мы остановились в перелеске, чтобы принять последний бой. Но эсэсовцы не нападали, а ждали подкреплений. Передохнув, группа прорвала окружение. Идем на северо-запад».

Из радиограммы № 41 Центру от «Джека», 25 сентября:

«Каждую ночь кружим по лесам. Голодаем. Боеприпасы и радиопитание на исходе. Если будет стоять нелетная погода, придется идти через фронт».

Радиограмма «Джеку» от Центра, 25 сентября:

«Ожидайте груз 26, 27, 28 сентября. В 20.00 в эти дни слушайте наш сигнал — три группы троек. Ваш ответ о готовности принять груз — две группы пятерок. «Хозяин».

Коля Шпаков ведет группу «Джек» в знакомый район — станции Гросс-Скайсгиррен. Ночь светлая, звездная — такие в конце сентября случаются редко. Шпаков идет мимо за́мков и старинных городков, идет по звездам, вспоминает, глядя на Сатурн и Венеру, капитана Крылатых...

Проходит день-два, но никто вслух не вспоминает о Юзеке. Только Мельников, вывернув пустой карман, со вздохом говорит:

— А у Зварики еще на две закрутки в кисете оставалось...— И добавляет словами песенки: — «И вот вам результат: уж восемь негритят...»

Последние дни питались только клюквой да брюквой, пили ржавую болотную воду. Только бы не заболеть дизентерией!.. Под старыми елями днем можно собрать немало рыжиков, в вереске попадаются боровики, но немцы совсем не дают разжечь костер, вот и приходится в редкие спокойные часы пастись на лесных ягодниках. С какой тоской, с какой завистью смотрят ребята на улетающих на юг гусей. Во-первых, высоко летят — не достанешь, во-вторых, через час-два будут

они, счастливчики, в Польше, потом в Чехословакии, и хоть все еще стонут под железной пятой вермахта эти братские страны, все-таки в них намного легче живется разведчикам, чем в этой распроклятой Пруссии.

От болот тянет холодом. От зари до зари теперь не просыхает роса. После 22 сентября, дня осеннего равноденствия, день стал короче ночи. Гудит в соснах, хлещет по лицу студеный северо-западный ветер. Утром Шпаков увидел иней в траве, и сжалось сердце — октябрь на носу, а фронт замер. Правда, на других участках дела идут хорошо — вышли из войны Финляндия и Болгария, союзники взяли Брюссель и Антверпен, американцы в районе Трира вышли к границе Германии. Полным ходом идет освобождение Прибалтики, взят уже Таллин, но вот под Мемелем наши что-то никак не разделаются с фрицами, а главное — когда же, когда, наконец, наши ворвутся в Восточную Пруссию?

Восемь теней, теперь уже не десять и не девять, а восемь теней, неслышно скользят по темному лесу, оставляя за собой просеку за просекой.

Командир идет впереди. Выслать бы дозор, да некого. Трое больных, двое дежурили на дневке и клюют носом, не девчат же посылать... К тому же он, Шпаков, один хорошо «ходит» по карте. Вот и идет впереди командир. Впереди ходил капитан Крылатых, и впереди идет Шпаков. Идет, зная, что он, командир — как самое высокое дерево в лесу, по которому, того и жди, ударит первая молния.

Глубокой ночью 28 сентября выходит восьмерка разведчиков к большой округлой поляне в хмуром сосновом бору и видит при свете вынырнувшего из-за рваных туч полумесяца заросшие диким виноградом, окутанные туманом развалины. Монастырь или замок?.. Кто строил его, кто разрушил?.. Дыхание столетий витает над камнями, чужое дыхание, с запахом давно отгоревших пожаров и поросших чертополохом пепелищ. В гробовой тишине ухо словно угадывает отзвук давней битвы, звон мечей и стук окровавленных секир. Кругом — седые мшаники, заросли можжевельника, зубчатая стена вековых сосен.

«Остландрейтеры» шли на восток и после каждого похода строили новые замки на границе завоеванных земель...

Аня идет вслед за Ваней Мельниковым, и пылкое воображение ее загорается при виде причудливого силуэта, при каждом таинственном шорохе... Здесь, в этих сумрачных лесах, собирались на тайные сборища потомки «остландрейтеров», мечтавшие о новом походе на восток, здесь офицеры черного рейхсвера вершили самосуд — тайным судом Фемы судили предателей и отступников. На этих согнутых балтийским ветром елях качались враги «Великой Германии», в этих болотах тонули они с валуном на шее...

Группа цепочкой выходит на просеку в двадцати километрах южнее Тильзита. С просеки просматривается шоссе Тильзит—Велау.

Вдруг Шпаков останавливается: под елями, на той стороне просеки, — подозрительный шорох, металлический лязг. Секундное промедление, рывок в сторону и назад... Поздно! С грохотом взрывается ночь. В черных кустах вспыхивают трепещущие оранжевые язычки в пламегасителях пулеметов, всплески сине-зеленого огня в автоматах. Немцы бьют из пулеметов, бьют из автоматических карабинов, бьют очередями разрывными и трассирующими.

Смерч огненных трасс мгновенно сдувает разведчиков с просеки. Рассыпаются звенья цепочки. Минута-две отчаянно быстрого бега, и пули уже не визжат вокруг, а ударяются в выросшую сзади стену сосен, рвутся в густой хвое... Но бегут только семеро. Не хватает звена в цепочке...

Шпаков остается на просеке. Жадно впитывает восточнопрусский песок кровь второго командира группы «Джек». Падая, горят над ним красные и зеленые ракеты. Как реквием разведчику — исступленная дробь пулеметов, многоголосый вой пуль, треск разрывных.

— Ваня! — почти кричит Аня, на бегу хватая за руку Мельникова.— Там... там...

Они бегут зигзагами, и позади выстраиваются в сплошную спасительную стену ели и сосны. В карбидном свете ракет все вокруг — и сосны, и бегущие люди — кажутся белыми, как на негативе.

— Знаю! — с бессильной яростью выпаливает Мельников, вырывая руку.

Да, Коля убит. И он, Иван Мельников, не мог даже подползти к нему, к другу и командиру, под огнем из

Николай Шпаков («Еж»)

двух-трех МГ-34 и десятка «шмайссеров» и автоматических карабинов... Его вмиг изрешетили бы немцы...

— Стой! — вполголоса командует Мельников. Позади рвутся разрывные пули, взлетают ракеты, но пульсирующее белое зарево уже едва сочится сквозь сосновый частокол. — Принимаю командование! Переходим шоссе по параллельной просеке!

Идут семеро. Идут цепочкой, пригнувшись, с заплечными мешками, утопая по колено в папоротнике. Со стороны они похожи на горбатых гномов. Зину душат рыдания — нет больше Коли... Аня молча глотает слезы...

В двух-трех лесных квадратах от просеки, на которой группа потеряла Шпакова, разведчики выходят к шоссе и опять попадают под кинжальный огонь. И здесь засада!.. Убегая под пулями, Раневский падает, с размаху ударяется коленкой о торчащий из земли валун. Этот здоровяк едва не теряет сознание от боли и, кое-как поднявшись, убеждается, что не то чтобы идти, но и ступить на ногу не может. Неужели сломана коленная чашечка?..

Из отчета разведчика Натана Раневского:

«...Будучи не в состоянии передвигаться, я позвал на помощь товарищей. И они пришли. Вынесли меня в менее опасную зону, оказали помощь. Ребята задумались: что делать дальше? Ведь задание превыше всего, и поэтому меня решили оставить. Мельников спросил: «Кто останется с ним?» Генка Тышкевич сказал: «Я останусь». Потому что мы были друзьями еще по Белоруссии. Пятнадцатилетний Геннадий Тышкевич добровольно согласился разделить мою заведомо нелегкую судьбу. Мы наметили пункт встречи с группой — близ болота у деревни Линденгорст...»

Раневский соорудил костыль и шел, подвесив ногу на ремень. Генка Тышкевич помогал ему, охранял и кормил его. Сначала Генка шел вперед в разведку, потом возвращался за товарищем. Они питались брюквой и морковкой, которую Генка доставал в поле. В ночь продвигались на пятьсот — восемьсот метров. Пятого октября на явочном пункте у деревни Линденгорст, куда они добрели с большим опозданием, они не нашли группу и больше никогда не встречались с ней.

Раневский поправлялся медленно, лежа как медведь в берлоге. Генка по ночам промышлял съестное.

Так прошел месяц. Раневский и Тышкевич связались с группой советских военнопленных, которых немцы заставили заготавливать в лесу дрова, а через них — с местными немцами-коммунистами, лесотехниками Эрнстом Райчуком и Августом Шиллятом. Эти стойкие, мужественные люди не «перекрасились» за двенадцать лет нацистского владычества. До того как эти старики-тельмановцы познакомились 10 ноября с разведчиками, они два года как могли помогали советским военнопленным. Рискуя собственной жизнью и жизнью своих близких,— а только у Райчука было шестеро дочерей,— они снабжали разведчиков продуктами. С начала декабря, когда в лесу выпал снег, Раневский и Тышкевич жили у Августа Шиллята под соломой на чердаке сарая у деревни Линденгорст. 22 января 1945 года они встретились с воинами Красной Армии...

Если бы вся группа встретилась с этими немцами-коммунистами, неведомо как уцелевшими под сенью

прусского черного орла, совсем иначе сложилась бы судьба Ани Морозовой и ее друзей...

VI. ИХ ОСТАЛОСЬ ПЯТЕРО

«Ти-ти-ти-та-та! Идут радисты!..»

В группе остается пятеро — Аня Морозова, Зина Бардышева и три Ивана — Мельников, Целиков и Овчаров.

Убит «Джек». Убит «Еж». От группы осталась ровно половина. Теперь группа официально называется «Крот», по псевдониму своего третьего командира. Но Мельников тоже хочет, чтобы группа по-прежнему именовалась группой «Джек».

На явочном пункте они так и не дождались Раневского и Тышкевича.

— Видать, немцы обнаружили их,— хмуро сказал Мельников, поглаживая заросшие щетиной щеки,— уйти Раневский не мог, а Генка, конечно, не бросил друга... «И вот вам результат: пятерка негритят...»

Мельников радирует Центру: «Еж» пропал без вести вместе с картами 100 000. Задержка груза и отсутствие карт угрожает гибелью всей группы. «Крот».

Он написал сначала: «Мы на грани полного истребления». Но потом, вздохнув, вычеркнул эти слова. Уж больно театрально как-то звучит, не по-мужски.

Рации по-прежнему действуют исправно, хотя батареи почти выдохлись. Стрелка вольтметра колеблется у критической красной линии.

В штабе воздушной армии генерала Хрюкина майор Стручков и молодой полковник, Герой Советского Союза с голубыми глазами и такими же кантами на золотых погонах, склонились над картой-пятикилометровкой Восточной Пруссии.

— Все мы учимся на ходу, товарищ флагштурман,— говорил майор, прикуривая от зажженной папиросы полковника.— Когда вы летали к брянским, клетнянским,

Иван Мельников («Крот»)

смоленским, белорусским партизанам, вам, конечно, не надо было пускаться на всякие ухищрения. Дислокация партизанских отрядов была отлично известна немцам хотя бы по данным радиопеленгации. Но в Восточной Пруссии,— майор постучал указательным пальцем по карте,— мы обязаны принять все меры для того, чтобы сбить немецкую контрразведку с толку, не навести ее на нашу разведгруппу, вплоть до выброски груза в ложном районе!.. У нас имеются конкретные предложения, и очень бы хотелось, чтобы вы, летчики, развили, обогатили новую тактику выброски десантов и груза. Летать по прямой в тыл врага к месту выброски и обратно — это значит губить наших разведчиков...

— Что ж, — сказал полковник, — мы зададим их «слухачам» загадку-головоломку...

— Ахтунг! Ахтунг! Доносит радиолокационное подразделение «Инстербург». Самолет противника Си-47 «дуглас» по-прежнему летит зигзагами, постоянно сни-

жается и делает петли. Его курс: Пилькален—Лазденен — Раутенберг — Буденингкен — Айхенберг — Карлсвальде. Самолет делал петли над лесами в районах Лазденен, Буденингкен и Карлсвальде. Обогнув Инстербург, самолет также зигзагами, постоянно резко меняя курс и высоту, вернулся через линию фронта, сделав новые петли, возможно для выброски десанта или груза, над Кенигсфельде, Паульсвальде и Гросс-Роминтен. Совершенно ясно, что самолет применяет новую русскую тактику по выброске разведывательных десантов и грузов. Поэтому методами радиолокации совершенно невозможно определить, где именно выброшен десант или груз.

В лунную ночь на первое октября группа принимает два мешка груза: какое богатство! Сахар, консервы, концентраты, соль, мыло, махорка и даже два с половиной литра водки. И новенькие байковые платки для девушек, плащ-палатки, маскировочные костюмы, вещевые мешки. И, конечно, радиопитание и противопехотки. Третий тюк достается немцам. А утром вся округа наводняется солдатами. Каратели опять наступают разведчикам на пятки.

Пятерка бежит лугом по матово-седой на рассвете, тяжелой от росы траве, высокой траве второго укоса. Впервые за сотни лет не вышли с косами в луга батраки прусских бауэров... Мельников отстает от группы, минирует у опушки темно-зеленый след, что змеится по траве... Скорее бы выбраться на хвойный ковер!..

Двадцатитрехлетний Шпаков был ровесником Ани, Мельников почти на два года моложе. Вначале Иван Первый — так его иногда называют в группе, в отличие от Ивана Черного (Овчарова) и Ивана Белого (Целикова), показался Ане, несмотря на его двухлетний опыт разведчика в тылу врага, не очень серьезным и дисциплинированным разведчиком, скорее лихачом, ухарем. Может, так оно и было поначалу. Кепка надета «а ля черт побери», буйный чуб, блатные манеры. Бывало, он спорил со Шпаковым, дерзил командиру, не прочь был сачкануть. Но как только стал Иван Первый командиром, как только почувствовал себя полностью ответственным за выполнение задания, словно подменили Ваню.

Прежде воевал он по принципу: пан или пропал, была не была — двум смертям не бывать... Теперь от былой горячности, от привычки брать нахрапом да наскоком не осталось и следа. Посуровел, подтянулся бывший колхозный тракторист из деревни Николаевка на Гомельщине. Во всем старается теперь он походить на капитана Крылатых и на Колю Шпакова, по всем важным делам советуется с Аней и другими членами группы «Джек», вырабатывая единый образ мыслей и действий. Командир разведчиков — это, значит, думать за всех и всех заставлять думать, спать вполглаза, всегда быть примером, видеть дальше всех...

Шпаков многое воспринял от Крылатых, Мельников — от Крылатых и Шпакова. Крылатых превыше всего ставил в разведчике разумную самостоятельность, находчивость и смекалку, широту кругозора, даже своевременное своеволие. Шпаков не терпел штампа, шаблона, ценил в оперативных решениях дерзкую творческую фантазию. И все это, подобно губке, впитал в себя мозг Вани Мельникова, обогатив опытом, полученным на прежних заданиях от таких многоопытных командиров-разведчиков, как Вацлавский и Виницкий.

Бесценна эта командирская «эстафета». Если подумать, то старт ее теряется в далеких годах. Ведь в сорок первом Вацлавский и Виницкий — командиры Крылатых и Шпакова — перенимали опыт у майора Спрогиса, человека, который партизанил еще в гражданскую, охранял в Кремле Ленина, а потом стоял на посту номер один — у Мавзолея. Спрогис сражался в Испании и с первых дней Великой Отечественной вел разведку на Западном фронте. Учились Вацлавский и Виницкий и у бригадного комиссара Дронова, питерского рабочего-подпольщика. Дронов штурмовал Зимний, дрался с Деникиным и Врангелем, громил самураев у озера Хасан, поднимал бойцов на штурм линии Маннергейма. В Отечественную стал Героем Советского Союза. А сами Спрогис и Дронов учились у таких людей, как Ленин и Фрунзе, Дзержинский и Берзинь. Вот, если подумать, откуда начиналась «эстафета», вот откуда стартовала разведгруппа «Джек», хотя этого, может быть, и не сознавал ее третий командир — Ваня Мельников.

Группа идет по песку редкой цепочкой, и следы ее заносит ветер. В безвестных могилах спят уже два ее

командира. Но они не мертвы, Крылатых и Шпаков, раз их кровью оплаченный опыт живет в жизненно важных решениях Мельникова, ведет и направляет его. И за цепочкой из пяти разведчиков, как невидимый, но неразрывный фал, питающий их кислородом, тянется цепочка к командирам Октября...

Теперь Ваня Мельников ночами ищет на небе Сатурн, проверяет путь по компасу и карте. То и дело меняя азимут, он ведет группу через реки, железные и шоссейные дороги, мимо фольварков, городков и станций — на юг. Ночью, вплавь, под пулями, побросав вещевые мешки, котелки и плащ-палатки, пятерка переправляется через широкую Прегель. Черная как деготь, обжигающе холодная вода, отражающая огненные параболы ракет и стремительный полет зеленых трассеров, крики немцев-ландштутцманов на берегу...

Впереди много рек, и Мельников говорит:

— Пожалуй, надо попросить «Хозяина» сбросить нам парочку «зисовских» камер и насосы к ним, а? А то уж очень похоже на последние кадры кинофильма «Чапаев»!

Когда особенно трудно, когда положение кажется безвыходным, как прежде Крылатых и Шпаков, говорит он девчатам:

— Ти-ти-ти-та-та... Вперед! Не в таких мы бывали переплетах!

Лицо у Вани Мельникова длинное, скуластое, глаза большие, с прищуром, как у охотника,— глаза много повидавшего человека.

Есть у Вани своя заветная песенка, которую он мурлычет в самые трудные минуты:

Где ж это видано,
Где ж это слыхано,
Чтобы месяц ниже тучи гулял,
Чтобы русского пруссак побеждал?!

Где удается, Ваня устанавливает наблюдение за железной дорогой. Теперь один дежурит, второй отдыхает, третий охраняет радисток. В лесу Форст-Клайнур четырнадцать дней подряд до новой облавы контролирует «Джек» двухколейную железную магистраль Инстербург—Кенигсберг. Разведчикам удается принять новый груз. «Ну-ка, что тут нам прислал генерал Черняховский?» — ликует Аня. На свежих батареях ей хорошо

работается. Зина понемногу поправляется, получая дополнительный паек. Тысячу раз слепой случай ставит группу на грань гибели, и тысячу раз вывозит ее случай счастливый. Теперь и Аня ходит в разведку, участвует в хозяйственных операциях — на женский голос бауэры иногда открывают дверь.

Однажды какой-то старик переспросил ее из-за двери:

— Беженка, говоришь? Откуда и куда идешь?

— Из Гольдапа в Гдыню,— по-немецки заученно отвечает Аня.

— Не Гдыня, а Готенхафен!

И старик выстрелил из окна. Аня еле ушла. Откуда ей было знать, что немцы давно переименовали Гдыню в Готенхафен!

— Ты радистка, Аня, — возмущается Зина, — и не имеешь права рисковать собой так. Что за охота тебе лезть на рожон? Ну, что тебе, больше всех надо?

— Да, больше всех надо,— запальчиво отвечает Аня.— И тебе тоже, иначе ты бы не прилетела сюда!

Больше всех надо — это значит за все быть в ответе.

Подруги понимающе смотрят друг на друга.

Третье октября. Пасмурный день.

У всех в группе подавленное настроение — Берлин передал, что капитулировали последние повстанцы Варшавы... Берлин теперь слушает, совершенствуя свое знание немецкого языка, Аня.

Зина свертывает рацию, торопится. Над разведчиками летают две сороки и по своему сорочьему обычаю истошно стрекочут. Надо уходить — чего доброго, еще привлекут внимание...

К полудню разведривается. Высоко в поднебесье под озаренными солнцем кучевыми облаками летит стая желтоносых белых лебедей-кликунов. Летят они из суровой Скандинавии, из края фиордов, фьельдов и шхер, в благодатный край Средиземноморья. Глядя поверх шпилей высоких елок, Аня провожает своих «тезок» долгим взглядом, оглядывается на последнего в строю лебедя. Что-то этот замыкающий все заметнее отстает, теряет скорость и высоту. Уж не ранен ли бедняга где-нибудь над Балтикой во время какого-нибудь морского сражения?..

— «Лебедь несет снег в носу»— вспоминает Аня русскую поговорку.

Временами Аню охватывает жгучая обида — наши уже давно выиграли эту войну, доколачивают Гитлера на всех фронтах, а на ее, Анином, личном фронте побежденные гоняют победителей, убивают одного за другим лучших ребят... Эта обида оставляла ее, как только «Джеку» удавалось еще раз больно ударить в мягкое подбрюшье вермахта, передать Центру тайны его тыла.

Из радиограммы № 67 Центру от «Джека», 10 октября:

«Дислоцируемся в десяти километрах юго-восточнее Велау.

Во всем районе идет лихорадочная перегруппировка войск, с запада к фронту непрерывно подвозят резервы. На западном берегу реки Алле, от Велау до Алленбурга, строятся новые и совершенствуются старые оборонительные рубежи. Сегодня с 7.00 до 19.00 по железной дороге Велау — Инстербург с запада на восток прошло 20 эшелонов...»

Из отчета штаба 3-го Белорусского фронта от 15 октября 1944 года:

«...От разведгруппы «Джек» поступает ценный материал. Из полученных 67 радиограмм — 47 информационных. Несмотря на потерю Крылатых и Шпакова, второй заместитель командира группы Мельников с руководством справляется...»

Третий месяц без бани. Разведчики умываются только дождевой или болотной водой. Ополоснул лицо, вытер ладони о штанину, и ладно. Главное — не подцепить вшей. Поэтому Мельников избегает пользоваться одеждой «языков»; заведутся «автоматчики» — пиши пропало, ничем в лесу их не выведешь.

— В Сеще при немцах и то мы каждую субботу в баню ходили,— вздыхает Аня.

Который день идут болотом, по уши в черной грязи и тине, похожие на леших. Наконец выбираются в сухой смешанный лес. Рядом — безымянная лесная речка.

— Давайте станем здесь на дневку! — умоляют девчата Мельникова.— Хоть разок выкупаться, белье простирнуть! А то скоро замерзнут все реки.

Мельников оглядывает густую рощицу. Место вроде подходящее. Особенно эта заводинка. Со всех сторон укрыта желтым ольховником.

— Ладно! — соглашается Мельников. — Только, русалки русские, не забывайте, что речка прусская. Чтоб до рассвета управиться!

— Глядите-ка,— выговаривает Аня, глядя на курящуюся туманом речку.— Бр-р-р! Аж пар валит!

Мельников лежит за елкой, слышит плеск воды за кустами. Чтобы не уснуть, протирает покрытый росой автомат.

— В Москве мы с девчатами в Сандуны париться ходили,— стуча зубами и тихо повизгивая, говорит Зина. — Вот это баня! Зимой сорок первого еще бархатное пиво там давали...

— А мне больше по душе деревенская баня. В городской бане в Брянске мне не понравилось. А вот в Полянах у нас...

— А ты разве деревенская?

— Вроде бы. Родилась в смоленской деревне. С пятнадцати лет училась в Брянске. А Сеща — поселок городского типа. Так что я, выходит, полугородская, полудеревенская... Знаешь, мне иногда так хочется Москву увидеть и чтобы вся она была опять освещенная!..

Несколько минут девчата молчат. Потом Мельников слышит восклицание Зины:

— Анька! Ты с ума сошла! Не мой голову — насмерть простудишься! А в Москву после войны ты ко мне приедешь... Приглашаю... Слушай, «Лебедь», а ты и впрямь сейчас на лебедушку похожа! Смотри-ка, ты в воде, как в зеркале... «Глядь — поверх текучих вод лебедь белая плывет...»

— Я и не видела никогда вблизи лебедей. Да разве лебеди такими худыми бывают?..

— Бр-р-р! Давай кончать! Пусть и ребята помоются, они тоже грязные как черти!..

Уже рассветает, когда Зина выходит из-за елки к Мельникову.

— Белье грязное отдай Анке,— говорит она, зябко ежась,— и мыла у тебя кусок оставался...

Широко зевая, Мельников встает, снимает заплечный мешок, развязывает его, достает тощий обмылок с присохшими листьями. За елью он видит Аню и вдруг останавливается. У него даже дыхание осеклось...

Словно васнецовская Аленушка сидит Аня на мшистом бережку, поджав ноги, зябко подобрав плечи и, с улыбкой глядя на свое отражение в зеркальной заводинке, медленно, с какой-то ленивой грацией расчесывает щербатым военторговским гребнем мокрые темно-русые волосы. Лицо у нее просветленное, улыбка мечтательная. И столько женственности в маленькой руке, знавшей бешеную дрожь автомата. Мельников смотрит и не может насмотреться на эту брянско-смоленскую Аленушку, невесть как занесенную военным горем-злосчастьем на берег этой немецкой речушки в этом немецком лесу. Смотрит на Аленушку с пистолетной кобурой на боку и не понимает, почему щемит у него сердце. И, подавив вздох, он бесшумно уходит, подавленный, восхищенный, растроганный. Кто знает, много ли еще отпущено Ане вот таких тихих, красивых минут на мечты, которые вряд ли когда сбудутся...

Из письма командира войсковой части, полевая почта 20631-Б, Евдокии Федотьевне Морозовой от 15 октября 1944 года:

«Ваша дочь сержант Морозова Анна Афанасьевна действительно состоит в рядах Красной Армии и в настоящее время находится в длительной командировке...»

Хлещет ледяной октябрьский дождь. Хлещет, не переставая, третий час подряд. Ветер подхватывает дождевые капли и разбивает их о сучья вдребезги, в мельчайшую пыль. Гудит старый бор. Не видать ни зги. Но у Вани Мельникова кошачье зрение. Так видеть в темноте может только один человек из десяти. Вот если бы ему еще по карте научиться ходить, как ходили Крылатых и Шпаков.

Разведчики пробираются частым сосняком. Сучья цепляются за плащ-палатки, рвут одежду. Дождь льет-

ся за шиворот, хлюпает в сапогах. Ледяные брызги стекают, словно крапива.

— Душ Шарко! — говорит Мельников.

— Так начинался всемирный потоп! — откликается Аня.

То ли кажется Ане, то ли взаправду — дождь соленый на вкус, словно ветер доносит с моря штормовые соленые брызги... Да нет, просто губы соленые от пота, да и до бурных волн Балтики теперь далековато.

Всю ночь хлещет ливень. Только под утро слитный гул дождя и ветра начинает распадаться на отдельные звуки — вой ветра, скрип сосен, журчание воды. На рассвете все стихает, только глухо звенит капель. Плавает в промозглом сизом тумане мокрый, ощетинившийся лес.

В неласковом свете ненастного утра Аня видит исхлестанные, осунувшиеся и сизые лица, воспаленные глаза товарищей. Почти у всех высыпали нарывы и фурункулы. Зину колотит лихорадка. Но Аню и тут не покидает хорошее настроение — она давно поняла, как важно быть веселой в самые грустные минуты, как важно не нагонять на друзей тоску убитым видом, а подбадривать их взглядом, словом, улыбкой. А попробуй изобразить бодрость духа, улыбаться натощак да когда немцы кругом шастают! Но все-таки и самой куда легче, когда не поддаешься страху и унынию. И Аня порывисто хватает Зину за иззябшую руку, такую худенькую и слабую на вид, сжимает ее, греет на ходу в своей руке.

— Ничего, Зинок! — шепчет она с улыбкой.— Зато немцы в такой лес не сунутся!

Но ливень кончается, и в лесу скоро раздаются голоса, стучат топоры, завывают электропилы, тарахтят тракторы. Теперь, когда полевые работы кончены, все свободные руки в деревне мобилизованы на лесозаготовки. Для немецкой обороны нужен лес.

Часовые «Джека» совсем близко от себя видят пожилых цивильных немцев. Ими командуют баулейтеры из военно-строительной организации Тодта, одетые в оливкового цвета трофейную форму — форму бывшей чехословацкой армии, со свастикой на нарукавных повязках. Организация Тодта строила автострады рейха и линию Зигфрида. Теперь возводит «Восточный вал»...

Группа ползком перебирается подальше, размещается в высоком папоротнике у забора лесного фольварка. Тут «Джека» поджидает новое испытание. На богатом фольварке то и дело что-нибудь варят, и немыслимо аппетитные запахи доводят голодных разведчиков почти до исступления. Хозяева фольварка, готовясь к эвакуации, забивают свиней и баранов и коптят ветчину, грудинку, колбасы и окорока в коптильне, выложенной во дворе. Есть от чего сойти с ума. Голодные разведчики глотают слюну. А в уши лезет смертный поросячий визг. Этот визг несется над всей Восточной Пруссией...

Ночью Мельников пробирается на чердак господского дома и возвращается с четырьмя большими кусками сала, висевшими на крюках под потолком...

Шестнадцатого октября Аня ловит по радио потрясающую новость: Берлин хвастается, что немцы успешно контратакуют русских в районе Гумбиннена—Гольдапа.

— Ребята! Бои идут у Гумбиннена и Гольдапа! Значит, наши уже в Восточной Пруссии!..

Берлин признает, что русские войска подошли к Паланге на берегу Балтийского моря. Это тоже недалеко.

Из радиограммы № 70 Центру от «Джека», 16 октября:

«В связи с новой облавой и погоней вынужден оторваться от объекта наблюдения и двигаться на восток к Гольдапу и Роминтенскому лесу».

Ни слова об опасном переходе двух железных и десятка шоссейных дорог по лесам и полям, забитым войсками танкового корпуса «Герман Геринг» и частями и соединениями 4-й армии в южном углу укрепрайона «Ильменхорст». Ни слова о дерзком переходе по мосту через реку Ангерапп. Ни слова о смертном риске, о голоде и холоде этого неимоверно трудного рейда. Дважды окружали немцы группу, но прочесывали они лес не слишком частым гребнем, и «Джек» вновь и вновь уходил, выламывая зубья этого гребня.

Из радиограммы № 72 Центру от «Джека», 23 октября:

«По шоссе Инстербург — Норденбург прошло 19 средних и 14 легких танков, 27 самоходных орудий...»

Крепко привязывается солдат к своей трехлинейке, артиллерист — к «сорокапятке», летчик — к «ястребку». Воин знает все особенности своего оружия, все его капризы, холит и лелеет его, и любит, как живое существо. Для солдат неправого дела оружие — символ ненавистной войны. Оружие воинов правого дела — верный товарищ в священной борьбе, залог победы и мира. Но наверное никто на войне не любит так свое оружие, как радистка — рацию.

Не всякая мать так бережет свое дитя, как Аня свой «северок». Бережет буквально как зеницу ока, потому что без рации «Джек» слепнет, глохнет и немеет, а что толку от слепоглухонемых разведчиков! Как не подивиться этому великолепному связному! Со скоростью молнии пролетает он из прусского леса над вражескими гарнизонами, над железными и шоссейными дорогами, над танками и жерлами орудий, пролетает незримо, будто в шапке-невидимке, сквозь строй походных колонн вермахта, сквозь зарешеченные окна и каменные стены гестаповских тюрем. В минуту передачи и приема Аня чувствует себя волшебницей. Стоит ей прикоснуться к чудо-ключу — и, подобно выпущенному из бутылки послушному джинну, мчатся в тесном военном эфире электромагнитные волны, докладывая командованию о том, что увидел и что услышал «Джек» в краю почти столь же недоступном, как чужая планета. Хрупок Анин «воздушный мост», перекинутый через фронт, мостик из точек и тире. Хрупок и все-таки надежен, потому что работает Анина рация не только на лампах и батареях, работает она на пяти сердцах — сердцах пяти членов разведгруппы «Джек».

Аня и Зина берегут свои «северки», а братья-разведчики берегут Аню и Зину, берегут, как самых любимых сестер. Как водится у разведчиков, с грубоватой нежностью называют они радисток «музыкантшами» или «дятлами», а их рации — «бандурами». Вежливость,

говорят, дешево стоит, но дорого ценится. Но еще дороже ценится вежливость там, где она недешево стоит. Постелить девчатам после трудного похода постель из елового лапника, отдать им, голодая, последний кусок хлеба, воздержаться от крепкого словца, когда черт знает как хочется отвести душу,— все это в условиях вражеского тыла уже не маленькие знаки внимания, это уже не просто вежливость, на это не каждый способен. Тут-то и испытывается сердце друга. Разведчики — это люди большого сердца, а большое сердце вмещает и мужество, и товарищескую доброту. А если случается, что разведчик геройский парень, да сердце у него в лесу корой обросло, «жмот» он и «кусошник», — такого не дарят дружбой. Таких, к счастью, нет в семье разведчиков, по имени «Джек».

По лесу вечером идет, шатаясь, дюжий эсэсовец. Глотая шнапс из фляги, он распевает не лишенным приятности баритоном:

Хёрст ду майн хаймлихес руфен?

Разведчики притаились в сосняке.

— Чего он орет? — спрашивает Аню Мельников, осторожно выглядывая из-за толстого соснового корня.

— Немцы эту песню у нас в Сеще пели. «Слышишь ли ты мой тайный призыв?»

— Слышим! Слышим!— усмехается Ваня, вставая.— Не глухие.

Мельников и Овчаров набрасываются из засады на эсэсовца. Мельком видят по знакам различия, что имеют дело со штурмшарфюрером — высшим унтер-офицерским чином, штабс-фельдфебелем СС. У него крест и множество колодок на груди.

Штурмшарфюрер, мигом протрезвев, сражается, как разъяренный бык. Перебросив через себя Овчарова, он с такой силой вцепляется в горло Мельникова, что у Овчарова не остается другого выхода... Зажимая рот орущему эсэсовцу, он высоко заносит финку. Когда с «вальтером» в руке подбегает Аня, все уже кончено...

— Силен мужик! — хрипло произносит Мельников, взглядом благодаря Ивана Черного.— Центнер, не меньше. А у нас с тобой, тезка, на двоих теперь едва столько наберется...

По документам разведчики определяют, что штурмшарфюрер Бруно Крамер проходил подготовку в «Замке ордена крови» в Зонтгофене, затем служил в штабе 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд». У него отпускной билет. Он только что провел две недели свадебного отпуска в родной деревне под Норденбургом. Завтра молодожену необходимо явиться в комендатуру СС в Растенбурге. В бумажнике — фотографии виселиц и расстрелов на русской земле. А на безымянном пальце эсэсовца поблескивало массивное золотое кольцо с полированным черным камнем и сдвоенными золотыми молниями СС...

Мельников передает Ане трофей — золотые часы «Лонжин», — свои «кировские» часы Аня выкупала в реке Прегель, они давно вышли из строя...

Небольшая, брошенная своими жителями каменная деревня. Деревня стоит в стороне от больших дорог, поэтому и солдат в ней нет. Пусто, безлюдно. Лунный свет дробится на неровном стекле чердачного окна. Неслышно скользят тени пятерки разведчиков по давно не хоженной дороге. Но даже при лунном свете видны на ней полустертые, оплывшие следы вермахтовских сапог с толстой подметкой на тридцати двух гвоздях и подковой на каблуке.

Дожди уже смыли эту каинову печать вермахта с дорог освобожденной Европы. Скоро осенние дожди навсегда смоют эту печать и здесь, и, вопреки стонам и проклятиям изгнанных, здешние реки не потекут вспять, не разверзнется земля, не померкнет солнце, и вновь придет в этот край весна и зацветут новые цветы.

Черными глазницами смотрит на пустынную улицу кривая колокольня вросшей в землю старинной кирки. Колокола нет — все колокола в Германии давно перелиты на пушки.

Стоят впервые за много веков часы на кирке. Век за веком шли эти часы, век за веком звал колокол прихожан на крестины и на похороны. Пусты дома, ни единого огонька в окнах, и хозяева никогда не вернутся, никогда не зажгут огонь в потухших очагах, и повинен в этом только Гитлер. Это он потушил здесь 22 июня

сорок первого все огни, чтобы под покровом темноты творить неслыханное зло. Это по его приказу сняли старинный колокол в кирке, и последним своим звоном звонил колокол и по «тысячелетнему» будущему рейха, и по семисотлетнему его прошлому на этой земле.

— Кончилось ваше время! — тихо говорит кто-то из разведчиков, оглядываясь на часы с замершими стрелками, древние могильные кресты на кладбище и обелиск в честь солдат, павших на чужой земле за неправое дело, поднявших меч и погибших от меча.

Ваня Мельников смотрит на часы на кирке и машинально бросает взгляд на светящийся циферблат своих часов, не задумываясь о том, что этот его взгляд — веха на стыке двух эпох. На восточнопрусской кирке остановилось старое время, а его часы, часы советского воина, уже отсчитывали новое.

— Группенфюрер! Нами точно установлено, что русская шпионская группа ушла из района Тильзит—Инстербург. Группа потеряла двадцать восьмого сентября двух разведчиков и командира, о чем говорят найденные на одном из убитых топографические карты. Личность убитого установлена по отпечаткам пальцев в архиве СД: это Шпаков, матерый шпион, в прошлом несмотря на свою молодость, один из шефов большевистского подполья в Витебске. Есть основания предполагать, что оставшиеся без руководства русские радисты вывезены самолетом. Не могли же они провалиться сквозь землю!.. Но так как поляны со следами посадки и взлета советского самолета не обнаружено, мы продолжаем поиски...

Подыскивая туманным утром место для дневки, Мельников видит у лужи круглые, как блюдца, следы, похожие на следы огромной кошки.

— И где только эта рысь прячется, — удивляется он,— в таком лесу!

И словно бы отвечая на его слова, совсем рядом за ельником оглушительно всхрапнул, взревел вдруг невидимый зверь. Разведчики вздрогнули от неожиданности. Что там рысь! Такой рев посрамил и напугал бы тигра, мамонта, дракона...

Мельников выскакивает к просеке и шарахается прочь, плашмя падает под елку, подавая рукой сигнал: «Ложись!»

По просеке, на восток, с лязгом и грохотом продвигается, тускло поблескивая лобовой броней, стальное пятнисто-полосатое чудовище с длинным хоботом пушки. С полированных до блеска могучих гусениц валится искрошенный дерн с землей.

Покачиваясь, вразвалку, танк прет мимо, высокий и грозный, ревет во всю мощь своих шестисот лошадиных сил танковый мотор, обдавая горстку разведчиков своим жарким дыханием.

— Тьфу ты! — отплевывается от бензиновой гари оглушенный Ваня Овчаров.— Вот это зверь!..

— «Охотничья пантера», — говорит, отползая, Мельников.— Новый разведывательный танк типа «пантера». Сорок шесть тонн — почти в два раза тяжелее нашего Т-34.

— Ничего себе громила! — уважительно ворчит Целиков.

— Посмотрел бы ты на «королевского тигра»! Семьдесят пять тонн! А теперь, говорят, Гитлер строит стотонный танк «маус»...

— Но наши КВ и ИС, пожалуй, покрепче...

По просеке проезжают еще несколько камуфлированных под лесную зелень танков и бронетранспортеров. Потом, вечером, Мельников точно определяет их количество по числу капониров в лесу.

Пятое ноября. Диктор кенигсбергского радио, ликуя, передает: «Тысячу раз прав гаулейтер и обер-президент Эрих Кох: населению Восточной Пруссии нечего бояться вторжения еврейско-большевистских орд. Удар русских по восточной границе нашей неприступной провинции отбит с большими для них потерями. Немцы! Освобожден город Гольдап! Пруссаки! Родина зовет нас к священной защите отечества!

И стар и млад поднимает оружие. Неисчислимые блага принесла Восточной Пруссии нацистская власть! Наша провинция первой покончила с безработицей, вдвое увеличила количество промышленных предприятий, вернула земли, насильственно отторгнутые Поль-

шей и Литвой. На нашу долю выпало великое счастье быть современниками Адольфа Гитлера. Временные неудачи лишь укрепляют нашу непоколебимую веру в миссию фюрера и нашу конечную победу.

По призыву гаулейтера с восемнадцатого октября в фольксштурм хлынули немцы от шестнадцати до шестидесяти лет. Фольксштурм берет на себя функции полиции, жандармерии и ПВО.

Восточная Пруссия надела овеянный славой военный мундир! Создаются народно-гренадерские и народно-артиллерийские дивизии. Героические женщины нашей провинции служат зенитчицами и прожектористами, обслуживают аэродромы, роют окопы и эскарпы. Они помнят, что в славный Тевтонский рыцарский орден входили не только братья, но и сестры. Лишь восточные районы провинции эвакуированы для облегчения обороны. В остальных районах никакой эвакуации не предвидится. Всякие разговоры об эвакуации являются пораженчеством, паникерством, государственной изменой.

Восточная Пруссия — цитадель прусской славы, арсенал и житница великогерманского рейха. Восточная Пруссия — щит Германии, неприступная крепость. В Роминтенском лесу и других наших восточных лесах русские орды будут сметены тевтонским бешенством. Мы разгромим их так же тотально и беспощадно, как разгромил Герман римлян в Тевтобургском лесу... Хайль Восточная Пруссия!»

Раннее утро. Густо стелется туман. Мельников подыскивает место для дневки. Вдруг из-за кустов, как вспугнутые глухари, выскакивают два немецких солдата, заросшие, грязные, с ранцами за спиной, в спущенных на уши пилотках, с черными «шмайссерами» на груди. Пятясь, таращат они заспанные глаза на разведчиков. Овчаров резко взводит автомат, но Мельников левой рукой отталкивает в сторону дуло. Линялые сизо-голубые мундиры, отдаляясь, тают в тумане, в слякотной мороси за елями.

— Пусть драпают, — машет рукой Мельников. — Не видите — дезертиры. «Гитлер капут». По бородам видно — не меньше трех недель в лесу прячутся...

Ребята бросают на него недоуменные взгляды. Что-то подобрел вдруг Иван Первый — не сдает ли?..

Однако место для дневки он подбирает подальше от неожиданных лесных соседей.

Последние безморозные дни предзимья. Пятерка разведчиков жует ягоды можжевельника, шиповника и калины, собирает на ходу клюкву, пьет дождевую воду из студеных луж. По утрам эти лужи покрываются чуть заметным ледком.

Утром седьмого ноября Аня осторожно обламывает корешок большой зябко-сизой сыроежки — в ее вогнутой хрупкой шляпке застоялась пополам с росой дождевая вода. Она поднимает к губам сыроежку, как бокал, и медленно выпивает воду. В честь праздника.

— Зато Новый год мы отпразднуем вовсю, — сдерживая простудный кашель, решительно объявляет она.— И обязательно все вместе. Идет?

— Идет, Анка-комиссар! — улыбается Ваня Мельников. — «Ох, какая встреча будет у вокзала в день, когда с победой кончится война...»

Разведчики садятся в тесный кружок, вспоминают, как весело проводили они праздники до войны, в том прекрасном мирном далеке. Зина начинает подробно описывать новогодний стол...

— Ребята! — вдруг говорит Ваня Овчаров. — У меня мать и отец в голодные годы, помню, ели лебеду с толченой березовой корой. Попробуем?

— Спасибо за ценный кулинарный рецепт! — ехидно благодарит его Мельников.

Аня вздыхает. Да, трудно вначале жилось, много горя народ повидал, но потом из года в год перед войной поправлялась, богатела жизнь...

Так похожи довоенные воспоминания этих девчат и ребят — они учились по одним учебникам, читали одни и те же книги, смотрели одни и те же кинокартины, пели одни и те же песни. Может быть, потому и думали и действовали они теперь, на войне, заодно.

Красиво в бору в этот тихий солнечный день. Давно таких не было. Под соснами ярко рдеет земляничник. На прогалинке горит пышный куст бронзового папоротника. Хорошо хоть, что не облетают осенью эти заповед-

ные вечнозеленые леса, а то «Джеку» совсем негде было бы укрыться.

Вечером седьмого ноября Зина слушает Москву: «Свершилось! — пишет сегодня «Правда». — Война шагнула за границы Советского Союза на территорию фашистской Германии...» «Вражеская оборона прорвана, на дорогах таблички «Разминировано», — сообщает военный корреспондент из Восточной Пруссии...»

Но кончаются последние теплые дни. Начинаются заморозки. Все сильнее мерзнут на дневках разведчики. Ложась, стелют еловый лапник, два пальто вниз, два изодранных «демисезона» сверху. Ложатся тесно — девчата посередке, двое парней по бокам, третий на посту. По утрам вороненые автоматы покрываются инеем. Волосы у девушек припорашиваются росной пылью. Промозглый туман тягучего рассвета смыкается с туманом ранних сумерек. Ночью под ногами хрустит схваченный морозцем хвойный ковер.

От Велау до Роминтенского леса пробирается группа «Джек». Семьдесят километров по прямой. Но в тылу врага разведчик не ходит по прямой — эту цифру, пожалуй, надо удвоить. И каждый шаг грозит гибелью.

И опять тянется мрачный сосновый лес, похожий на Тевтобургский лес, в котором, по преданию, разбил римлян Герман — вождь германского племени херусков и любимец многих поколений германских националистов. И опять за опушкой виднеется то деревенька с островерхой киркой, то юнкерское поместье под кленами и каштанами, то баронский или графский замок из красного кирпича, с башней и флагштоком, на котором еще недавно на красном древке развевалось шитое золотом знамя с черным одноглавым прусским орлом.

Роминтенский лес. Бывший охотничий заповедник кайзера. Потом этот родовой заповедник Гогенцоллернов перешел к Герману Герингу. Здесь еще недавно охотился, облачась в средневековый охотничий костюм, в подражание комтуру Тевтонского ордена, этот «человек № 2» великогерманского рейха. В зарослях ели и сосны, бука и граба, березы и ольхи водились зубры, благородные олени, дикие лошади. Над вековыми дубами, над лесосеками со стодвадцатилетними соснами-великанами парили орлы. На берегу живописного озера стоял дом Геринга, построенный по образцам замков тевтон-

ских рыцарей. Здесь Геринг принимал Гитлера, глав и послов союзных держав. Высоким гостям он показывал роскошный склеп, построенный им из шведского мрамора для праха своей первой жены, шведской красавицы, урожденной баронессы Фок, чьи останки он перевез из Швеции в первый год «тысячелетнего» гитлеровского рейха, поскольку непочтительные шведы разрушили там ее могилу. Гостям Геринг неизменно заявлял, что в этом склепе он завещал похоронить и себя. А теперь через Роминтенский лес с его сказочными озерами и охотничьими угодьями летят огненные параболы «катюш». И бывший премьер-министр Пруссии Герман Геринг уже не кажет носа в Роминтенском лесу, редко появляется в Восточной Пруссии, предпочитая отсиживаться в своем баварском поместье.

За Гольдапом, вновь занятым 5 ноября 4-й армией генерала Фридриха Госсбаха, за холмистыми лесами Роминтена, гремит весенним громом фронтовая канонада. Издали темными ночами, как самая прекрасная музыка, манили эти звуки разведчиков. В грозном гуле слышится могучая поступь армии-мстительницы... Но обстановка в прифронтовой полосе под Гольдапом оказывается еще сложней, чем в глубоком тылу. Тут чуть не каждый дом занят солдатами. Восточный берег реки Ангерапп со всеми населенными пунктами и лесопильными заводами затоплен инженерами вермахта на два километра. Затоплена и целая система противотанковых рвов. Все население эвакуировано через Велау и Тапиау на запад. Угнаны и «восточные рабочие». Остался только фольксштурм, переведенный на казарменное положение. Скот и продовольствие вывезены. Разведчики видели, как немцы гнали гуртом тысячи коров по западному берегу реки Ангерапп. Урожай на полях убран так, словно съеден саранчой. Бауэры увезли на запад все, вплоть до последней картофелины. А фронт опять стабилизировался.

Немцы, наверное, совсем с ума спятили — приехала не то из Ангербурга, не то из Растенбурга целая рота военной строительной организации доктора Тодта и, согнав с места разведчиков, стала сажать на вырубке саженцы!

Когда немцы уехали и разведчики проходили опушкой леса, они увидели странную, необыкновенную вос-

точнопрусскую землю — седые от инея, безжизненные поля, вымершие фольварки, заиндевелые деревья в садах. Точно седым пеплом покрылась Восточная Пруссия.

VII. ИЗ ПРУССИИ В ПОЛЬШУ

1. «Гладиатор» летит в Роминтенский лес

Радиограмма «Джеку» от Центра, 11 ноября 1944 года:

«В один-два часа ночи 12 ноября принимайте на указанной вами поляне сигналом № 4 командира «Гладиатора». Пароль: «Гребень», отзыв: «Гродно». А также два мешка груза: боеприпасы, 4 комплекта радиопитания, продовольствия на две недели, зимняя экипировка. Прием самолета вас демаскирует — следуйте к новому объекту наблюдения: железной дороге Даркемен — Ангербург».

При свете фонарика Мельников раскрывает пятикилометровку. Карта прострелена — она принадлежала капитану Крылатых. Вот он, Ангербург, в 25 километрах от лагеря. Стоит этот «бург» на берегу Мауерзее, одного из Мазурских озер, километрах в двадцати от ставки фюрера. Располагается в Ангербурге, по рассказу «Шахерезады», главное командование сухопутных войск. От Ангербурга до Даркемена — тридцать километров на северо-восток. Оба города находятся в оперативном тылу 4-й армии генерала Госсбаха.

Итак, Ваня, прилетает новый командир — четвертый командир группы «Джек». Что ж, это хорошо, если парень боевой и знающий, а он, Ваня Мельников, чувствует себя так, словно сквозь строй прошел. А впрочем, так оно и было на самом деле. Тот, новый, наверно, лучше умеет по карте «ходить», а то сколько раз он, Ваня

Мельников, путался, зря рисковал друзьями. Всем взял Ваня, а вот военного образования не хватает. Надо будет радировать Центру, пусть и не думают посылать сюда ребят, не умеющих по-настоящему читать карту, ходить по азимуту, ориентироваться на местности. Здесь не Белоруссия, проводника в каждой вёске не найдешь, любой неверный шаг может привести к гибели всей группы.

В два часа ночи гаснет месяц, народившийся всего двое суток назад. Но ярко светит Сатурн. Вот уже три с половиной месяца верой и правдой служит он группе путеводной звездой в погожие ночи. Правда, такие ночи становятся все реже. Но 12 ноября янтарный Сатурн ярко горит над черным хребтом леса... Разведчики ждут нового командира.

Мучительно тянутся минуты ожидания. Над лесом с трескучим грохотом и свистом черной молнией пролетает новый реактивный «мессершмитт». А вот, гораздо ниже, летит, стрекоча, маленький «кукурузник».

«Гладиатор» прилетел на двухместном самолете ПО-2. Стоя на крыле, напряженно всматривался в темную пропасть под ногами. Свет электрофонарика можно заметить и с пятикилометровой высоты. Почему же не видать световых сигналов? Но вон вспыхнули внизу желтоватые огоньки. Прыгнул с высоты около двухсот метров и едва не повис на корабельной сосне.

— «Гребень»!

— «Гродно»!

Пятерка крепко жмет руку «Гладиатору». После трех с половиной месяцев в тылу врага, в Восточной Пруссии, они смотрят на него такими глазами, какими, верно, будут смотреть земляне-космонавты на далекой чужой планете, после мучительно долгой разлуки с Землей, на прилетевшего к ним земляка-землянина.

Новый командир одет в теплое немецкое полупальто. У него блестящие новенькие сапожки. От него даже попахивает одеколоном.

Через полчаса лихорадочных поисков разведчики находят один тюк и переправляют его содержимое — салошпиг, крупу, гранаты, патроны — в заплечные мешки.

Анатолий Моржин («Гладиатор»)

Второй тюк с зимней экипировкой словно сквозь землю провалился.

— Ну, как у вас тут? — нетерпеливо спрашивает «Гладиатор».

— Да не так чтобы очень, — отвечает Ваня Белый.

— И не очень чтобы так, — добавляет Ваня Черный. — Вот только в брюхе пусто.

— Воюем, как говорится, не щадя живота своего...

Мельников добавляет:

— Живем, можно сказать, как у Гитлера за пазухой. В буквальном смысле. У нас тут так: если сейчас же не уберемся из лесу, фрицы из нас шницель на завтрак сделают.

Разведчики перелезают через высокую деревянную ограду, защищающую распаханную поляну от кабанов и оленей.

— Куда мы идем? — спрашивает «Гладиатор», вешая на шею автомат ППС.

— Мы разведали за опушкой полусгоревший фольварк, — отвечает Мельников. — Если повезет, переднюем на чердаке сарая.

— Ясно.

Ваня Мельников усмехается в темноте. Многое еще не ясно этому товарищу, только что прибывшему в свою первую «заграничную командировку».

Аня, Зина, Мельников непрерывно жуют на ходу, а Целиков и Овчаров еще и курят вдобавок.

— У вас что же тут — и есть нечего? — спрашивает «Гладиатор».

— Третий день не емши. Живот к позвоночнику прилип. А то все на брюкву нажимали.

— Да чем же вы живы, братцы?!

— Святым духом. А как там у вас? Что нового сегодня передавали?

— У нас пока тихо, а американцы и французы зашевелились наконец. Я вам свежие газеты привез. Да еще Михаил Ильич Минаков передает привет своим бывшим разведчикам, — Крылатых, он, я знаю, погиб, а Раневский, Зварика, Тышкевич живы?

— Все погибли, — коротко отвечает Мельников.

Петляя, запутывая следы, посыпая их табаком, выходит группа «Джек» из лесу, пробирается в полусожженный, покинутый хозяевами фольварк. Посреди небольшого двора зияет глубокая черная воронка от авиабомбы. Господский дом обвалился, но сарай почти цел.

Весь день лежат разведчики, зарывшись в пахучее сено на чердаке сарая.

С рассветом «Гладиатор» — Анатолий Моржин — начинает все чаще заглядывать во всезнающие глаза этих людей, почти четыре месяца нелегально проживших в аду. Многое говорят ему их исхудавшие, почерневшие лица, похожие на лики святых страстотерпцев.

Разведчики тоже приглядываются к нему. Новый командир совсем молод. Пожалуй, на год моложе Ани. Открытое, миловидное, как у девушки, лицо, русые волосы с прической «полубокс», светлые глаза с девичьими ресницами. Но чувствуется, что эти глаза немало повидали, видно, что эти еще не утратившие мальчишеской пухлости губы могут сжиматься в жесткую линию. По каким-то неуловимым приметам угадывают разведчики, что этот невысокий, но плечистый паренек не но-

вичок в своем трудном деле. Аня и Зина, жуя сухари, шушукаются, усмехаются, обсуждают по-своему, по-девичьи молодого командира, а он, внимательно поглядев на Аню, неожиданно расплывается в улыбке, непривычно яркой и беззаботной улыбке человека с Большой земли, и говорит радостно:

— А я думал — та Морозова или не та? Вижу — та! Сещинская! Здравствуй, Аня! Не узнаешь?

— Что-то не узнаю...

— Вот тебе раз! Да я Толя Моржин. Вы тогда, в июле сорок третьего, из Сещи в Клетнянский лес, в партизанскую бригаду Данченкова приходили со сведениями! Помните?

Аня отлично помнит этот свой поход в лес — она принесла тогда комбригу важнейшие сведения о подготовке немецкого наступления на Курской дуге — операции «Цитадель».

— А я как раз тогда прилетел со своей группой в район Клетни! Как говорится, методами активной разведки добывал оперативные данные. Был, словом, охотником за «языками». Я тогда просил Данченкова, чтобы он меня с сещинским подпольем связал, но он отказался — с вами он и без меня связь наладил, конспирация и все такое... Я еще подумал: вот это девушка! Герой! Слышал, что вы важные сведения добыли. И потом я вас встречал, когда вышел из немецкого тыла вместе с Данченковым. Вы к нему за партизанской справкой приходили!

— Верно! — обрадованно улыбается Аня. Теперь и она узнала его и радуется — вот так чудо, вот так встреча в Германии! Сошлись старые партизанские знакомые, а это — все равно что самая близкая родня.

— Вы небось нас по «личным делам» знаете, — говорит Моржину Зина, — а мы о вас ничего не знаем... Рассказали бы!

— Давай-ка лучше без фанаберий на «ты», — заявляет Моржин. — А о себе рассказать — что ж, можно...

Довоенная биография у Анатолия Алексеевича Моржина обидно куцая, всего полстраницы занимает, и никто еще в жизни не величал его Анатолием Алексеевичем. Родился он в деревне Скородня, Тульского района, Московской области. Отец и мать крестьянствовали, в голодный год отец переехал в Москву, работал двор-

ником, сторожем, кондуктором трамвая, потом, в 1930 году, перетянул в Москву всю семью. Жили на Ольховской, дом 22, квартира 10. Учился Толя в школе № 348 в Бауманском районе. Окончил всего пять классов — в семье было семеро детей, надо было помогать родителям. Пошел работать на оборонный завод. Мечтал стать военным конструктором, а выучился на чертежника-деталировщика. В комсомоле с 39-го. Занимался тайком от матери парашютным спортом — прыгал почти тридцать раз, играл в драмкружке — исполнял роль Щеткина в «Детях Ванюшина». Вот и все девятнадцать лет мирной жизни Толи Моржина.

Седьмого июля сорок первого он ушел в ополчение. Командовал отделением, потом взводом. Под Вязьмой еле ушел из окружения. Попал в 27-ю дивизию, оттуда — в штаб Западного фронта, в знаменитую часть Спрогиса, летал не только в район Клетни, но и в Белоруссию, под Минск. В третий раз вылетел 9 июля в район северо-западнее Каунаса, в оперативный тыл 3-й танковой армии вермахта. На литовской земле контролировал «железку» Каунас — Шталлупенен, захватил семь «языков». Соединился с нашими частями 2 августа... По званию — лейтенант. Награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом Красной Звезды...

Разведчики молча слушают. Разведчик оценивает разведчика не по званиям и орденам, а по числу заданий в тылу врага, по времени, проведенному там, по сложности районов действий, по сделанному делу и боевому счету. Моржин выдерживает этот строжайший экзамен. Единодушный вывод — свой парень. Полноправный член братства закордонных разведчиков. Но годится ли он в командиры группы «Джек»? Это покажет будущее, покажут ближайшие дни.

Отделение саперов, закончив минировать поле, решает то ли переночевать в полусожженном фольварке, то ли обследовать его? Немцы входят во двор. Один из них, присев, тасует колоду карт, предлагает камрадам сыграть в скат или доппелькопф.

По команде Моржина разведчики забрасывают гитлеровцев гранатами — «феньками» и, топча карты, выпавшие из мертвой руки, выбегают со двора, отходят в лес.

Ночью Моржин проводит группу мимо лесного лагеря какого-то немецкого полка, запоминая для передачи в Центр эмблемы этого полка, нарисованные на многочисленных путевых указателях.

— Кажется, он неплохо «ходит» по карте, — шепчет Ваня Черный Мельникову, то и дело проверяя по компасу азимут движения.

Тот не отвечает. Еще рано делать выводы. Этот щеголеватый москвич командует группой, но еще по-настоящему не принадлежит к ней. Ведь у этой пятерки неделями и месяцами вырабатывалось чувство общности, ткалась сложная сеть связей и взаимоотношений. Каждый из этой пятерки до конца узнал самого себя и всех остальных в группе. Имя этой пятерки «Джек». И незримо идут в ногу с пятеркой пятеро погибших или пропавших без вести товарищей, которых он, Моржин, совсем не знал. То, что Моржин — бывалый разведчик, охотник за «языками», клетнянец, лишь первая связующая нить. Он сам все еще чувствует себя почти чужаком. Эту отчужденность он ощущает даже, когда все молчат. Пока есть два молчания — молчание «Джека» и молчание «Гладиатора». Слишком по-разному прожили «Джек» и «Гладиатор» последние дни июля, август, сентябрь, октябрь, первые девятнадцать дней ноября. Здесь день по напряжению ума и сердца равнялся месяцу. Моржину еще долго надо ходить с группой след в след, спать бок о бок, драться локоть к локтю, чтобы до конца стать своим.

...На повороте глухой лесной дороги группа сталкивается вдруг с тремя гренадерами-автоматчиками. Патруль? Дозор?..

— Пароль! — гортанно вскрикивает немец с лычками обер-ефрейтора, хватаясь правой рукой за рукоять «шмайссера», левой — за черный рожок.

А вдали на дороге — пехота в касках...

Моржин первым приходит в себя, вскидывает ППС, скашивает очередью дозорных, кидается с дороги в лес. Сломя голову бросаются за ним ребята, вдогонку им летят разрывные пули, выпущенные из «шмайссера» недобитым немцем. И почти сразу же стрельбу подхватывают там, на дороге...

Разведчики бегут зигзагами между сосен. Мельников отстреливается на бегу.

— Хватит! — почти кричит ему Моржин и резко, под углом в девяносто градусов, меняет направление: пусть теперь фрицы бегут на выстрелы!..

— Где Овчаров? — вдруг спрашивает Мельников, замедляя сумасшедший темп бега. — Ваня Овчаров где?

Овчарова нет. Убит? Ранен? Сбился с пути?

Моржин тоже замедляет бег, оглядывается. Что делать? Какое принять решение? Чутье подсказывает ему, что прежде всего нужно оторваться от врага. Но как на это посмотрят верные друзья Ивана Черного? Ведь сейчас одним неточным решением можно навсегда оттолкнуть от себя ребят. Но разве он, Моржин, не друг Овчарова?!

«Что делать?» — взглядом спрашивает Моржин Мельникова, все больше сбавляя темп, все чаще оглядываясь.

Позади гвалт, пальба. Вон за соснами мелькнули сине-зеленые фигуры.

— Вперед! Вперед! — подсказывает Мельников.

Пробежав километра три, они отрываются от погони, дотемна отсиживаются в молодом ельнике, потом долго и безрезультатно ищут Ваню Овчарова... Всю ночь идут разведчики со скорбной неотвязной думой о своем товарище.

Ему было 27 лет. Он называл себя ровесником Октября. Ваня родился в маленьком Каменске под Саратовом. Когда отец и мать умерли, Ваню и трех его братьев отправили в детский дом, в Караганду. Ваня окончил восемь классов, с девятнадцати лет работал монтажником и бригадиром на Балхашском медеплавильном заводе. Потом этот крепкий рабочий парень воевал с белофиннами, освобождал Западную Белоруссию. В сорок первом со своей 27-й танковой дивизией отступал от границы. Немцы дважды объявляли уничтоженным его полк — под Новогрудком и под Климовичами. Когда полк в третий раз встал на пути танков Гудериана к Москве, Овчаров попал в плен. Работая в лагере военнопленных шофером, он связался с белорусскими партизанами, бежал в разведгруппу Винницкого, стал разведчиком, смелым, находчивым, выносливым.

Он давно потерял счет всем тем переплетам, в которых побывал. И вот — пропал, видимо погиб.

— «И вот вам результат, — угрюмо пробурчал Мельников, — опять пятерка негритят!»

Вечером Толя Моржин перезарядил автоматный рожок, очистил от первой копоти новенький ППС и, сев под елку, написал радиограмму. Невеселое это дело — в первой же радиограмме сообщать о гибели товарища.

И не было для Ани и Зины печальнее и горше работы, чем выстукивать на ключе, посылать в эфир извещение о гибели друга.

В эти долгие недели в Неметчине Аня «играла» на ключе с самым разным настроением. Словно чеканя ритм победного марша, передавала важные разведданные. Будто исполняя бурное рондо, второпях, во время короткого привала, просила, требовала, умоляла Центр прислать груз с боеприпасами. Теперь же, поникнув, с плечами, придавленными горем, с глазами, полными слез, мешавшими ей видеть колонки цифр, выстукивала она медленный, скорбный реквием, сообщая Большой земле, штабу, родным Вани Овчарова о гибели разведчика.

Ваня Овчаров, этот красивый черноволосый парень, был всегда почти молчалив и печален. Аня знала, что у него оставалась жена в Караганде, но Ваня почему-то никогда ничего не рассказывал о ней, словно хранил какую-то грустную тайну. И теперь никто никогда не узнает, что за тайну хранил Овчаров...

Целую неделю ведет Моржин группу на запад из «Ильменхорста» в укрепрайон «Летцен». Теперь их опять пятеро.

То дождь, то снег. Ветер с Балтики стонет в верхушках мачтовых сосен. Органными трубами гудит темный бор. Вот за полотнищами дождя и железная дорога Ангербург — Даркемен. Но в лесу почти столько же солдат 4-й армии вермахта, сколько и деревьев. Или, как говорит Ваня Мельников: «Больше пруссаков, чем тараканов за бабушкиной печкой!»

Днем трижды проходят мимо разведчиков подразделения пехоты и фольксштурма, но никто из немцев не обращает на них никакого внимания, принимают, что ли, за своих. Рядом — ставка Гитлера. По шоссе снуют штабные машины, бронированные черные «мер-

седесы» с генеральскими флажками на крыльях и трехзначными и даже двухзначными эсэсовскими номерами. А разведчики знают: чем меньше номер, тем ближе хозяин машины к Гитлеру и Гиммлеру, которые разъезжают на машинах № 1 и № 2.

Размечтался Ваня Мельников — а вдруг появится бронированный черный «мерседес» с пуленепроницаемыми голубоватыми стеклами и номером СС-1! Машина фюрера. Тогда уже разведчики не посмотрят на запрет, наложенный начальством на диверсии, пустят в ход последние гранаты...

Ночью группа переходит «железку» Даркемен — Ангербург, днем скрывается в небольшом лесу у Норденбурга. И тут лес кишмя кишит солдатней в касках и сизо-голубых шинелях. «Королевские тигры», полосатые шлагбаумы, щиты с надписью «Ферботен»... На каждой дороге, на каждой тропе — свежеоттиснутые следы вермахтовских сапог.

Моржин держит совет, хладнокровно, обстоятельно обсуждает положение — в любую минуту немцы могут обнаружить группу, уничтожить ее, продукты опять кончились, разведку в этом районе вести невозможно.

На семьсот километров раскинулся советско-германский фронт от Балтийского моря до Карпат. И надо же было «Джеку» угодить «за пазуху к фюреру»!

Мельников предлагает махнуть на юг, прямо мимо ставки фюрера, перейти границу Восточной Пруссии, выйти в Польшу.

— Нам приказано оставаться здесь! — непреклонно отвечает Моржин.

— Но задание мы выполнили и перевыполнили, — возражает Зина.

— Здесь мы погибнем без пользы! — соглашается Аня с Мельниковым и Зиной. — А в Польше у нас много друзей. Я поляков хорошо знаю!

Насупив тонкие брови, Моржин задумывается. В ушах у него звучат суровые слова, сказанные ему перед вылетом майором Стручковым:

— Им там, сам понимаешь, труднее, чем челюскинцам. Тянет на Большую землю. Сделали они уже много, очень много, гораздо больше, чем мы ожидали. И дико намучились за эти три с половиной месяца. Ими восхищается сам командующий. Для фронта очень

важно, чтобы они продержались там, на главном направлении нашего будущего наступления в Восточной Пруссии. Понимаешь, Толя, продержались любой ценой...

Что ж, по дороге из Роминтенского леса под Норденбург группа добыла важные разведданные. Однако есть предел человеческим возможностям.

Моржин скрепя сердце пишет радиограмму:

«Все члены группы — это не люди, а тени. За последние недели они настолько изголодались, промерзли и продрогли в своей летней экипировке, что у них нет сил держать автоматы. Все сильно простужены. Одежда перепрела. Патронов осталось по 30 штук. Просим сбросить груз, разрешить выход в Польшу. Иначе мы погибнем».

2. На пороге «Волчьего логова»

Ночью Зина принимает радиограмму Центра «Гладиатору».

«Погода нелетная. Груз сбросить не можем. Вам разрешается выход в Польшу. Примите все меры к сохранению людей».

Майор Стручков долго просиживает над картой. Удастся или не удастся группе выйти в Польшу? А погода все портится. Не только фронт на земле, но и небесный, грозовой фронт отделяет группу «Джек» от Большой земли...

Прогноз погоды скверный, из-за метеорологических условий долго не удастся перебросить воздухом продукты.

Ночами пятерка идет по топким берегам Мазурских озер, рощами ольхи и клена, болотами, в которых батальонами и полками погибали тридцать лет назад солдаты генерала Самсонова... Шумят о чем-то старые сосны — свидетели тех боев.

На пороге «Волчьего логова», у самого Герлицкого леса, «Джек» засекает вражеские оборонительные рубежи, и Аня выстукивает радиограммы с ценными развед-

данными о семидесятикилометровом оборонительном поясе Мазурских озер. Нетрудно понять, что именно отсюда гитлеровцы попытаются ударить по нашим войскам, когда они пойдут от Варшавы на Берлин...

И здесь укрепления еще не заняты войсками вермахта. Значит, все эти войска стянуты гитлеровским командованием к фронту. Значит, у Гитлера не хватает солдат, чтобы занять укрепления в прифронтовой полосе. Значит, немцы в Восточной Пруссии скрывают не только свою силу, но и свою слабость — силу своих укреплений и слабость своей обескровленной на советской земле армии, которая явно не сможет в полной мере воспользоваться этими укреплениями...

Группа «Джек» однажды обнаруживает в лесу толстый, многожильный кабель, тянущийся из ставки Гитлера.

— Это может стоить нам жизни, — задумчиво говорит Толя Моржин, — но я предлагаю перерезать этот кабель. Что скажете?

— Крылатых и Шпаков, — отвечает Ваня Мельников, — сказали бы: «Резать!» Значит, решаем единогласно: «Резать!»

И группа «Джек» режет пятью финками кабель, соединяющий ставку «великого магистра» и его «капитула» под Растенбургом со штабом главного командования сухопутными силами в Ангербурге.

Самого Гитлера, хотя этого и не знают разведчики, уже нет в «Волчьем логове». Совсем недавно, 20 ноября, он вылетел в Берлин. Но ставка еще действует. Разведчики видят, как за лесом приземляются и взлетают тяжелые четырехмоторные «кондоры», сопровождаемые истребителями Ме-110.

Поздним вечером Аня и ее друзья проходят мимо «Вольфсшанце». За серым озером Добен, там, где за черными соснами спрятан в землю железобетонный череп — бункер Гитлера, угасает кровавый закат... Зина грозит кулачком — озеру, соснам, ставке. Скоро, скоро поползет из своего логова смертельно раненный, издыхающий волк, чтобы сдохнуть в берлинской берлоге...

Затерявшаяся в мрачном лесу пятерка разведчиков, а вокруг — вся махина третьего рейха во всей своей беспощадной мощи, дивизии СС и панцирные армии вермахта, фельджандармы и два миллиона пруссаков.

Неравный бой. Но бой продолжается уже четвертый месяц...

Куда ни посмотришь — всюду надолбы, межи, эскарпы, «зубы дракона». Таких мощных укреплений «Джек» еще нигде не видел. Целую ночь, до утра, идут разведчики по краю огромной клыкастой пасти дракона. Вернее, волка, чье логово совсем близко. Восточная Пруссия — верхняя челюсть этого волка.

В стороне остается город-крепость Летцен. «Джек» днем благополучно пересекает железную дорогу Растенбург — Летцен, по которой фюрер, бывало, ездил в свою ставку в Виннице.

Через реки разведчики переправляются древним способом — каждый со связкой ивовых прутьев. К этим связкам привязаны рации, оружие, вещмешки, одежда. Мельников предлагает соединить все связки парашютной стропой, чтобы никого не унесло в темноте быстрым течением. Ледяная вода в первую минуту кажется кипятком... Зина не умеет плавать, но, крепко вцепившись в спасительную связку, кое-как держит голову над черной водой...

Аня гребет правой рукой, левой поддерживает рацию. Только бы уберечь «северок» от воды: даже самая малость воды — и «северок» смертельно заболеет...

Холодно, мокрая одежда задубевает, шуршит при каждом шаге. Кажется, будто это проклятое шуршание слышно далеко окрест. Надо идти и идти, пока на тебе все не просохнет. Нельзя ложиться спать в мокрой одежде. Но уже совсем светло...

Утром, измученные, больные, Аня и Зина, передвинув пистолетные кобуры с бока на живот, ложатся на промерзлую землю в зарослях облетевшего орешника и спят долго, словно стремясь обмануть усталость, неотступную тревогу и голод. В пепельно-сером небе плывут низкие, угрюмые, снеговые тучи.

Замерзают лужи и болота, у берегов озер собирается шуга. Озеро Мауерзее. Озеро Даргайнензее. Левентинзее. Гуттензее. Злой северо-западный ветер гонит под хмурым небом свинцовую волну. Шумит жухлый, рыжий камыш на ветру. Хлещет дождь пополам со снегом. Скрипят, стонут сосны.

Мрачен вид заколоченных купален. Еще недавно здесь купались бюргеры и бауэры, а вдали белели быстрые

яхты прусской знати. А теперь — гулкий крик ворона и следы на пороше. Временами — то ли мерещится Ане, то ли на самом деле — в лесном мраке зелеными углями горят нечеловечьи глаза. Нет, недаром Гитлер назвал свою ставку «Вольфсшанце» в этой волчьей глуши.

С каждым днем разгорается сражение разведчиков с «генералом Морозом». Свиреп и беспощаден этот генерал. Он воевал на нашей стороне под Москвой, и из-за белых вьюг сорок первого поседели виски у фюрера, который грелся у камина вот здесь, под Растенбургом.

Но теперь «генерал Мороз» взялся за разведчиков. Нет теплой одежды и крепкой обуви, голод, нельзя разложить костер.

— Ну и холодюга! — шепчет Аня Зине. — Я все свою сещинскую кожанку вспоминаю да латаные-перелатанные валенки.

Разведчики утепляются как могут — ложась, застилают лапник вырезанными из грузовых тюков кусками авизента, подбитого ватином, одеваются в трофейное обмундирование, подкладывают газетную бумагу в сапоги и ботинки, обвязывают поясницу нижней рубашкой, чтобы, лежа на мерзлой земле, не застудить почки. Морозы все сильнее, земля каменеет, промерзая все глубже. Ложится снег в лесу. Промокшая одежда днем не просыхает, покрывается ледяным панцирем.

Летне-осенние маскировочные костюмы уже не маскируют, а демаскируют. Аня и Зина шьют на скорую руку маскхалаты из парашютного перкаля, из простыней, добытых в брошенном майонтке.

Все чаще встречаются облетевшие березовые рощи; они похожи здесь на колонны угнанных в Неметчину россиянок.

Идут разведчики. Идут радистки. «Ти-ти-ти-та-та». Постоянная борьба с голодом, холодом и опасностью. Сердце, сжатое тревогой, словно железным кулаком. Шаги ночного патруля, окрик «хальт», и грохот выстрелов, и визг пуль в неведомых черных урочищах.

Сумасшедший бег в лесных потемках, бешеный стук в груди, жар в натруженных легких.

Невероятно тяжелы выпавшие на долю Ани и ее друзей трудности и лишения. Откуда черпают богатырскую силу эти обыкновенные девчата и парни в необыкновенных условиях гитлеровского тыла? Известно, что вести

бой можно научить любого новобранца в любой армии, а вот умению переносить и преодолевать трудности и лишения, умению бороться в безвыходных, казалось бы, условиях научить нельзя. Такая богатырская стойкость вырабатывается в человеке всей его жизнью, подкрепляется закалкой характера и несокрушимой верой в священную правоту того дела, которому он служит.

Этим «святым духом» и живы разведчики группы «Джек». И этого же духа не оказалось у великолепно вышколенного и позорно провалившегося гитлеровского «Вервольфа», потому что гитлеровцы были сильны лишь дисциплиной, а не сознательностью...

— А на фронте сейчас наши культурно живут, — размечтался на привале Ваня Мельников. — Сходил в баньку, оделся во все теплое и чистое, дернул свои наркомовские сто грамм и рубай себе от пуза горячую пшенку. Свернешь козью ножку с палец толщиной, задымишь, почитаешь дивизионку, а потом можно и на фрица наваливаться. Лафа!

...А фронт, как назло, стоит и стоит на месте. Немцы отходят из Греции, Югославии, Албании. Но из Восточной Пруссии они никак не хотят уходить.

На лесном перекрестке Моржин и Мельников берут «языка» — кавалера Золотого германского креста штабс-унтер-офицера одного из полков 221-й охранной дивизии. Моржин забирает у него автомат, выуживает два запасных рожка из широких голенищ.

«Языка» допрашивает Аня. В группе теперь только она одна говорит по-немецки.

— Двести двадцать первая дивизия! — восклицает Ваня Мельников, по-хозяйски заглянув в зольдбух — солдатскую книжку. — Колоссаль! Братцы! Какая приятная встреча! Да это та самая дивизия, что гоняла нас в Белоруссии, жгла деревни, расстреливала детей, женщин и стариков! Вундербар! Попался тот, который кусался!..

Штабс-унтер-офицер испуганно смотрит на обступивших его изможденных людей с горячечным блеском в глазах и начинает трястись крупной дрожью.

— Наш полк готовится к отправке в Арденны, — чуть не плачет он.

Моржин выясняет, что многие части срочно перебрасываются из Восточной Пруссии на запад, на защиту

«Западного вала». Оставшиеся дивизии держат по пятнадцать километров фронта. Второй танковый корпус СС, под командованием СС-группенфюрера Герберта Гилле, в составе двух дивизий, по приказу фюрера готовится к переброске из Восточной Пруссии в Венгрию, чтобы деблокировать немецкие войска, окруженные в Будапеште. Допрос переводит Аня.

Остальных разведчиков в эту минуту больше интересует «энзе» карателя — до того все голодны. Хорошо, что попался штабной унтер с ранцем, а не щеголь-офицер. В ранце из телячьей кожи шерстью наружу они находят целый склад — говяжьи консервы, консервы ливерной колбасы из дичи, сыр в тюбике, две пачки галет (одна из пшеничной, другая из ржаной муки), консервы с топленым маслом, баночку с искусственным медом, термос с горячим кофе, буханку формового хлеба с примесью ячменя и — очень кстати — плитку шоколада «Шокакола»: он бодрит и успокаивает нервы.

Толя Моржин стоит в тесном кругу своих друзей и, надев на руку часы-хронометр, молча переводит стрелки вперед на два часа — с берлинского времени на московское.

Что-то очень знаменательное, символическое было в этой сцене под соснами.

Молодой москвич, лейтенант-разведчик, командир разведгруппы, потерявшей больше половины своего состава, стоя на восточнопрусской земле, окруженный тремя-четырьмя миллионами врагов — бауэрами и бюргерами Восточной Пруссии и солдатами Гитлера, — переводил часы с берлинского на московское время...

Затем «Гладиатор» сверяет часы с часами «Лебедя» и «Сойки», которые вот уже четыре месяца связывались с Большой землей из Восточной Пруссии по московскому времени.

Важные показания штабс-унтер-офицера этой же ночью надо передать Центру. У Ани и Зины имеются свои, личные, профессиональные, так сказать, враги — атмосферные помехи, эти чертовы фашистские дребезжалки, десятки всяких неожиданных и досадных неполадок: перебитый пулей шланг питания, поломка деталей, капризные контакты, однажды отпаялась припайка дросселя низкой частоты. Но хуже всего, что у Ани совсем сели батареи, а у Зины вот-вот выдохнутся.

— Не знаю, Толя, — говорит Зина Моржину после радиосеанса, тревожно глядя на вольтметр, — смогу ли я передать следующую радиограмму.

Квадрат леса в восемнадцати километрах юго-восточнее Зенсбурга у озера Муккерзее. Только что отгремел бой. Еще не остыли дула автоматов. Аню еще всю трясет. Она уже три дня болеет. Ангина — таков Толин диагноз. Сама Зина работать не может — совсем сдала, что-то бредит про кукушку, считает, сколько жить осталось... В лесу — голоса, крики немцев; Толя зажимает Зине рот.

Немеют от холода пальцы, зубы выбивают чечетку. Аня выстукивает радиограмму, работая на Зининых батареях. Временами, забываясь, она работает почти в полуобмороке, автоматически. Чтобы обмануть немецкую радиоразведку, Аня настраивается как можно быстрее, при помехах сеанс прекращает, чтобы не затягивать, часто меняет позывные и волны. Теперь она знает рацию так же хорошо, как прежде в Сеще свой старенький «Ундервуд».

Характеристика работы корреспондента № 2165: *«Позывной дает нечетко. Настройка передатчика длиннее нормального до 1 метра. Передача на ключе торопливая, нечеткая. У всех цифр укорочено тире. Материал принимает хорошо. Правильно и быстро переходит на предлагаемые нами волны, умело удлиняет и укорачивает волну своего передатчика».*

Ночью они идут по старинным дорогам, прорубленным в пуще крестоносцами. Идут по дорогам, чтобы не оставлять следов в заснеженном лесу. Прячутся за вековыми деревьями, когда проносятся грузовики и штабные «мерседесы», проезжают конные обозы.

Днем в лесу звучит французская речь. И это не галлюцинация: в лесу пилят деревья военнопленные французы.

А то вдруг разведчики, подобравшись кустарником к шоссе, услышали непонятный галдеж. По шоссе немцы-конвоиры, покрикивая, ведут колонну американцев из «Офлага» — офицерского лагеря. Странные это воен-

нопленные — сытые, розовощекие, отлично одетые. Они смеются, оживленно разговаривают друг с другом, перебрасываются на ходу бейсбольным мячом. За американцами медленно едет грузовик с продуктовыми посылками международного Красного Креста. За грузовиком шагают тесной толпой, тараторя наперебой и бешено жестикулируя, итальянские генералы. Немцы посадили их в «Офлаг» после свержения Муссолини в июле прошлого года...

Ночью за лесом зловеще горят призрачным, трепетным светом ракеты, и Толя Моржин рассказывает про победные артиллерийские салюты в Москве.

Слабеют, выбиваются из сил разведчики. Каждую ночь все труднее идти. Моржин смотрит на карту, хмурится. Позапрошлая ночь — 17 километров, прошлая ночь — 12 километров, эта ночь — 8 километров, хотя теперь стало легче перебираться через замерзшие реки, каналы и болота.

...Позади — пятьсот километров, пройденных «Джеком» по прусской земле. Это если считать по прямой, но разведчик не ходит по прямой, путь его подобен спутанному серпантину.

После Ангербурга «Джек» пять раз переходил через «железки», а сколько позади осталось шоссеек, никто и не упомнит... В памяти Ани часто всплывает все одна и та же фраза из «Крестоносцев»: «Если держать путь все время на юг, отклоняясь немного на запад, то непременно доберешься до Мазовии, а там все будет хорошо...»

И вот последняя немецкая железная дорога. Перегон Пуппен — Рудшанки западнее города Иоганнесбурга, километрах в пятнадцати от польской границы. Бредет пятерка шатающихся серых теней. Кажется, будто все нервы и мышцы тела омертвели, только в сердце еще тлеет огонек жизни. А впереди — решающий бросок.

Моржин тревожно оглядывается на едва переставляющих ноги товарищей. Надо отогнать коварную сонливость, тяжкое оцепенение, гибельную апатию. Он разрешает съесть галеты из неприкосновенного запаса. Надо собрать в кулак последние силы, всю ярость, накипевшую на душе за эти немыслимо долгие недели и месяцы в Восточной Пруссии.

При броске через дорогу группа попадает под шквальный огонь жандармов-охранников. Разведчиков спасает густой туман. Немцы преследуют «Джека» всю ночь и весь последующий день... В свинцовой пурге бесследно исчезает еще один член группы — Ваня Целиков, Иван Белый, комсомолец, тракторист из деревни Климовка, что на Гомельщине, ставший искусным разведчиком-следопытом...

Из письма Ивана Андреевича Целикова автору этой книги от 20 июня 1966 года:

«...Меня Ваше письмо прямо-таки оглушило. Ведь двадцать с лишним лет прошло. Сам я цел остался, но товарищей потерял. День за днем таяли силы нашей группы. Мы поклялись драться до последней капли крови и не сдаваться живыми. Если ранят в ногу, руку или плечо — все диски автомата выпустить. Нет гранат, так есть пистолет ТТ, две обоймы, шестнадцать патронов, пятнадцать выпускай по врагу, шестнадцатый в висок...

Аню я хорошо помню. Ко всем была она отзывчивая, а в бою смелая.

Всего мы прошли сквозь четырнадцать немецких облав, и четырнадцатая, пожалуй, была самой страшной. В большом пограничном лесу под Иоганнесбургом восемнадцать раз окружали нас немцы в разных лесных кварталах, и восемнадцать просек пришлось нам форсировать с боем. Я отбился во время прорыва через девятнадцатую просеку около железной дороги, уже в полной темноте заблудился в лесу.

Я выжил, пройдя сквозь неимоверные трудности. Около месяца жил, как дикообраз, питался дубовой корой. В лесу дожидался наших... Теперь работаю механизатором в родном совхозе «Гомельский»...»

VIII. ЛЕБЕДИ НЕ ИЗМЕНЯЮТ

1. В Мазовии, где правит Эрих Кровавый

Долго тянется последняя ночь разведчиков в Восточной Пруссии, где на каждом шагу подстерегала их немецкая смерть, вооруженная не железной косой, а пулеметами и автоматами.

— Ну что, ребята, дадим концерт? — спрашивает Мельников, набивая последними патронами автоматный рожок. — Концерт в исполнении квартета «Джек»...

Ночью четверо из группы «Джек», оторвавшись от немцев, переходят через «железку», через большой смешанный лес Иоханнесбургерхейде, проходят мимо озера Нидерзее, под утро пересекают границу и останавливаются в лесу у польской деревни Дуды Пущчанские. С виду их можно принять за беглых «кацетников», беглецов из лагеря смерти, — так они исхудали и обтрепались...

Еще один бой — и «Джек» отвоюется. У четверки не осталось ни одной гранаты, расстреляны почти все патроны.

Так «Джек» выходит из Восточной Пруссии и вступает в Польшу, в край мазовецкий, где седобородые кобзари — здесь их называют гуслярами и гудочниками — еще поют старинные баллады и песни о славных битвах польских рыцарей с крестоносцами.

Аня оглядывается. Восточная Пруссия позади. Там остаются капитан Крылатых, Коля Шпаков, Юзек Зварика... Они уже никогда не вернутся из Восточной Пруссии. Их не хоронили друзья, не провожали в последний путь. С ними прощались без воинских почестей, без салютов.

Там пропали без вести Натан Раневский и Генка Тышкевич, Ваня Овчаров и Ваня Целиков. Четыре месяца между жизнью и смертью... Четыре месяца непомерного напряжения всех духовных и физических сил. Узнают ли когда-нибудь солдаты 3-го Белорусского фронта, которые скоро будут громить врага в Восточной Пруссии, имена тех советских разведчиков, которые помогли им малой кровью добиться большой победы!

Улеглась метель, очистилось местами небо, прощально моргает верный друг Сатурн. Впрочем, Сатурн и в Польше послужит разведчикам...

За плечами у Вани Мельникова Аня видит туго набитый мешок. И она вспоминает, что в «Крестоносцах» польский рыцарь Збышко, выполняя данный любимой обет, кладет на ее могилу павлиньи и страусовые перья, сорванные им со шлемов поверженных в бою крестоносцев. И «Джек» тоже возвращается из Неметчины с трофеями, добытыми у потомков крестоносцев, — в мешке

у Мельникова хранятся кресты и медали, солдатские и офицерские книжки «остландрейтеров», которым они уже никогда не понадобятся.

Утром, во время привала на заросшем бурым горчаком болоте, Толя Моржин достает карту, читает названия окрестных весок, и славянские названия звучат музыкой Шопена в ушах разведчиков — Домброве, Волькове, Крысяки, Пупковизна, Заляс, Недьзведьз, Вейдо... Это в них поют на заре петухи. Стеной стоят вокруг могучие леса Мазовии.

Мыщинецкая пуща. О ней, бывало, вспоминал в Сеще Ян Маньковский. В старину в этой пуще водились зубры, туры, вепри, и сейчас водятся медведи, волки, лоси...

— Мы живы, живы! Какое чудо! Мы живы! — с мокрыми от радости глазами шепчет Зина, обнимая подругу.

Да, они живы. Но не чудом живы. Они сами сотворили это чудо.

Польша! Братская земля... Они были готовы целовать эту землю.

Наступают дни великой неуемной радости: в лесной деревеньке Вейдо разведчики встречаются с мазуром Стасем Калинским, устанавливают связь с другими надежными поляками.

Здесь, в деревянной, избяной Польше, у разведчиков много преданных, смелых друзей, не то что в каменной Пруссии. Пусть хаты бедны, но в них тепло, гостей ждет горячая похлебка, хлеб и копченое мясо, можно достать даже гусиный жир, чтобы смазать обмороженные руки и ноги. Жаль, нет Раневского и Зварики — они хорошо знали польский язык. Переводчиком служит Аня Морозова, да и белорус Ваня Мельников без особого труда разговаривает с поляками, а еще лучше — с молодыми польскими паненками.

Глядя на друзей-поляков, Аня часто вспоминает Яна Маленького, Яна Большого, Вацека, Стефана — всех сещинских поляков. Именно такими неукротимыми и свободолюбивыми рисовали они своих земляков. Именно такими были и сами.

Сначала Аня, впервые за много недель досыта наевшись, спит под мягкой периной, спит долго, как никогда в жизни еще не спала, — целые сутки. Потом с Зиной

моется и парится в бане, очень похожей на баню в Сеще. Поглядев друг на друга, они и плачут и смеются — такие обе стали худые, кожа да кости!

— А я уж и не мечтала о бане! — признается Зина Ане, вычесывая из спутанных светлых волос хвойные иглы восточнопрусских лесов.

Рации остаются в тесном предбаннике, где их охраняет Ваня Мельников. Впервые за много месяцев расстались девушки со своими «северками». И в избу их нельзя внести с мороза — станции отпотеют, потом опять замерзнут на морозе и выйдут из строя.

В жарко натопленной избе Стась Калинский рассказывает о житье-бытье под немцем. В Сеще Аня провела в оккупации около двух лет, а поляки уже пятый год стонут. Прежде всего разведчики выясняют, что они зря радовались, что они еще вовсе и не расстались с Восточной Пруссией, перейдя старую германо-польскую границу. Оказывается, они с таким трудом прорвали только одно кольцо окружения из двух. Дело в том, что после победы над Польшей Гитлер присоединил к Восточной Пруссии весь северопольский край, что и тут правит Эрих Кровавый.

Правда, тут еще живет немало поляков, хотя много молодежи угнано в глубь Пруссии. Кох объявил весь этот край коренной германской землей, за которую немецкие рыцари дрались еще семь веков назад. Он отнял самые лучшие земли для немцев-помещиков, собирается выселить или превратить в батраков всех польских крестьян, а на их землю поселить «героев войны».

Кох делает все, чтобы онемечить поляков. Говорят, скоро немцы совсем запретят польский язык, будут штрафовать за каждое ненароком вырвавшееся польское слово. Немецкое слово, лучше всего знакомое полякам, — это «ферботен». Запрещается, «ферботен», пользоваться средствами передвижения, учиться в школе, посещать кино, театры, музеи, ходить в немецкие церкви. Введен полицейский час: нельзя выйти на двор с восьми вечера до шести утра. Все работоспособные отбывают трудовую повинность на лесозаготовках, за что получают скудный паек. За невыход на работу угоняют в трудовой лагерь с каторжным режимом. Такие лагеря имеются в каждом уезде. Кох превратил в большой концлагерь бывший замок мазовецких князей в Цехануве,

построил лагерь смерти в Дзялдуве, отвел для поляков лагерь в Восточной Пруссии. В самом большом из них, в Хоэнбрухе, немцы уничтожили больше людей, чем в Бухенвальде. Повсюду действуют военно-полевые суды; они знают только два приговора — концлагерь или смерть.

Немцы запретили убой скота — за голову свиньи Кох снимает голову с поляка. Если немец убьет поляка без уважительной причины, его штрафуют на пять рейхсмарок. Если поляк не поклонится немцу, тот упрячет его в концлагерь. Немцы часто устраивают так называемое «польское кино» — массовые экзекуции и казни. Начали с лишних ртов — с больных, калек, сирот и престарелых, потом стали истреблять интеллигенцию и духовенство во всей епархии. Скоро очередь дойдет и до ремесленников и крестьян. Впрочем, по всему видно, что освобождение близко — идут советские войска, спешит с востока Польское войско!

Рассказывают, что специальный отряд подневольных евреев — «кацетников» под командой СС-гауптштурмфюрера Махолля выкапывает и сжигает в лесах трупы давно расстрелянных евреев и поляков. Не от хорошей жизни заметают эсэсовцы следы своих преступлений.

— Слава господу нашему Иисусу Христу! — приветствуют гостей степенные старики-мазуры, входя в избу Стася Калинского.

— Во веки веков! — отвечают по местному обычаю разведчики.

В деревне Вейдо, однако, оставаться опасно. Каждый поляк под страхом смертной казни обязан доносить жандармам о любом незнакомом и подозрительном лице. Предателей в Вейдо как будто нет, но чем черт не шутит... Как встарь тевтонские рыцари устраивали опустошительные набеги на княжество мазовецкое и все польское пограничье, так и теперь с огнем и мечом приходят в Мазовию каратели-эсесовцы. Всюду рыщут их ягдкоманды и патрули. Наезжают из Кольно, из Мышинца.

Стась Калинский обещает связать разведчиков с польскими партизанами Армии Людовой. Немало в здешних лесах и пущах и смешанных советско-польских отрядов, действует тут и разведгруппа русских парашютистов. Все это после Восточной Пруссии похоже на волшебный сон...

Вообще-то говоря, рассказывает Стась Калинский, партизан здесь, на территории, присоединенной к рейху, намного меньше, чем в генерал-губернаторстве. Особенно жарко полыхает пламя партизанской войны в Люблинском и Келецком воеводствах, там и отряды крупнее и больше их. А здесь воюют, в основном, территориальные группы — их бойцы, крестьяне, тайно собираются ночью, проводят боевую операцию, а наутро, спрятав оружие, как ни в чем не бывало хлопочут по хозяйству на глазах у немцев. Но есть в этом краю и большая сильная партизанская бригада, гордость Мазовии, — бригада Армии Людовой «Сыны Земли Мазовецкой». И есть в этой бригаде 4-й батальон, весь состоящий из советских военнопленных, бежавших из гитлеровских «дулагов» и «шталагов».

Четверка перебирается ночью в лесную землянку с железной вермахтовской бочкой, приспособленной под печку. Расположена землянка в 12 километрах северо-восточнее Мышинца. Поляки связывают «Джека» с группой бежавших военнопленных, которые живут на лесных хуторах у поляков. Двое из них — быстрый как ртуть француз (русские и поляки зовут его просто «Французом») и Павел Лукманов — вызываются носить сведения и продукты разведчикам из Вейдо. Эти связные работают неплохо, особенно старается Павел Лукманов. С помощью поляков и военнопленных четверка быстро налаживает разведку в новом районе...

Под деревней Дубы Пущчанские «Джек» принимает морозной звездной ночью до зарезу нужный груз — в нем зимняя экипировка (телогрейки, ватные брюки, шапки-ушанки, теплое белье, байковые портянки, трехпалые армейские рукавицы, новые сапоги-кирзачи: 37-й размер для Зины и 38-й для Ани), а также водка, аптечка первой помощи, индивидуальные пакеты, шланг питания.

— Держи, Аня! — говорит Мельников, протягивая Ане гранату «феньку». — Помнишь, Шпаков говорил: первая помощь — помощь друга, последняя помощь — пуля в висок или граната к сердцу...

Черная «лимонка» удобно ложится в Анину ладонь...

В долгие вечерние часы, лежа на волчьих шкурах в землянке, Аня пересказывает друзьям роман «Крестоносцы». Потрескивают дрова в бочке, тускло светит фо-

нарь «летучая мышь»... Как пригорюнилась Зина, когда Аня дошла до того места, где Дануся, замученная немцами в Пруссии, умирает, едва возвратившись в родную Мазовию...

Последняя радиограмма Центру от «Гладиатора».

«В районе Остроленки находится 102-я пехотная дивизия, при ней 104-й артполк. Из Восточной Пруссии в наш район прибыла 28-я гренадерская дивизия. Из леса восточнее деревни Тычек-Носки в Кольно выехало 30 танков — полевая почта 8417.

В район Лысе и Пупковизна приезжают за сеном солдаты 128-й и 144-й пехотных дивизий. Немцы нашли два мешка груза, сброшенного в двух километрах западнее сигналов, и начинают большую облаву. Живем то в лесной землянке, то под остатками сена в стогах».

Из письма офицера штаба 3-го Белорусского фронта майора В. П. Шаповалова сестре Зины Бардышевой, 26 декабря 1944 года:

«Отвечаю, Аня, на Ваш запрос. Сестра Ваша, Зина Бардышева, жива и здорова. Находится в длительной командировке и написать Вам не может. О Зине не беспокойтесь, я Вам всегда сообщу о ее здоровье. Вы правы: «лучше плохая правда, чем красивая ложь». Но еще лучше, когда красивая правда! Безусловно, на войне может быть всякая неожиданная неприятность. Зина выполняет большое почетное дело...»

Радиограмма Центру от «Лебедя», 30 декабря 1944 года.

«Три дня тому назад на землянку внезапно напали эсэсовцы. По сведениям поляков, немцы схватили Павла Лукманова, он не выдержал пыток и выдал нас. «Француз» умер молча. «Сойка» сразу была ранена в грудь. Она сказала мне: «Если сможешь, скажи маме, что я сделала все, что смогла, умерла хорошо». И застрелилась.

Зина Бардышева
(«Сойка»)

«Гладиатор» и «Крот» тоже были ранены и уходили, отстреливаясь, в одну сторону, я — в другую. Оторвавшись от эсэсовцев, пошла в деревню к полякам, но все деревни заняты немцами. Трое суток блуждала по лесу, пока не наткнулась на разведчиков из спецгруппы капитана Черных. Судьбу «Гладиатора» и «Крота» установить не удалось».

Из автобиографии Зины Бардышевой.

«Я, Бардышева Зинаида Михайловна, родилась в 1923 году в Москве, в рабочей семье. Отец работал прорабом в конторе «Монтажэнерго» в Москве, мать — уборщицей в магазине. С 1931 по 1941 год училась, в июне 1941 года кончила 10 классов, поступила контролером на завод «Коопутиловец». С июня 1941 по 6 апреля 1942 года работала на заводе. После этого поступила в радиошколу Осоавиахима в Москве. 9 апреля уехала в Горький, где приняла военную присягу. 23 июля сдала испытания. Мне присвоили звание старшего сержанта. Комсомолка. На задании была с 15 сентября 1942 года

по 10 июля 1944 года. Устроилась легально на станции Городище, Минского района, работала радисткой при железнодорожном мастере, который имел связь с отрядом «Комсомолец» партизанской бригады «За советскую Белорусскую». Награждена орденом Красной Звезды...»

За год до своей гибели Зина писала из тыла врага в Белоруссии родителям:

«Здравствуйте, мои дорогие! Мамуся и папка!

Милые, давно вы не получали от меня писулек. Простите, родные. Не было возможности написать вам. Я жива, здорова, живу прекрасно, чувствую себя еще лучше. Сейчас уезжает майор. Есть надежда, что он на днях улетит в Москву. Спешу, хочу быстрее написать вам... Мамочка милая, папуля, вы, наверное, меня похоронили. А я жива! Второй раз в тылу у немцев, без своих любимых и родных, встречаю я день своего рождения. Ведь мне уже двадцать лет! За этот год я много пережила. Но все это чепуха. Наша армия здорово двигается вперед, и я верю, скоро настанет тот день, когда я смогу обнять своих старичков.

Живу я в лесу и боюсь, когда вернусь домой, то шум Москвы оглушит меня и испугает. Лес для меня, мои дорогие, стал родным домом. В нем я чувствую себя лучше, чем в деревне или еще в каком населенном пункте. Нахожусь я у партизан. Да и сама партизанка. А потому я совсем разучилась писать... Когда пришлю еще письмо — не знаю. Но не хороните меня. Ведь я обязательно должна увидеть вас и любимую Москву. А если и убьют, то не важно. Очень много людей и лучше меня погибло, жалеть не приходится. Итак, до скорого свидания!..»

Из письма офицера штаба 3-го Белорусского фронта майора В. П. Шаповалова отцу Зины Бардышевой, 21 апреля 1945 года:

«Уважаемый товарищ Бардышев!

Мне очень тяжело сообщать Вам прискорбную весть о Вашей дочери Зине, но я обязан это сделать. Ваша дочь в борьбе с немецкими захватчиками погибла смертью храбрых, проявив доблесть и отвагу и не посрамив великое звание воина Красной Армии. Я понимаю, что Ваша утрата очень велика и горе неизмеримо большое. Никакие тут слова утешения не помогут. Я пи-

шу эти строки, и у меня от боли сжимается сердце и слезы навертываются на глаза при мысли о нашей общей любимице незабвенной Зине.

О самой гибели могу только сказать, что Зина защищалась отчаянно, не далась живой в руки врага, предпочла смерть позорному плену. Проклятые гитлеровцы ответят своей грязной кровью за чистую кровь истинной патриотки Советской Родины...»

2. С гранатой, прижатой к сердцу

...Под утро разведгруппа гвардии капитана Алексея Алексеевича Черных благополучно пересекает узкоколейку Мышинец — Остроленка. Сильная оттепель, по лесу стелется туман. В облетевшем лесу группа встречается с Мышинецким партизанским отрядом под командованием поручика Армии Людовой, по кличке «Черный». Русские в форме, с погонами, поляки в цивильном, с красно-белыми повязками на рукавах. Крепко жмут руки друг другу Черных и «Чарны» («Черный»). Все улыбаются этому совпадению.

— А это наша радистка! — представили Аню десантники.

Поручику «Черному» — Игнацию Седлиху — еще не приходилось встречаться с русскими разведчиками. Он с любопытством оглядывает из-под козырька четырехугольной конфедератки молчаливую и печальную русскую девушку» *.

После гибели друзей Аня жила, ходила, действовала в каком-то помрачении, с трудом преодолевая чувство горькой опустошенности.

Поляки рассказывают о проведенных ими операциях — они взорвали железнодорожный мост на линии Плоцк — Серпц, разоружили немцев-колонистов, вывели из строя молочный завод в Курове. Аня узнает, что в ав-

---

* О последних днях Ани Морозовой мы знаем по рассказу польского писателя Януша Пшимановского, опубликованному в книге «Вызываем огонь на себя». Мне удалось уточнить обстоятельства гибели героини после поездки в Польшу в мае — июне 1965 года, поговорить с польским партизаном Тадеушем Завлоцким, который до последнего часа был с Аней *(Прим. автора)*.

На могиле Героя Советского Союза Анны Морозовой.
Июнь 1965 г.

густе немцы окружили совет штаба Армии Людовой на острове Юранда, где собралось около двухсот партизан. Польские партизаны благополучно прорвали кольцо и ушли в Мышинецкую пущу.

Вот Аня и пришла на землю Юранда, того самого великого польского рыцаря князя Юранда, отца красавицы Дануси, невесты Збышка, того Юранда, который, по свидетельству писателя Генрика Сенкевича, был грозой тевтонских рыцарей. Ей казалось удивительным и знаменательным, что, прочитав перед вылетом роман «Крестоносцы», она, Аня Морозова, прошла по местам, связанным с его героями, с борьбой поляков и братских народов против немцев, в смертной борьбе осознала связь времен...

Аня знакомится с партизанами Мышинецкого отряда — с начальником штаба «Соколом» (Эдвардом Казмиркевичем), «Шидиком» (Яном Мончаковским), «Трубочистом» (Станиславом Станиевским), «Болеком» (Болеславом Капустинским), «Плешеком» (Теодором Сми-

гельским). Всего в отряде шестнадцать поляков. Вот они, новые рыцари земли мазовецкой!..

Вместе с десантниками их теперь двадцать четыре, включая двух радистов — Аню и Ивана, радиста капитана Черных. Эх, если бы эта встреча состоялась немного раньше, когда еще были живы Зина, Коля и Толя!..

Вечером, когда на припорошенных снегом ясенях догорает закат, Аня забрасывает на них антенну, развертывает радиостанцию и передает Центру свою первую радиограмму из новой группы. Черных сообщает, что соединился с отрядом Армии Людовой, рапортует о связях польских партизан с местным подпольем, о разведанных ими гарнизонах и укреплениях врага. Аня принимает и расшифровывает ответную радиограмму. Центр приказывает срочно выяснить состав и численность гарнизона в Млаве — бастионе млавинского укрепленного района, защищающего южные подходы к Восточной Пруссии.

Утром следующего дня Аня выстукивает новую радиограмму — результат совместной, как в Сеще, разведки русских и поляков: «...Пятнадцать «тигров» и 67 других танков на рембазе. Бронетанковая часть в составе ста машин отправляется на платформах на Пшасныш. В Хожеле стоит часть из танкового корпуса «Великая Германия».

Вечером, сидя в сырой землянке, при свете карбидной лампы, Аня передает еще одну радиограмму: «В Пшасныш прибыл полк фольксштурма и батальон Гитлерюгенда».

Центр радирует: «Выношу благодарность за успешную разведку в Млаве. Прошу выяснить результаты бомбежки...»

Потом Аня молча помогает поляку-повару варить гуляш. А когда ее хвалит за гуляш Черных, она говорит:

— Надоело мне на ключе стучать да гуляш варить! Пошлите на боевое задание. Я ведь немного знаю польский и стрелять научилась в Восточной Пруссии!.. Я хочу отомстить...

— Без твоей работы, Аня, всем нам нечего здесь делать. За гуляш спасибо, но рисковать тобой я не имею права.

Аня вздыхает. Все тот же ответ:

«Ти-ти-ти-та-та».

Поручик «Черный» советует десантникам покинуть облетевший лес и тайно поселиться в деревнях под Пшаснышом. Ожидая ответ Центра, разведчики готовятся к походу. Аня чистит пистолет «вальтер СС» — память о капитане Крылатых. Потом вновь стучит озябшими пальцами на телеграфном ключе, посылая в эфир свои позывные: «г2щ», «г2щ», «г2щ»...

Поздно вечером принимает она долгожданную радиограмму — Центр разрешает группе перебазироваться под Пшасныш и Плоцк. Всю ночь, около четырнадцати часов, идут разведчики под снегом и дождем по лесам, полям и перелескам, на рассвете пересекая железную дорогу Млава — Цеханов. К утру подвалил густой туман. Черных решает передневать на хуторе. Аня сильно кашляет. Хозяйка топит печь, подносит Ане кружку горячего молока с маслом и медом...

Аня проходила с разведчиками всего в какой-нибудь полусотне километров от исторических деревень Грюнвальд и Танненберг, южнее Ортельсбурга и Найденбурга, в тех самых местах, о которых писал в «Крестоносцах» Генрик Сенкевич.

Грюнвальд! Это слово было боевым паролем сещинских подпольщиков, русских, поляков и чехов. В памяти Ани вспыхивают строки Сенкевича: «Наступит день, когда немецкая волна либо зальет еще полмира, либо, отбитая, на долгие века вернется в свое ложе». Так было перед Грюнвальдской битвой.

И Ане довелось увидеть, как немецкая волна захлестнула ее родной край до самой Волги, пришлось снова плечом к плечу с поляками и чехами бороться против немцев.

Но теперь Ане ясно — исход войны решен, уже видна заря Победы, скоро, очень скоро придут сюда советские солдаты и навсегда загасят огонь Танненберга.

Да, советские солдаты пришли очень скоро, пришли как воины святого и правого дела по дорогам, построенным тевтонцами и пруссаками для грабительского похода на Восток. Пришли и учинили германской армии в Восточной Пруссии такой разгром, перед которым по-

меркли и Грюнвальд и Танненберг. Могучим ударом отсек советский солдат Восточную Пруссию от остальной Германии, отрубив одно из крыльев черного германского орла. Но Ане не суждено было дожить до прихода своей армии, не суждено было узнать, что гитлеровцы, отступая, сами взорвали свой памятник победы и монумент Гинденбургу, похороненному близ памятника на Танненбергском поле.

Ане не дано было встретить и обнять солдат славных Тильзитских, Инстербургских, Гумбинненских, Кенигсбергских, Мазурских, Танненбергских дивизий. Но разве перечень этих почетных наименований советских дивизий не звучит эхом беспримерного маршрута разведгруппы «Джек»! Разве нет на знаменах этих дивизий и ее, Аниной, крови, и крови ее друзей!

В те дни в гитлеровской ставке с часу на час ждали большого наступления советских войск на Висле и в Восточной Пруссии.

В те дни Гитлер в порыве откровенности доверительно сказал одному из своих адъютантов:

— Я с нетерпением жду того момента, когда смогу покончить с собой.

Объединенный советско-польский отряд расположился на хуторе в трехстах метрах от деревни Нова Весь, в доме крестьянина Тадеуша Бжезиньского.

Выставив охрану с одним пулеметом, десантники и поляки-партизаны устраиваются на ночлег в риге и на высоком сеновале. Аня засыпает как убитая, — несмотря на уговоры ребят, она всю ночь несла и рацию, и радиопитание, и вещевой мешок...

В группе Черных много хороших, смелых ребят — Саша Горцев, Миша Филатов, белорус Ванькович, сибиряк Витя Звенцов, польский еврей Шабовский. Но Аня не успевает с ними как следует познакомиться. Из головы по-прежнему не выходят Зина, Ваня, Толя Моржин...

Просыпается она, как в Сеще во время бомбежки, — мгновенно и полностью понимая, что происходит вокруг. На хутор внезапно напали немцы. Караульный дает длинную очередь из РПД, и тут же во дворе серией

рвутся немецкие гранаты-«колотушки», очереди автоматов прошивают стены риги. Прислонившись к стене, сидит капитан Черных. Кровь заливает остекленевшие глаза. Зажигательные пули зарываются в сене, и сено уже дымится... Аня вешает рацию на плечо, подхватывает сумку с батареями, выбегает из ворот риги прямо на огонь немецких МГ и «шмайссеров». Убиты Горцев, Филатов, Кузнецов...

Эсэсовцы и власовцы атакуют с запада и северо-запада, со стороны реки Вкра и острова Юранда. Десантники и партизаны на бегу огнем автоматов отгоняют их к ольшанику. Перед хутором остаются пять вражеских трупов. Аня кидается вслед за ребятами в проулок между ригой и хлевом, мельком видит сизо-голубые фигуры эсэсовцев... Низко сгибаясь, бежит она по заснеженному картофельному полю. Ребята впереди и сзади падают, отстреливаясь, один за другим... Пули настигают Звенцова, Ваньковича, Шабовского...

У самой опушки ничком падает радист Иван. Аня, уже добежав до опушки, останавливается, нагибается, чтобы поднять его рацию. Хлопнув точно пистолетный выстрел, в левую руку ударяет разрывная пуля. Над рукой тает дымок. Сначала Аня не чувствует особой боли, но, добежав до леса, бросает взгляд на онемевшую руку и все плывет у нее перед глазами. Перебитая в кисти рука висит на одних сухожилиях. Свесились разбитые трофейные часы «Лонжин» с искореженным циферблатом. Часы остановились. Друзья снимают с Ани сумки рации и радиопитание. Кто-то из поляков — кажется, Тадеуш Завлоцкий — зажимает ей артерию, «Кадет» затягивает ремень выше локтя, «Сокол» наспех перебинтовывает рану, и Аня, силясь улыбнуться, с трудом произносит:

— Ничего, ведь радистке нужна только правая рука!

Разрывные щелкают очередями в кронах голых деревьев — прямо над головой. Отстреливаясь, отходят на восток, в лес, разведчики и партизаны. Аню поддерживают с двух сторон. Позади, за опушкой, остаются подлесные деревни Храпонь, Ситяж, Дзечево...

Шалаш, коробы со смолой, костер и рядом двое встревоженных стариков смолокуров с висячими усами.

Дальше идти нельзя. Дальше плавни и незамерзшая река Вкра, быстрая, омутистая.

Аня прислоняется спиной к толстому грабу. Сквозь шум крови в ушах до нее доносятся сказанные по-польски слова:

— Может, у меня в буде?.. Да боюсь перепугать детей. Трое их у меня...

— Нет, — слабо проговорила Аня, — меня найдут, всех перестреляют.

— Тогда в кустах на болоте...

— Фамилия как? Павел Янковский? Мечеслав Новицкий? Головой отвечаете!.. Аня, мы отвлечем немцев, придем за тобой ночью!

Ребята уходят, унося Анину рацию. Навсегда рвется хрупкая, невидимая ниточка в эфире, рушится Анин радиомост... Аня смотрит вслед товарищам — русским, белорусам, полякам. Немного их осталось. Как под конец в группе «Джек». Больше двадцати смелых, хороших, молодых ребят погибло в этот день у нее на глазах...

Смолокуры ведут Аню болотом. Кругом кочки и кусты, замерзшие окна воды, пни и снег. Гулкое эхо леса вторит грохоту стрельбы.

Старики прячут Аню в почерневшем, припорошенном снегом камыше, в укромном уголке болота, и убегают. Шум стрельбы откатывается все дальше и дальше. Ребята отвлекают эсэсовцев. Вызывают огонь на себя. Но это только первая волна карателей. За ней идет вторая — с собаками, по следам в снегу.

Все громче остервенелый лай. Две немецкие овчарки рвутся с поводков, отыскивая след в торчащей из снега желтой жухлой траве. Тут — следы ног, там — на снегу цепочка алых пятен Аниной крови...

Эсэсовцы наткнулись на старика Новицкого, вернувшегося к шалашу, и тут же расстреляли его. Другой старик, Янковский, спрятался в болоте. Он видит, как немцы останавливаются на краю болота. Они кричат:

— Рус, сдавайся!

Овчарки азартно повизгивают, лают взахлеб, кидаются в голый лозняк, в заросли ольхи. С треском кроша лед коваными сапогами, эсэсовцы идут, обшаривая болото глазами, выставив вперед короткие рыльца черных «шмайссеров». Янковский в страхе отползает в глубь болота. Позади рвется осколочная граната. Он огляды-

вается — эсэсовцы залегли, один из них истошно визжит. Над болотом проносится дымный вихрь снега и палых листьев. Жалобно скулят овчарки. Обе ранены осколками гранаты и не смогут продолжить поиск. Это спасает смолокура Павла Янковского, единственного уцелевшего очевидца гибели Ани... Высоко в поднебесье с ревом мчится на запад шестерка «ЯКов». Немцы, стреляя, ползут вперед. Их гонят вперед резкие свистки офицера, командира эсэсовской команды по истреблению парашютных десантов. Аня отстреливается до последнего в обойме патрона. Ей удается сразить трех фашистов. Действуя одной рукой, она не может перезарядить пистолет. Аня еще верит в свое счастье. В каких только переплетах не бывала она там, в Сеще и в Восточной Пруссии! Неужели после всего, что пережила там, она — «Резеда», «Лебедь» — сложит голову здесь, на польской земле?

— Ти-ти-ти-та-та! — шепотом подбадривает она себя.

Крылатых, Шпаков, Мельников. Какие это были ребята!..

— Ти-ти-ти-та-та!

Красная точка на пистолете «вальтер СС». Как прощальный привет от капитана Крылатых... Но обойма пуста. Осталась одна граната. Это даже лучше — ведь на груди у нее спрятаны секретные шифрорулоны, их тоже надо уничтожить... Эх, «Лебедь», «Лебедь», далеко улетела родная стая, а тебе, раненному в крыло «Лебедю», не уйти из этого гиблого болота!..

Нет, она не может погибнуть: ведь только одна она уцелела из группы «Джек», только она хранит память о подвигах десяти ее друзей, погибших или пропавших без вести!..

Аня слышит треск сучьев и хруст льда под сапогами эсэсовцев, смотрит на голую березку на краю болота, и дикая тоска, смертная тоска теснит ей грудь, тоска по родине, по молодости, по жизни.

А что, если сдаться в плен? Не для того, чтобы сохранить жизнь ценой измены. Нет, немцы заставят ее передать Центру ложную информацию, и тогда Аня незаметно вставит в позывные условную фразу о провале. В конце концов, гестаповцы дознаются о том, как провела их Аня, и будут страшно пытать ее перед казнью. Нет, уж лучше сразу... «Первая помощь — это помощь

друга огоньком, последняя помощь — это граната к сердцу!..» Так говорил Коля Шпаков.

Аня сжимает в правой руке гранату. Новенькую осколочную гранату Ф-1 из последнего, сброшенного самолетом груза, черную ребристую «феньку»... А на востоке, за лесом, слышится гул фронтовой канонады. Свои так близко... Но еще ближе немцы. Они уже так близко, что «Лебедь» видит эсэсовского орла на фуражке офицера. Лебеди и орлов не боятся. Лебеди не изменяют. И живут до глубокой старости...

Немцы бросаются к разведчице, намереваясь взять ее живьем. Аня вырывает крепкими белыми зубами кольцо гранаты и, считая последние секунды, как во время парашютного прыжка, крепко прижимает ее к груди, в которой так сильно колотится сердце...

Сначала — большая бомбежка Сещи, разгром «ночного санатория» в Сергеевке, диверсии на авиабазе. Три звездных часа в жизни Ани. И вот — ее четвертый звездный час...

Это случилось в мглистый декабрьский день, когда до разгрома гитлеровцев в Восточной Пруссии и освобождения Польши оставались считанные дни.

Москва — Калининград — Варшава — Москва.

1965—1967

Указатель географических наименований

1. р. Алле — р. Лава
2. Алленбург — Дружба (Правдинский район)
3. р. Ангерапп — р. Анграпа
4. Ангербург — Венгожево (ПНР)
5. Ауловенен — Калиновка (Черняховский район)
6. Ауэрвальде — Моховое (Славский район)
7. Вайдлякен — Ельники (Черняховский район)
8. Велау — Знаменск (Гвардейский район)
9. Гольдап — Голдап (ПНР)
10. Гросс-Бершкаллен — Гремячье (Черняховский район)
11. Гросс-Роминтен — Краснолесье (Нестеровский район)
12. Гросс-Скайсгиррен — Большаково (Славский район)
13. Грюнхайде — Калажское (Черняховский район)
14. Гумбиннен — Гусев
15. Даркемен — Озерск
16. Едрайен — Победино (Славский район)
17. Ежернинкен — Красная Дубрава (Славский район)
18. Жиллен — Жилино (Неманский район)
19. Зекенбург — Заповедное (Славский район)
20. Зенсбург — Мронгово (ПНР)
21. Ижлауден — Дмитриевка (Нестеровский район)
22. р. Инстер — р. Инструч
23. Инстербург — Черняховск

24. Йеблонскен — Яблоньске (ПНР)
25. Йоганисбург — Янсборк (ПНР)
26. Кёнигсберг — Калининград
27. Карльсроде — Набережное (Славский район)
28. Краупишкен — Ульяново (Неманский район)
29. Куриш Гаф — Куршский залив
30. Куссен — Весново (Краснознаменский район)
31. Лабиау — Полесск
32. р. Лаукне — р. Ржевка
33. Лаукнен — Громово (Славский район)
34. Лепинен — Камышовка (Славский район)
35. Летцен — Гижицко (ПНР)
36. Мариенбург — Мальборк (ПНР)
37. Меляукен — Залесье (Полесский район)
38. Мемель — Клайпеда
39. Минхенвальде — Зеленово (Полесский район)
40. Миттель-Иодупп — Йодупе-Сьредне (ПНР)
41. Ной Хайдендорф — Разино (Полесский район)
42. Норденбург — Крылово (Правдинский район)
43. Норкиттен — Междуречье (Черняховский район)
44. р. Парве — р. Луговая
45. Пилькаллен — Добровольск (Краснознаменский район)
46. Плавишкен — Плавни (Озерский район)
47. р. Прегель — р. Преголя
48. Растенбург — Кентшин (ПНР)
49. Роминтен — Радужное (Нестеровский район)
50. Тильзит — Советск
51. Францроде — Лозовая (Полесский район)
52. р. Швентойе — р. Швента
53. Ширвиндт — Кутузово (Краснознаменский район)
54. Шитткемен — Житкеймы (ПНР)
55. Шталлупенен — Нестеров
56. Эльхталь — Заливное (Полесский район)
57. Гросс-Йегерсдорф — сейчас населенного пункта нет

